

С.И.Попов

АНТИКОММУНИЗМ-
ИДЕОЛОГИЯ
И ПОЛИТИКА
ИМПЕРИАЛИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Предлагаемая вниманию читателей книга входит в серию «Критика буржуазной идеологии и ревизионизма». Создаваемая объединенными усилиями издательств социалистических стран, серия включает в себя работы, посвященные критике новейших концепций идейных противников социализма в важнейших областях общественной жизни — экономике, политике и идеологии.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

С.И.Попов

**АНТИКОММУНИЗМ-
ИДЕОЛОГИЯ
И ПОЛИТИКА
ИМПЕРИАЛИЗМА**

Москва
Издательство
политической
литературы
1985

A7/8

~~66.019~~

П58

Попов С. И.

П58 Антикоммунизм — идеология и политика империализма. — М.: Политиздат, 1985. — 335 с. — (Критика буржуазной идеологии и ревизионизма).

Профессор С. И. Попов известен читателям по работам, посвященным критике буржуазной идеологии. В предлагаемой книге анализируется антикоммунизм как основное идейно-политическое оружие империализма. Особое внимание автор уделяет разоблачению антисоветизма, приемов психологической войны, применяемых буржуазной пропагандой. В книге рассматриваются неоконсерватизм и другие новейшие буржуазные концепции, используемые для оправдания авантюристического внешнеполитического курса империалистических кругов.

Книга будет полезна читателям, интересующимся проблемами идеологической борьбы.

П $\frac{0302030900-145}{079(02)-85}$ 116—85

66.019
1ФБ

© ПОЛИТИЗДАТ, 1985 г.

ВВЕДЕНИЕ

Мы живем в один из самых ответственных периодов истории человечества, когда оно совершает переход от капитализма к социализму и коммунизму. Наше время — это время разительных социальных контрастов и острейших коллизий, напряженной борьбы двух социально-экономических систем.

Небывало участился ритм социальных процессов, неудержимо развиваются наука и техника. Богата и сложна гамма общественных противоречий, затрагивающих саму основу существования человеческой цивилизации. Особенно обострились противоречия капитализма, обнаружилось опасные, можно сказать, злокачественные тенденции в его развитии. Это выражается в доминирующем влиянии военно-промышленного комплекса, который превращается в относительно самостоятельную, самодовлеющую силу в системе общественных отношений современного империализма. Идет процесс милитаризации не только экономики, но также политики и идеологии буржуазного общества.

Заметно возросла агрессивность империализма, в особенности империализма США. Реакционные силы этой страны открыто объявили «крестовый поход» против марксизма-ленинизма, вознамерившись «оставить коммунизм на пепелище истории», даже если оно будет общим ядерным пепелищем человеческой цивилизации.

Империализм активно использует свое главное идейное и политическое оружие — антикоммунизм, направляя его против реального социализма, мирового коммунистического, рабочего и национально-освободительного движений, против любых свободолюбивых, демократических, антимилиитаристских устремлений.

Чтобы успешно бороться с антикоммунизмом, необходимо хорошо его знать. Антикоммунизм представляет собой сложную политико-идеологическую систему. Он претендует на создание собственной социальной философии, фабрикует теоретические схемы и модели, которые противопоставляет теории и практике научного коммунизма. Обнаружение научной несостоятельности этих теорий требует серьезного и вдумчивого анализа, опирающегося на весь методологический арсенал марксизма-ленинизма. Идеология и психология антикоммунизма вдохновляет внутреннюю и внешнюю политику буржуазных государств и партий, реализуясь в сознательно осуществляемой ими линии поведения прежде всего на международной арене. Политика антикоммунизма опирается на весь экономический, научно-технический и военный потенциал империализма.

Рассматривая антикоммунизм как особый социальный институт, следует указать на разветвленную сеть политических и идейно-теоретических организаций, на мощный пропагандистский аппарат, оснащенный по последнему слову техники и щедро субсидируемый государством и монополиями.

Особого внимания заслуживает антикоммунизм как идеологическое и социально-психологическое явление. Антикоммунизм можно назвать квинтэссенцией идеологической надстройки, стержнем буржуазного общественного сознания, включая все его уровни. Хотя не всякий современный буржуазный идеолог является воинствующим антикоммунистом и антисоветчиком, вся буржуазная идеология в целом работает ныне на антикоммунизм, поставляя ему теоретические аргументы и методику пропагандистского воздействия на массы.

Чрезвычайную активность антикоммунизм проявляет в сфере пропаганды. Против Советского Союза, всего социалистического содружества развернута невиданная по своим масштабам психологическая война. Лживые антисоветские стереотипы и мифы внедряются в сознание населения капиталистической части мира, происходит систематическое запугивание несуществующей «советской военной угрозой». Империализм переносит психологическую войну и на чужую территорию, стремясь идейно разоружить и деморализовать народы социалистической части мира, не отказывается от надежды на разрыхление и внутреннюю эрозию социалистического строя. Антикоммунизм использует все: частнособственнические пережитки, проявления национализма, спекулирует на недостатках и ошибках, которые возникают на трудном и неизведанном пути строительства нового общества.

Антикоммунистический крестовый поход, антисоветская истерия вовсе не свидетельствуют о силе империализма, напротив, они говорят о его прогрессирующем кризисе, о растущем страхе буржуазии за свое будущее. Не случайно глубокий исторический пессимизм пронизывает все формы современного буржуазного общественного сознания.

Теория и практика реального социализма, марксизм-ленинизм и вдохновляемое его идеями общественное движение не находятся «в глухой обороне» и не переживают «кризис», как это мерещится кое-кому на Западе. На нашей стороне правда истории, неодолимая сила социального прогресса. Утверждая свои идеалы и одновременно борясь против антикоммунизма, мы отстаиваем прежде всего мир, а мир в наше время — это не просто мир, т. е. отсутствие войны, а единственный способ сохранения цивилизации и самой жизни на планете.

Реальный социализм потому и называется реальным, что воплощает вполне реальную конкретную социальную справедливость, реальный и конкретный гуманизм. А что действительно позитивного могут предложить защитники старого строя, выступающие с позиций антикоммунизма? Особенно

те из них, которые у себя же на родине получили название «суперястребов» и «лоббистов ядерной катастрофы»? Политике грубого диктата и подготовки войны, идеологии человеконенавистничества и психологии классового безумия реальный социализм противопоставляет жизнеутверждающую стратегию мира, философию исторического оптимизма, фундаментальные ценности новой цивилизации, где главной целью общественного развития является человек труда, его благосостояние и всестороннее развитие. Это самые сильные, самые убедительные аргументы, говорящие о качественном превосходстве социалистических форм человеческого общежития. И этих аргументов пуще огня боятся классовые противники.

Разоблачение реакционной сущности антикоммунизма является долгом всех коммунистов, демократов, всех борцов против империалистического угнетения и диктата.

Современная марксистско-ленинская мысль уделяет этой задаче неослабное внимание. Аргументированная принципиальная критика идеологии и политики антикоммунизма дается в документах КПСС и братских марксистско-ленинских партий, в трудах их руководителей. Существует внушительная научная и пропагандистская литература по данной проблеме¹.

---

¹ Укажем лишь на некоторые работы последних лет: Критика современных буржуазных и реформистских фальсификаторов марксизма-ленинизма. М., 1980; *Хватков Г. Н.* Антикоммунизм на службе реакции и войны. М., 1981; *Мшвениерадзе В. В.* Современное буржуазное политическое сознание. Философский аспект. М., 1981; Развитой социализм и кризис «советологии». М., 1982; *Бессонов Б. Н.* Антикоммунизм — политика и идеология обреченного класса. М., 1983; Обострение идеологической борьбы на мировой арене и политическое воспитание трудящихся. По материалам Всесоюзной научно-практической конференции в Таллине. М., 1983; Кризис стратегии современного антикоммунизма. Под ред. В. Загладина, Ю. Панкова, О. Рейнгольда. М., 1984; Обострение идеологической борьбы и актуальные вопросы контрпропаганды («круглый стол»). — Научный коммунизм, 1984, № 5, с. 97—136.

Данная книга не претендует на полное освещение проблемы. Да это и не под силу одному автору, поскольку антикоммунизм многолик и чрезвычайно разветвлен. Он охватывает все формы идеологии, практически все буржуазное обществоведение, пронизывает империалистическую пропаганду и «массовую культуру». А кроме того, существует политика антикоммунизма, совпадающая, по сути дела, с внутренней и внешней политикой основных буржуазных государств и партий. Понятно, что все это представляет чрезвычайно сложный объект исследования, требующий коллективных усилий.

Предлагаемая работа посвящена критическому разбору идеологических построений и политической практики главным образом той разновидности современного антикоммунизма, которая непосредственно выражает интересы наиболее реакционной части империалистической буржуазии, уповающей на военную силу как главный «аргумент» в историческом споре с социализмом.

СИСТЕМА АНТИКОММУНИЗМА

Документы КПСС и других марксистско-ленинских партий определяют антикоммунизм как главное идейно-политическое оружие империализма, которое используется им как внутри своих стран, так и на международной арене. Подчеркивается также, что основным содержанием антикоммунизма является клевета на социалистический строй, фальсификация политики и целей коммунистических и рабочих партий, учения марксизма-ленинизма. Антикоммунизм имеет и более широкий диапазон действий: он берет под прицел все антиимпериалистические, национально-освободительные и иные демократические движения, в том числе движение сторонников мира, все прогрессивные силы планеты.

1.

СУЩНОСТЬ И РАЗНОВИДНОСТИ АНТИКОММУНИЗМА

Антикоммунизм — это политика и идеология империализма, ориентированная на дискредитацию и подавление главных сил общественного прогресса: Советского Союза и всего реального социализма, международного коммунистического и рабочего, национально-освободительного, антиимпе-

риалистического движений. Антикоммунизм в этом качестве выступает как государственная доктрина империализма.

Антикоммунизм пронизывает сферу идеологии и сферу политики буржуазии. Однако буржуазная политика и идеология шире по своему объему и многообразнее антикоммунизма. Не каждый буржуазный политик или буржуазный идеолог может считаться антикоммунистом. В итоговом документе Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы (1976 г.) говорится, что «коммунистические партии не рассматривают как антикоммунистов всех, кто не согласен с их политикой или выступает с критических позиций по отношению к их деятельности»¹. Следовательно, некоммунисты и антикоммунисты — это разные категории, и отношение к ним не может быть однозначным.

Антикоммунизм составляет сущность современной буржуазной политики и идеологии, которые в целом враждебны революционному движению и научному марксистскому мировоззрению. Но, как известно, явления, выражая и отражая сущность, богаче, многообразнее ее и не совпадают с нею полностью. В политической и идеологической борьбе важно учитывать эти несовпадения, противоречия между сущностью и ее проявлениями. Ведь буржуазная политика и идеология неоднородны, отражая сложную социальную структуру самой буржуазии. Вполне реальны, например, противоречия между монополистической и немонополистической буржуазией, крупной и мелкой, буржуазией бывших метрополий и освободившихся, развивающихся стран и т. п.

Основное содержание антикоммунизма определяют главные его функции: антисоветизм и антимакизм. Поскольку ведущей силой реального социализма является Советский Союз, то упор делается на антисоветизм, который выступает и как направление политики империалистических государств, и как важнейшая линия буржуазной пропаганды. Кроме

---

¹ Конференция коммунистических и рабочих партий Европы, Берлин, 29—30 июня 1976 г. М., 1977, с. 20.

того, имеется и теоретическое воплощение антисоветизма — так называемая советология, особая отрасль буржуазного обществоведения, специализирующаяся не столько на изучении, сколько на фальсификации теории и практики реального социализма, в первую очередь в Советском Союзе.

Подлинные марксисты-ленинцы справедливо считают, что борьба с антисоветизмом и его теоретическим выражением — советологией не является делом одних советских коммунистов¹.

Оформилась советология в качестве особого направления буржуазной идеологии после окончания второй мировой войны, хотя и до этого, конечно, велось изучение и фальсификация опыта первого в мире социалистического государства. На советологию были возложены две задачи, первую из которых можно назвать разведывательной, вторую — пропагандистской: сбор данных, информация соответствующих инстанций о положении дел в «лагере противника» и выработка пропагандистских мифов с целью его дискредитации.

Важной функцией буржуазных общественно-политических дисциплин, в том числе и советологии, является формирование стереотипов политического мышления, систематизация взглядов и защита интересов различных группировок господствующего класса. Именно представители советологии

---

¹ Как отмечал Генеральный секретарь Компартии США Г. Холл, «ни один борец против империализма и тем более ни один коммунист не могут занимать «нейтралистскую» позицию по отношению к нынешним злобным и угрожающим проявлениям антисоветизма». Генеральный секретарь ЦК Португальской компартии А. Куньял подчеркивал: «Реакционные силы сделали антисоветизм главной линией своей борьбы против коммунистических партий. В этом им помогает политика правых социалистов и левацких групп. Трагической ошибкой совершила бы любая братская партия, если бы она предположила, что ей будет легче решать национальные задачи или заключать политические союзы, если она отойдет от КПСС или займет по отношению к ней позицию систематического критицизма» (Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 191, 177).

выступили с идейным обоснованием ястребиной позиции тех 148 членов конгресса США, которые образовали Коалицию за мир с позиции силы, опирающуюся на правое крыло республиканской партии¹.

Советология дает превратное, нарочито искаженное представление о предмете своего изучения. И дело здесь не только и не столько в слабой информированности советологов и вообще буржуазных ученых относительно Советского Союза, его истории и современного состояния².

Разумеется, буржуазная интерпретация реального социализма имеет гносеологические корни, т. е. теоретико-познавательные условия, приводящие к искажению объективной истины. Но главная причина ошибочности советологических «научных» изысканий коренится не в слабой информированности, не в гносеологических пороках, а в классовой тенденциозности, в буржуазной партийности. Ведь есть советологи, знающие то, о чем они говорят и пишут, но и это не спасает их от предвзятости, от грубых искажений действительности.

Нельзя, исходя из этимологии слова, считать антикоммунизм простым отрицанием коммунизма, он не сводится только к противодействию социалистической идеологии и политике. Антикоммунизм широко применяет ложь, клевету, фальсификации, но не ограничивается только этим. У него есть и собственное теоретическое, а точнее сказать, псевдотеоретическое содержание, которое заслуживает самого

---

¹ См.: *Загладин Н. В.* Антисоветизм в глобальной стратегии империализма США. М., 1981, с. 43.

² Вот один из примеров такой невежественности. Английский политолог О. Томсон, имеющий репутацию солидного ученого, специалиста по средствам массовой информации, считает, что герб царской России украшало изображение медведя, Горький «написал известную революционную песню «На дне», метрополитен был построен в Москве лишь в 60-х годах и т. п. Маркса он называет «крупнейшим пропагандистом-теоретиком», а Ленина — «крупнейшим пропагандистом-администратором» (*Tomhson O. Mass persuasion in History. Eddinburgh, 1977, p. 105*).

пристального внимания и скрупулезного критического анализа¹.

Анализа требует не только содержание, но и форма, структура антикоммунизма как сложного политико-идеологического комплекса, охватывающего сферы политики, идеологии, социальной психологии и обыденного сознания, «массовой культуры».

Политика антикоммунизма осуществляется прежде всего современными буржуазными государствами, представляющими диктатуру монополистической буржуазии, а также политическими партиями и другими организациями буржуазии. Политика антикоммунизма есть сознательно осуществляемая линия поведения, стратегия и тактика империалистических государств и буржуазных политических партий по отношению к странам реального социализма, к коммунистическим и рабочим партиям, к национально-освободительному движению.

Антикоммунизм — это не только политика и идеология, но и важнейший структурный элемент политической и идеологической надстройки капиталистического общества, особый социальный институт, опирающийся на мощную материально-техническую базу.

Остановимся на разновидностях антикоммунизма как политики и идеологии империализма. Типология антикоммунизма представляет собой сложный и недостаточно разработанный в марксистской теории вопрос. Ее принципы или, говоря языком логики, основания деления могут быть различными в зависимости от целей и задач классификации.

●

---

¹ На это обстоятельство указывает Е. Д. Модржинская, определяя антикоммунизм как совокупность вполне конкретных агрессивных политических и идеологических акций и средств, используемых империалистической реакцией в борьбе против коммунистической идеологии и практики социализма (см.: *Модржинская Е. Д. Ленинизм и современная идеологическая борьба.* М., 1972, с. 66).

В качестве важнейшего основания выступает социально-классовая принадлежность. Антикommунизм как политика и идеология, выражающая интересы государственно-монополистического капитализма, есть, бесспорно, основной, ведущий тип антикommунизма. Но антикommунизм, проявляющийся во взглядах и политике немонополистической, и прежде всего мелкой, буржуазии, имеет некоторые особенности и может квалифицироваться как особый его тип. Он не столь последователен и бескомпромиссен по сравнению с основным типом, более размыт и неустойчив, своеобразно отражая двойственность социального положения мелкой буржуазии, колеблющейся между крупной буржуазией и рабочим классом. Этот тип может быть назван либерально-реформистским.

Антикommунизм, внедряемый империализмом при помощи самых разнообразных средств в ряды рабочего класса, трудящихся масс, проявляется на уровне главным образом обыденного сознания в виде расхожих штампов, стереотипов, всякого рода предрассудков. Хотя антикommунизм противоречит объективным интересам рабочего класса как чуждая ему идеология, однако данное противоречие не всегда и не сразу им осознается. Это и понятно. Закон исторического развития, открытый Марксом и Энгельсом, заключается в том, что в каждую данную эпоху господствуют мысли господствующего класса¹. Буржуазная пропаганда вполне сознательно стремится внести в сознание масс и закрепить в нем антикommунистические мифы и предрассудки, соответствующие интересам монополий. Умело используются и те иллюзии, которые произвольно и непреднамеренно возникают в сознании трудящихся в результате неполного, неточного, метафизически ограниченного отражения социальной реальности. Гносеологические источники искаженного отображения закрепляются корыстным интересом господствующего (в том числе и в сфере общественного сознания) класса, т. е. буржуазии.

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 46.

Так возникает особый тип антикоммунизма, который можно назвать антикоммунизмом обыденного сознания, не рас­судка, а предрассудка ¹.

Если взять за основу деления уровни общественного соз­нания, то антикоммунизм выступает в двух основных фор­мах — идеологической и социально-психологической, затра­гивающей массовое, обыденное сознание. Разумеется, обе формы взаимопроникают и взаимодействуют, четко обозна­ченной грани между ними не существует.

Обыденное сознание широких слоев населения обраба­тывается в антикоммунистическом духе прежде всего при помощи средств массовой информации и продуктов «мас­совой культуры». Немалую роль в этом неблагоприятном деле играют школа, церковь, армия. Пропаганда такого рода ведется среди слоев населения, отличающихся крайней по­литической неосведомленностью, если не сказать — наивно­стью.

Поэтому пробить панцирь антикоммунистических стерео­типов и предрассудков — задача далеко не из легких. Вме­сте с тем развитие общественно-исторической практики, обо­стрение внутренних противоречий и антагонизмов капита­лизма при правильной и умелой идейно-воспитательной ра­боте коммунистов ведет к подрыву влияния буржуазной идеологии на широкие народные массы. И это тоже один из важнейших законов развития общества в современную исто­рическую эпоху.

---

¹ Антикоммунистические предрассудки и психозы захватывают не только «человек с улицы», но подчас и умудренных политических деятелей, становящихся жертвами собственных вымыслов. Из рас­секретенных после 30-летнего хранилища документов Британского го­сударственного архива видно, что в 1953 г. 78-летний премьер-министр Великобритании У. Черчилль на одном из заседаний кабинета мини­стров вдруг стал настаивать на плане подготовки обороны на случай высадки десанта 20 тыс. советских парашютистов в Юго-Восточной Англии. Он мысленно перенесся в 40-е годы, перемешав тогдашние тревоги по поводу обороны страны от немцев с домыслами 50-х годов о «советской угрозе».

К более осведомленным и политически развитым слоям населения приспособлен иной, более изощренный тип антикоммунизма. Заслуги К. Маркса и отдельные достижения реального социализма признаются, но марксизм в целом и социализм как общественный строй подвергаются злонамеренной фальсификации. Этот академический, или «интеллектуальный», тип антикоммунизма предназначен главным образом для интеллигенции.

В антикоммунизме выражена непримиримость буржуазной идеологии к идеологии социалистической. Однако антикоммунистические взгляды даже монополистической буржуазии не представляют собой какого-то монолита, в них обнаруживаются различия в подходах к важнейшим проблемам современности и прежде всего к вопросу о войне и мире. Различия эти весьма существенны, их нельзя не учитывать.

В качестве основания для классификации видов антикоммунизма вполне правомерно брать характер предлагаемого решения основного противоречия современной эпохи, т. е. противоречия между системой капитализма и системой социализма. Еще в 1922 г. В. И. Ленин отметил, что миролюбивая внешняя политика первого в мире социалистического государства способствовала тому, чтобы «глубже расколоть пацифистский лагерь международной буржуазии с лагерем грубо-буржуазным, агрессивно-буржуазным, реакционно-буржуазным»¹.

Эти ленинские положения полностью сохраняют свое значение и для нашего времени. Ультрареакционная, связанная с военно-промышленным комплексом группировка монополистической буржуазии и в наше время может характеризоваться как агрессивно-буржуазная. Присущий ей вид антикоммунизма фактически отрицает возможность длительного мирного сосуществования государств, принадлежащих к противоположным общественным системам. Идеологическую

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 408.

661/102
Тиража...
ГОСЦЕНТРО...
Т. Г. Ш...
19...

борьбу сводят к психологической войне, к системе идеологических диверсий, а саму идеологию полностью подчиняют политике международного диктата и агрессии. Само собой понятно, какую опасность для существования человечества представляет этот милитаризованный антикоммунизм, или антикоммунистический милитаризм, поставивший своей целью военное решение исторического спора между социализмом и капитализмом.

Реалистически мыслящие круги буржуазии исходят из признания объективной необходимости мирного сосуществования государств с различным общественным строем, чему нет разумной альтернативы. Присущие им взгляды иногда называют (на наш взгляд, не совсем точно) буржуазно-либеральным видом антикоммунизма.

В качестве основания классификации видов антикоммунизма берется также характер буржуазных и реформистских политических течений, степень их реакционности.

Подходя с этих позиций к антикоммунизму, Б. А. Шабад выделяет в нем: во-первых, откровенно фашистские и полуфашистские учения и доктрины, шовинистские, расистские доктрины в США, ФРГ и других капиталистических странах; во-вторых, буржуазный «консервативный» антикоммунизм (зачастую смыкающийся с неофашизмом). Эта разновидность антикоммунизма весьма типична для идеологии монополистического капитала и его основных политических партий в США, Англии и других буржуазных странах. В-третьих, выделяются псевдодемократические виды так называемого либерального антикоммунизма, типичной формой которого является распространенный в США и ФРГ неолиберализм. В книге, выпущенной в 1973 г., Б. А. Шабад отмечает процесс отхода известной части идеологов неолиберализма вправо, в сторону консерватизма¹. В 80-х годах этот процесс усилился, что привело к вытеснению неолиберальных вариантов

---

¹ См.: Шабад Б. А. Кризис идеологии антикоммунизма. Политический и философский анализ новых явлений. М., 1973, с. 27—30.

антикоммунизма неоконсерватизмом и аналогичными течениями.

Исследователи-марксисты выделяют также клерикальный антикоммунизм, связанный с деятельностью различных церковных организаций и течений, стремящихся превратить религиозные убеждения и чувства в инструмент борьбы с марксистско-ленинским мировоззрением и социалистическим строем. Значительные усилия руководство некоторых церквей уделяет организации антикоммунистических «исследований» и соответствующей пропаганды среди своей паствы и вне ее.

Конечно, в современных условиях отношение различных церквей и религиозных кругов к реальному социализму, борьбе народов за мир и независимость далеко не однозначно, что требует конкретного анализа и выработки соответствующей тактики. Коммунисты исходят из того, что мировоззренческие споры не должны мешать объединению всех людей доброй воли в их стремлении уберечь человечество от термоядерной катастрофы. Но коммунисты не отказываются от атеистических убеждений, от разоблачения антикоммунистических фальсификаций и домыслов, откуда бы последние ни исходили.

И. Я. Кантеров, отмечая непоследовательный и во многом противоречивый характер процесса церковного обновления, указывает на появление «в лоне католицизма нового типа клерикального антикоммунизма — так называемого «антикоммунизма позитивной альтернативы», для сторонников которого прежде всего характерно стремление придать обновленческим процессам антикоммунистическую направленность. Предпринимаются попытки разработать новую социальную философию, основанную на принципах реформизма и антикоммунизма. Сторонники «антикоммунизма позитивной альтернативы» требуют от церковного руководства более решительных действий против «безбожного коммунизма»¹.

---

¹ Кантеров И. Я. Клерикальный антикоммунизм. М., 1979, с. 103—104.

Безусловно, никакой «позитивной альтернативы» антикоммунизму любого типа — будь то клерикальный или неклерикальный — выработать не может.

Отличаются махровым антикоммунизмом «новые религиозные правые» в США, в состав которых входят «моральное большинство», «институт религии и демократии», «христианский голос» и другие организации и группировки.

Империализм издавна использует религиозные верования и клерикальные организации в своих целях. Правда, в современных условиях это ему не всегда удается. Но усилия в данном направлении предпринимаются непрерывно, особенно реакционными кругами и администрацией США. Государственные деятели этой страны не стесняются именовать себя посланниками бога, а американский народ — богоизбранной нацией, призванной к «крестовому походу» против «безбожного коммунизма». Советский Союз соответственно называется «империей зла», «средоточением зла в современном мире». Разумеется, никаких подлинно религиозных чувств и идей за этим не скрывается. Все это лишь политическая демагогия и ханжество.

При помощи ЦРУ империализм США пытается проникнуть в различные клерикальные организации, подогревает религиозный фанатизм, играет на религиозных распрях. Как заявили коммунистические и рабочие партии арабских стран, «империалисты и их пособники хотят использовать реакционные слои и движения, прикрывающиеся религией, для подрыва национального единства, насаждения антикоммунизма и вражды ко всякому социальному прогрессу, для разжигания религиозно-общинной розни»¹.

Однако далеко не все религиозные деятели и организации в капиталистических странах согласны с агрессивным курсом империалистических кругов США и других стран НАТО. Это можно сказать о большинстве американ-

---

¹ Правда, 1984, 23 июля.

ских католических епископов, о протестантском Национальном совете церквей США, о других церковных организациях и отдельных священнослужителях во многих странах мира.

* * *

Как мы могли убедиться, единая социально-классовая сущность антикоммунизма имеет многообразные политические и идеологические проявления и виды. Но самым главным и наиболее опасным в наше время является тот вид антикоммунизма, который непосредственно выражает интересы наиболее реакционных кругов монополистической буржуазии, интересы военно-промышленных комплексов. К этому воинствующему, милитаризованному виду антикоммунизма и должно быть приковано наше внимание.

2.

АНТИКОММУНИЗМ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Антикоммунистические идеи и устремления пронизывают всю идеологическую и политическую надстройку современного капитализма. Но, кроме того, существуют специализирующиеся на выработке антикоммунистических идей и концепций институты и учреждения и соответственно подготовленные кадры.

Институализация антикоммунизма как идеологии приняла на Западе широкие масштабы. Функционирует внушительная сеть всякого рода фондов, центров, институтов, специальных кафедр в составе университетов и т. п., издается множество журналов и «исследований», защищается огромное число диссертаций по антикоммунистической тематике. Колоссальный пропагандистский аппарат империализма, располагающий самыми современными и непрерывно совершенствующимися техническими средствами, ведет психологическую войну против стран социализма, всех прогрессивных сил и движений планеты, обрабатывает в духе антикоммунизма и антисоветизма сотни миллионов людей.

Необходимо прежде всего указать на «мозговые центры» финансово-монополистической олигархии. Оставаясь, как правило, в тени, они вырабатывают стратегию и тактику, которой придерживаются и проводят в жизнь президенты, правительства и парламенты.

Если взять Соединенные Штаты, то исследователи называют Совет по международным отношениям, основанный еще в 1918 г. и финансируемый фондами Форда, Рокфеллера и Карнеги. Совет всегда играл ведущую роль в выработке внешнеполитического курса США. В послевоенный период совет принял непосредственное участие в разработке политики «холодной войны», выступил инициатором «плана Маршалла», создания НАТО, политики «сдерживания коммунизма» и т. п. С середины 70-х годов Совет по международным отношениям начал разрабатывать основы внешнеполитической стратегии США на 80 — 90-е годы в духе «силового противоборства».

Если Совет по международным отношениям стоит ближе к той группировке монополистического капитала США, интересы которой выражает демократическая партия, то такая неправительственная организация, как Комитет по существующей опасности, связана с правым крылом республиканской партии и оказывает немалое влияние на формирование опасного авантюристического курса внешней политики США. Комитет по существующей опасности наиболее активно отстаивает политику милитаризма.

В том же духе действует Совет американской безопасности, ведущий широкую пропагандистскую кампанию за наращивание военных расходов. На его деньги были созданы цикл телевизионных передач «Как выжить в случае ядерной войны», фильм «Синдром ОСВ», отвергающий идею переговоров об ограничении вооружений и т. п. Аналогична позиция Коалиции за мир с позиций силы, включающей в свой состав ряд сенаторов и членов палаты представителей США. Те же задачи решает Фонд наследия, созданный в 1973 г. усилиями ультраконсервативных организаций — Советом

американской безопасности, Американским консервативным союзом и др. В совет попечителей фонда входят известные политические деятели. Деньги в бюджет фонда поступают от многих консервативных организаций и частных лиц.

Фонд доводит результаты своих исследований и основанные на них рекомендации до членов конгресса, руководителей ведомств, общественных организаций, средств массовой информации. Кроме монографий фонд выпускает ряд периодических изданий.

Не менее известен Гуверовский институт войны, мира и революции при Стэнфордском университете. Он был основан в 1919 г. на средства президента Гувера с целью «вскрывать зло учения Карла Маркса». Он ежегодно публикует десятки работ, оказывающих заметное воздействие на формирование политики США.

Институт современных исследований в Сан-Франциско основан в 1972 г. сторонниками Рейгана, занимавшего тогда пост губернатора штата Калифорния. Институт изучает актуальные проблемы современной политики и выпускает много продукции. Некоторые работы публикуются через 90—180 дней после получения задания. Институт специализируется также на изучении проблем негритянского населения США и распространяет среди него консервативные идеи.

Центр стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета специализируется на проблемах «большой стратегии» и роли США в мире. Составляет прогнозы возможных военных конфликтов и столкновений, отстаивает необходимость утверждения военно-морской мощи США в Мировом океане и обеспечение контроля над ресурсами в глобальном масштабе.

Институт анализа внешней политики разрабатывает проблемы стратегии ядерной войны с откровенно «ястребиных» позиций. Упор делается на «угрозу международного коммунизма» и необходимость сильной обороны для США.

Функционирует много других центров и институтов консервативного толка, занимающихся проблемами экономики,

права, этики, образования, религии, этнических и национальных меньшинств и т. п. Как правило, центры и институты связаны с университетами, черпают оттуда научные силы, оказывая в свою очередь влияние на педагогический процесс.

Известно и кто финансирует деятельность всех этих центров, институтов, организаций. Можно было бы привести длинный список корпораций, среди которых «Дженерал моторс», «Форд», ИБМ, «Кока-кола компани». Есть немало специальных фондов большого бизнеса, ежегодно отчисляющих определенные суммы (от десятков тысяч до миллионов долларов) на счета консервативных организаций. Некоторые источники финансирования являются анонимными.

Существуют и международные организации монополистического капитала, например трехсторонняя комиссия, в которую входят представители деловых кругов, государственные и общественные деятели США, Японии и Западной Европы. Преувеличением, конечно, является утверждение, будто это зародыш будущего мирового правительства, но совершенно очевидно то, что подобного рода организации способствуют координации в глобальном масштабе антикоммунистических акций ведущих капиталистических государств.

В США и других капиталистических странах существует целая «наука» — советология с соответствующими научными центрами и мощным пропагандистско-диверсионным аппаратом, нацеленным на подрыв советского социалистического строя.

Советология представляет ныне неотъемлемую сторону антикоммунизма, псевдонаучную основу политики антисоветизма, мощный идеологический комплекс, выполняющий информативно-разведывательские и пропагандистские функции, связанные с психологической войной империализма против реального социализма.

Институализация советологии началась еще в первые годы существования Советской власти. Первой ласточкой был упоминавшийся Гуверовский институт войны, мира и революции. В настоящее время это один из наиболее признанных

центров советологической «науки». Аналогичные институты несколько позднее были созданы во многих буржуазных странах.

После окончания второй мировой войны начинается бурный рост целой сети советологических центров. В 1946 г. создается Русский институт при Колумбийском университете (при помощи Фонда Рокфеллера); в 1948 г.— Русский исследовательский институт при Гарвардском университете; затем последовала организация целого ряда других крупных советологических центров: Института славяноведения при Калифорнийском университете, Института по изучению Дальнего Востока и СССР при Вашингтонском университете и т. д. Всего же в США существует ныне около 200 советологических центров¹.

Аналогичные центры создаются (хотя и с несколько меньшим размахом) в Англии, ФРГ и других капиталистических странах. Например, в ФРГ центров по изучению Востока («Остфоршунг») насчитывается свыше 70. Издается специальный журнал «Восточная Европа», где почти половина материалов посвящается Советскому Союзу. Кроме того, продукция советологов регулярно появляется на страницах многих газет и журналов, имеющих массового читателя. Ведущее положение среди советологических изданий занимает выходящий в Вашингтоне журнал «Проблемы коммунизма», распространяемый более чем в ста странах.

Мощный поток антисоветской радиопропаганды, ведущейся странами империализма, был бы невозможен без активного участия советологических центров и многочисленных кадров советологов и кремленологов.

Академические по форме учреждения (научные институты и кафедры в университетах) переплетаются с правительственными информационными и разведывательными органами. «Научные», точнее сказать, наукообразные журналы

---

¹ Об этом подробнее см.: Развитой социализм и кризис «советологии». М., 1982, с. 92—93, 108.

и издания по советологии сотрудничают с органами массовой пропаганды и информации. Начав свою карьеру на академическом поприще, антикоммунисты и советологи иной раз выдвигаются на ответственные посты в администрации США (Г. Киссинджер, Э. Бжезинский, Р. Пайпс и др.).

Наряду с созданием специального аппарата по разработке методов вмешательства во внутренние дела социалистических стран и стран социалистической ориентации активизируется деятельность советологических центров. Упор сделан на использование советологов в качестве поставщиков разработок и идей для практической подготовки очередных идеологических диверсий.

Мы остановились лишь на некоторых элементах системы антикоммунизма. О других элементах и функциях антикоммунизма будет подробнее сказано в последующих главах.

АНТИМАРКСИЗМ — ВАЖНЕЙШАЯ ФУНКЦИЯ АНТИКОММУНИЗМА

Важнейшей составной частью или функцией антикоммунизма является борьба против марксистско-ленинской теории, отрицание ее значимости, фальсификация ее положений. Буржуазная наука «и слышать не хочет о марксизме, объявляя его опровергнутым и уничтоженным»¹, — писал В. И. Ленин в первом десятилетии XX в. Но и в конце века буржуазные идеологи вновь и вновь опровергают тысячу раз «уничтоженный» ими марксизм, и все с теми же результатами.

Формы и методы борьбы с марксизмом многообразны: от тотального отрицания и замалчивания до лицемерных признаний научной ценности отдельных положений и коварных попыток его улучшения, модернизации.

Наиболее распространенной на Западе является буржуазно-реформистская разновидность фальсификации марксизма. Она детально разработана и достаточно хитроумна. Заслуга Маркса перед наукой и человечеством прямо не отрицается, он называется великим ученым и гуманистом, но в его учении признается только то, что не может затронуть

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 17.

основ буржуазного строя. Причем и то, что признается, подвергается фальсификации. Буржуазный псевдомарксизм выступает в качестве особой разновидности антимарксизма.

1.

АНТИМАРКСИЗМ И ПСЕВДОМАРКСИЗМ

В составе буржуазного обществоведения существует марксология — специальная отрасль знания, или «наука», целиком посвященная изучению и критике (а точнее сказать, фальсификации) марксизма. Критика марксизма ведется с откровенно враждебных позиций. Марксологи, т. е. буржуазные идеологи-антикоммунисты, зарабатывающие себе на хлеб за счет фальсификации марксизма, обычно знают его тексты достаточно хорошо, и их было бы грех обвинять в невежестве. Некоторые из них могут считаться первоклассными знатоками марксистской литературы, как классической, так и современной. Но социальный заказ, общая программа и цели этих марксологических исследований предопределяют их общий уровень и результат. В целом они стоят за пределами науки, это самое малое, что можно о них сказать. Мы еще покажем некоторые наиболее типичные приемы фальсификации марксизма, применяемые этими «специалистами». Сейчас же остановимся на более тонкой форме фальсификации марксизма — на псевдомарксизме, который имеет несколько ипостасей.

Уже давно буржуазные идеологи пытаются лишить марксизм его революционного содержания и превратить в безвредное для буржуазии либеральное учение, которое можно включить в любую буржуазную идеологическую систему. Одной из попыток подобного рода был «легальный марксизм» в России, который В. И. Ленин охарактеризовал как отражение марксизма в буржуазной литературе. В настоящее время наблюдаются многообразные формы отражения марксизма в буржуазном обществоведении, в том числе и прежде всего в

области философии. Существует целая группа буржуазных идеологов, которые в той или иной мере усваивают отдельные положения марксизма, а некоторые даже считают себя марксистами. Однако эти, как их иногда именуют в буржуазной литературе, «некоммунистические марксисты», или «марксистаторы», не могут квалифицироваться даже в качестве ревизионистов. На деле они являются типичными буржуазными идеологами, далекими от рабочего движения. Они оперируют отдельными выхваченными из контекста марксистскими положениями и формулами, лишенными своего действительного содержания и приспособленными для нужд их идеалистических пробуржуазных концепций.

Несмотря на субъективные намерения «некоммунистических марксистов» внести свой позитивный вклад в развитие марксизма (которые в ряде случаев могут быть вполне искренними), отвлекаясь от их политических позиций (весьма разнообразных и к тому же крайне нестабильных), они в идеологическом отношении враждебны марксизму. Опасность «некоммунистического марксизма» заключается в том, что он служит непосредственным идейным источником и вдохновителем правого ревизионизма. Не случайно буржуазная пропаганда создает вокруг «некоммунистических марксистов» (Ж. П. Сартр, Э. Фромм, Г. Маркузе, Э. Блох и др.) ореол «творческих марксистов», «лучших социалистических умов современности» и т. п., противопоставляя их подлинному марксизму-ленинизму.

«Некоммунистические», а лучше сказать, антикоммунистические «марксисты» чаще всего именуются «неомарксистами». По существу же это не что иное, как буржуазный псевдомарксизм, который выдается за «новое слово» в марксизме и противопоставляется подлинному марксизму, причем последний обвиняется в устарелости, узости, догматизме, схематизме и т. п.

Обнаруживается почти полное тождество приемов неомарксизма и ревизионизма, который Ленин характеризовал как попытку «буржуазного оскопления марксистских

истин»¹. Как учил В. И. Ленин, «диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами. Внутренне сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического *оппортунизма*»². Оппортунизм, будучи политикой приспособления и подчинения интересов пролетариата интересам буржуазии, в теоретической области выступает, как правило, в виде ревизионизма.

Ревизионизм служит одним из главных каналов буржуазного влияния на рабочий класс с целью его идейного разоружения.

Хотя ревизионисты выдают себя за поборников творческого марксизма, на деле они являются лженоваторами, рабски следующими за всеми новинками реакционной буржуазной идеологии. Этот механизм заимствования, проанализированный в начале века В. И. Лениным, действует и в наше время. Правда, появилось и кое-что новое. Как отмечает И. С. Нарский, если ревизионисты конца XIX в. пытались подменить диалектический и исторический материализм буржуазными философскими концепциями (неокантианством, махизмом и т. д.), то «в наши дни буржуазные философы поставляют ревизионистам уже не только «заменителей» диалектического и исторического материализма в виде той или иной модной, откровенно антимарксистской академической доктрины, но и собственно ревизионистские концепции в философии, возникшие в самой буржуазно-профессорской среде. Если антикоммунисты-социологи в 60—70-х годах разрабатывали модели лжесоциализма, то философствующие антикоммунисты особенно рьяно в минувшем десятилетии взялись за создание моделей лжемарксистской философии. Появился буржуазный философский псевдомарксизм, выступающий часто под именем «неомарксизма»³. Примером фи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 69.

² Там же, т. 23, с. 3.

³ Нарский И. С. Современная буржуазная философия: два ведущих течения начала 80-х годов XX века. М., 1983, с. 13.

лософского псевдомарксизма служит социальная философия франкфуртской школы, которая пытается синтезировать новейшие буржуазные философские течения с искаженным ими историческим материализмом, выдавая это за аутентичное, т. е. подлинное, соответствующее первоисточникам истолкование марксизма. В результате «усовершенствований» из марксистского учения об обществе изымается материализм, и оно превращается в заурядную мелкобуржуазную концепцию¹.

Б. Н. Бессонов, указывая на различия, существующие между ревизионистами, которые действуют внутри рабочего движения, и буржуазными неомарксистами, которые находятся вне его, отмечает, что грани между ними становятся все более условными, так же как и различия между «неомарксистами» и «марксологами». Поэтому он их в своей работе объединяет «в общих границах так называемого неомарксизма, поскольку и те и другие в большей или меньшей степени претендуют на «аутентичное» прочтение Маркса, «на развитие марксизма», на создание некоего «нового» марксизма, якобы единственно соответствующего изменившимся социальным условиям»².

Однако все это покушение с негодными средствами. Никакого «неомарксизма» как версии или формы марксизма нет и быть не может, это мы постараемся раскрыть в следующем разделе.

Можно говорить о неоревизионизме, да и то с большими натяжками, так как чего-то принципиально нового в способности фальсификации марксизма неомарксисты не внесли. Об этом свидетельствует характер применяемых ими способов критики и истолкования марксистско-ленинского учения. Они, к примеру, широко применяют такой прием, который можно назвать теологическим. Хотя к нему прибегают не только антикоммунисты из числа теологов, но и все прочие, сама аргументация, применяемая в данном случае, как бы

¹ См.: Социальная философия франкфуртской школы. М., 1975.

² Бессонов Б. Н. Антимарксизм под флагом «неомарксизма». М., 1978, с. 10.

отдает церковным ладаном. Сила и влияние марксизма признается и даже подчеркивается, но источники и причины этого влияния изображаются в совершенно фантастическом свете. Марксизм представляется как ложное вероучение, дьявольское наваждение, опасная ересь, обладающая силой магического воздействия на массы фанатически настроенных последователей. Все просто и понятно.

Один из самых известных католических марксологов доминиканец И. Бохенский в свое время писал, что «коммунизм не является ни наукой, ни подлинной верой, но имеет много черт, сходных с религией, и больше похож на теологию, чем на философию. Совершенно очевидно, что коммунистическая эсхатология не является наукой»¹.

Другой и не менее известный марксолог — иезуит Г. Веттер также подробно распространялся о «сходстве» марксизма с религиозной эсхатологией. Марксизм, по его словам, является «псевдорелигиозной системой, утопической мечтой, особенно в силу присущего ему мессианистского элемента, ставящего перед пролетариатом задачу освободить человечество, привести его в царство свободы, которое является завершением «предыстории» человечества и началом его действительной истории»². Веттер указывал источники, из которых почерпнута сия премудрость. Это писания бывших русских «легальных марксистов», а затем кадетов, в частности одна из статей Н. Бердяева, опубликованная еще в 1906 г.³ Мистическая сторона социал-демократии, писал Бердяев, влечет ее к социальной революции, и тут начинается хилиазм, противоположный христианству, мечта о тысячелетнем царстве на земле, но не Христа, а иного бога. Против этого, по мнению Бердяева, не может быть ни научных, ни политических аргументов и разговаривать с революционерами надо на ином языке. На каком? Об этом Бердяев и

¹ Handbuch des Weltkommunismus. Freiburg/München, 1958, S. 633.

² Wetter G. A. Der dialektische Materialismus. Seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion, 4. Aufl. Wien, 1958, S. 102.

³ См.: Полярная звезда, 1906, № 10, с. 684.

другие враги революции очень ясно сказали в сборнике «Вехи», где они благословляли царскую власть за то, что она штыками и тюрьмами ограждала контрреволюционных буржуа от народного гнева.

Бердяеву вторил П. Струве. В. И. Ленин в работе «Еще одно уничтожение социализма» блестяще показал ненаучность приемов Струве, который пытался сблизить марксизм со схоластическим учением о первородном грехе. Сближение марксизма с религиозным учением о первородном грехе — это, по определению В. И. Ленина, игра пошлыми аналогиями, вернее: простое шутовство. «Если считающие себя либеральными и прогрессивными ученые способны терпеть в своей среде героев подобного шутовства, если этим героям дают ученые степени и поручают обучение юношества, то это только показывает в сотый и тысячный раз «закон» буржуазной эпохи: тем больше чести, чем наглее и бесстыднее издевательство над наукой ради уничтожения Маркса»¹.

Шутовством прикрывают свое полное бессилие опровергнуть К. Маркса и современные антикоммунисты. Пошлая аналогия между марксизмом и религией усиленно эксплуатируется и в наше время. Злобствующий ренегат и прислужник империализма Л. Колаковский через весь свой трехтомный труд «Основные течения марксизма. Возникновение, развитие и распад» проводит эту шутовскую аналогию, на ней, собственно, и построена вся его «концепция». В послесловии к III тому Колаковский пишет: «Марксизм был самой великой фантазией нашего века. Он был мечтой, открывающей перспективу создания общества наивысшего единства, в котором все человеческие устремления будут осуществлены и приведены в соответствие между собой... Марксизм — это учение слепой веры в то, что рай всеобщего удовлетворения уже за углом... В этом смысле марксизм выполняет роль религии и его эффективность — это эффективность религии. Но эта религия мнима, поддельна,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 39.

поскольку она представляет свою эсхатологию в виде научной системы»¹. Влияние марксизма почти полностью объясняется его пророческими, фантастическими и иррациональными элементами, уверяет Колаковский.

Те же аргументы содержит сборник «Маркс сегодня. За и против» под редакцией известного социолога Осипа Флехтгейма, включающий статьи многих западноевропейских философов, социологов, политологов.

Хотя ряд авторов и не отрицает научной значимости трудов Маркса, главную причину их воздействия на историю и современность они видят в якобы заключенных в них эсхатологических идеях, в квазирелигиозных пророчествах. Так, Р. Левенталь пишет: «Маркс, с одной стороны, был ученым-исследователем, который многие годы своей жизни неустанно стремился к более всеобъемлющему, эмпирически доказанному и логически цельному познанию, а с другой стороны, он, не вполне сознавая это, заложил основы посясторонней религии — учения об избавлении от земной юдоли путем социальной и политической борьбы за создание современного общественного строя, свободного от конфликтов. Именно этот дуалистический характер марксова учения и определяет его колоссальное влияние, но вместе с тем и пределы этого влияния»².

По мнению Левенталья, у Маркса сначала возникла «концепция надежды на посястороннее избавление», которая потом стала движущей силой его неустанного научного труда и всей политической деятельности.

О «диалектико-эсхатологическом» характере мышления Маркса пишет швейцарский марксолог А. Кюнцли³, упрек в утопизме бросает Марксу и редактор сборника Осип Флехтгейм.

---

¹ *Kolakowski L. Main Currents of Marxism. Its rise Growth and dissolution. London — New York, 1978, vol. 3, p. 523.*

² *Flechtheim O. (Hrsg.). Marx heute. Pro und contra. Hamburg, 1983, S. 116.*

³ *Ibid., S. 91.*

Если и в начале нашего столетия отождествление марксизма с религией выглядело шутковством, то в последней его четверти, когда марксизм-ленинизм превратился в могучий фактор социального прогресса, когда его идеи воплощаются в реальный общественный строй, теоретические утрачивания Колаковского и ему подобных выглядят еще более смехотворно.

Что же такое эсхатология? Под ней разумеют религиозные представления о конечной судьбе мира и человека, о «последних вещах», о пришествии на землю чудесного избавителя, или мессии (мессианство), о низвержении сил зла и наступлении тысячелетнего царства праведников (хилиазм). Возникла эсхатология в глубокой древности в странах Востока, но особенно большое распространение получила в иудейской религии и христианстве.

В периоды глубоких социальных потрясений, гражданских войн и завоеваний эсхатологические, мессианские верования захватывали широкие народные массы, которые жаждали избавления от жестокостей эксплуататоров и непосильного гнета. Христианская религия включает в себя эсхатологические представления, подробно повествуя о «конце мира» и втором пришествии Христа.

Что же общего имеет марксистско-ленинская наука с религиозными верованиями? Ф. Энгельс в статье «К истории раннего христианства» показал, что некоторые черты сходства между ранним христианством и рабочим движением носят чисто внешний характер, а различия касаются главного, существенного. Если религия обещает избавление от земных бед на небе, то марксистское учение обосновывает действительные пути построения справедливого общества на земле. Фантастическая вера в лучшую, неземную жизнь порождается, как известно, бессилием эксплуатируемых в борьбе с эксплуататорами.

Отождествление марксизма с псевдорелигией имеет весьма прозрачные социальные мотивы. Буржуазная идеология

уже не может игнорировать исторических успехов реально-го социализма, размаха освободительных движений, многие из которых руководствуются марксизмом-ленинизмом и выбирают социалистическую ориентацию развития для своих стран и народов. Пытаясь как-то объяснить причины растущего влияния марксизма в мире, буржуазные идеологи и объявляют его эсхатологией.

В попытках провести аналогию между марксизмом и эсхатологией нельзя не видеть бессилия буржуазных идеологов, которые, прибегая к софистике и клевете, косвенно вынуждены признавать действенность и авторитет марксизма-ленинизма.

Сила марксизма-ленинизма — в его научности, в объективной истинности выдвигаемых им положений, что подтверждается общественно-исторической практикой современной эпохи.

Наблюдается и иная модификация критики марксизма. Его связь с наукой не отрицается, но тем не менее марксизм характеризуется как ересь особого рода. В свое время на эту тему подробно распространялся антикоммунист У. Шлам. По его словам, силу коммунизма питает «еретическая готовность современного человека абсолютно и полностью доверять науке. Именно коммунизм является единственным способным и правомочным управителем оставленного веками еретического наследия»¹. Под «еретическим наследием» в данном случае понимаются лучшие достижения мировой науки и культуры. Коммунизм, по мнению Шлама, это типичная «прометеява ересь», «итог и синтез всех еретических тенденций, которые на протяжении многих веков проникали в нашу цивилизацию». «Коммунизм — это высшая ступень аккумуляирования стремления человека прометеява типа, посягающего на весь мир и желающего создать его заново»².

¹ *Schlamm W. S. Die Grenzen des Wunders. Zürich, 1959, S. 198.*

² *Ibid., S. 188—189.*

Рассуждения Шламма были своевременно подвергнуты убедительной критике. Академик Т. И. Ойзерман, например, писал: «То, что Шламм называет прометеевой ересью, имеет весьма отдаленное отношение к религиозным вопросам, отступлениям от христианской ортодоксии, спорам вокруг церковных догматов. Для него самой страшной ересью является стремление переделать мир, использовать все предоставляемые наукой возможности для уничтожения нищеты, небеспечечности, для создания подлинного благоденствия, действительно человеческих условий жизни для всех. Поэтому, согласно Шламму, ученые столь же повинны в прометеевой ереси, как и коммунисты. Лейтмотив коммунизма, говорит Шламм, слышен всем, кто настроен на волну веры в науку. Шламм, таким образом, нисколько не скрывает, что коммунизм неотделим от развития и достижений науки, выражает наиболее гуманные ее устремления. Значит, надо объявить войну и науке, которая питается все той же «прометеевой гордыней»¹.

Как считает Т. И. Ойзерман, среди многочисленных изданий антикоммунистической кухни книгу Шламма выделяет предельный нигилизм и откровенный антиинтеллектуализм. Само по себе отречение от прогрессивных исторических традиций, нигилизм не есть еще антикоммунизм, суть которого выражается прежде всего в определенной политической линии. «В известном смысле отречение от прогрессивных исторических традиций свойственно всем идеологам современной буржуазии, следовательно, не только антикоммунистам. И тем не менее именно в этом отречении наиболее ярко и, так сказать, адекватно выражается *антигуманистическое* существо идеологии антикоммунизма»².

Более двух десятилетий на Западе усиленно распространялась теория деидеологизации. Суть ее, коротко говоря, со-

---

¹ Ойзерман Т. И. Антикоммунизм и кризис буржуазной идеологии.— В кн.: Против империалистической идеологии антикоммунизма. М., 1965, с. 51.

² Там же, с. 48.

стоит в том, что в эпоху научно-технической революции наступает конец идеологиям, они постепенно утрачивают свои функции и сходят со сцены.

Одним из наиболее активных поборников деидеологизации был американский социолог Д. Белл. Он утверждал, что «мы были свидетелями истощения идеологий XIX столетия, в особенности марксизма, в качестве интеллектуальных систем, которые могли бы претендовать на истинность своих объяснений мира»¹.

Подобно большинству современных буржуазных идеологов, Белл изображает марксизм как якобы устаревшее, принадлежащее прошлому столетию учение, которое-де неприменимо к современным условиям развития общества. Но нетрудно видеть, что на самом деле буржуазный идеолог желаемое пытается выдать за действительное. Это всего лишь одна из тех многочисленных попыток похоронить марксизм, которые предпринимают тем настойчивее, чем шире и глубже огромное преобразовательное влияние марксистско-ленинских революционных идей, чем сильнее их воздействие на сознание и политическую активность трудящихся во всем мире.

Каково содержание понятия «идеология»? Основоположники марксизма называли идеологией извращенное, иллюзорное сознание представителей эксплуататорских классов; слово «идеология» часто было для них синонимом идеализма. Но Маркс и Энгельс вкладывали в это понятие и другой смысл, более широкий: под идеологией они понимали совокупность взглядов, идей, принципов и т. д., в которых отражаются материальные общественные отношения с точки зрения интересов различных классов. В классовом обществе нет и не может быть единой, внеклассовой идеологии; каждый класс вырабатывает свою систему, включающую философские, политические, правовые, нравственные, художественные и иные идеи.

---

¹ Bell D. The End of Ideology. Glencoe, 1960, p. 16.

Дальнейшее развитие и конкретизацию понятие «идеология» получило в трудах В. И. Ленина, который с особой силой подчеркнул, что марксизм — это классовая, пролетарская и вместе с тем глубоко научная идеология, что правильно поняты классовые интересы пролетариата полностью совпадают с логикой исторического развития, с общим направлением социального процесса. Что же касается классовых интересов современной буржуазии, то они являются прямо противоположными ходу истории, чем и обусловлен антинаучный и реакционный характер ее идеологии.

Весь фокус, однако, заключается в том, что «смерть» предрекали только одной идеологии — марксистской, ее объявляли старомодной, излишней и т. п. Что касается собственной, т. е. буржуазной, идеологии, от нее буржуазные теоретики отказываться не собирались, хотя и заявляли, что они придерживаются не идеологических, а «чисто научных воззрений» на общественные явления, используют социологический, политологический и всякий иной анализ. По прошествии времени оказалось, что марксизм не только не умер, но живет и здравствует, а вот с буржуазной идеологией дело обстоит неважно: она переживает острый кризис и не может дать настоящего ответа на сложнейшие проблемы современности. Это, кстати, признают почти все буржуазные идеологи. Тогда заговорили о необходимости выдвижения новых идей и концепций, о воссоздании динамичной и сильной идеологии, которая бы вдохновила массы на борьбу за идеалы «западной цивилизации».

Место теории деидеологизации заняла теория реидеологизации, при помощи которой монополистическая буржуазия пытается укрепить идейный контроль над массами, укрепить веру в будущее капитализма.

Характерно в этом отношении мнение голландского социолога Ф. ван Геека, убежденного защитника капитализма, который он именуется «государством всеобщего благоденствия»: «Теперь, когда в государстве всеобщего благоденствия начинают заявлять о себе кризисные явления, когда

технократическая система показала свою неспособность одержать победу над людьми «изнутри», определенная степень вдохновения, поддержанная сильной идеологией, была бы очень полезной»¹.

По словам данного социолога, «государство всеобщего благоденствия», то есть современный капитализм, не признает каких-либо героев и мучеников; у него нет стимулирующей и всеобъемлющей идеологии, которая обладала бы вдохновляющей силой. Но именно такая сила, признает он, присуща коммунистической идеологии. С отсутствием ясной идеологии связано и отсутствие у западного общества достойной перспективы в будущем. Наша система, говорит Ф. ван Геек, приспособлена к групповому и индивидуальному эгоизму и проявляет очевидную беспомощность перед лицом всего, что выходит за круг материальных интересов. Поэтому-то ей так и трудно решать острые проблемы современности.

Тревога голландского социолога вполне понятна. Но сам он не в состоянии дать хотя бы намек на то, каким же путем следует формировать всеобъемлющую и динамичную идеологию капитализма.

С призывом выработать новую, более совершенную идеологию, без которой невозможна успешная деятельность корпораций, выступает орган американских монополий журнал «Форчун»: «Больше анализа, больше планирования, более широкий взгляд на вещи и лучшая идеология — вот что необходимо для успеха»².

Наконец, сам Д. Белл был вынужден, хотя и с оговорками, признать несостоятельность выдвинутой им вместе с другими социологами теории деидеологизации: «Я намерен подчеркнуть, что содержание концепции «конца идеологий» отнюдь не предполагает, что все социальные конфликты завершились и что отныне интеллигенция навсегда отреклась

---

¹ Heck F. van. The Welfare State and Sociology.— Sociologia Nederlandica, 1974, N 1, p. 2.

² Fortune, 1970, October, p. 150.

от поисков новой идеологии»¹. Д. Белл делает вид, что положение о «конце идеологий» относилось у него будто бы не ко всякой идеологии, а только к идеологиям прошлого. Но, во-первых, он очень произвольно воспроизводит свою собственную точку зрения, сформулированную еще в конце 50-х годов, а во-вторых, продолжает бездоказательно относить марксизм к устаревшим идеологическим течениям.

Все это, однако, можно оставить на совести Белла: для нас важно лишь подчеркнуть, что один из главных деидеологизаторов признает важность поисков «новой идеологии». Характерно и то, что слово «идеология», употреблявшееся ранее чуть ли не как бранная кличка, теперь подверглось реабилитации и приобрело права гражданства в лексиконе современных буржуазных идеологов.

Что же в таком случае понимают под идеологией наши современные противники? Четкого и ясного ответа на этот вопрос, какой-либо законченной и продуманной концепции идеологии мы у них не найдем. Было бы, разумеется, и наивным ожидать, что они с научных позиций проанализируют и оценят действительное классовое содержание своих идеологических построений. Всякая идеология — это классовое сознание, или отражение общественного бытия с позиций защиты интересов определенного класса. Буржуазные же идеологи искомую новую, всеобъемлющую идеологию пытаются представить как выражение общечеловеческих, якобы внеклассовых устремлений, соответствующих-де «нормальной человеческой природе» и выражающихся в абстрактных понятиях «свободы», «демократии» и т. п.

Совершенно очевидно, что перед нами очередной миф буржуазного объективизма, стремящегося задрапировать корыстные интересы капитала в словесный наряд якобы общечеловеческих философских, социологических, экономических и политических категорий. Понятно, что этот наряд не может скрыть того, что король все-таки голый. На деле современная

---

¹ The Public Interest, 1970, N 21, p. 24.

буржуазия не обладает и не может обладать какой-то новой, динамичной, перспективной идеологией, которая могла бы конкурировать с марксизмом-ленинизмом.

Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. В этих словах В. И. Ленина показана коренная причина силы и ответственности нашей научной идеологии. Современная буржуазная идеология в своей основе ошибочна, ложна. И это предопределяет ее внутреннее бессилие, неспособность правильно решать важнейшие проблемы общественного развития, мобилизовывать широкие массы на практическое осуществление прогрессивных задач, выдвинутых современной исторической эпохой.

Буржуазные идеологи, конечно, не сидят без дела. С момента возникновения марксизма и вплоть до сегодняшнего дня ими сфабриковано великое множество всякого рода теорий и концепций, главная цель которых — опровергнуть научную идеологию рабочего класса. Но все напрасно. Модные и наимоднейшие теории возникают и лопаются, как пузыри во время дождя. И сейчас у буржуазии нет не только динамичной и всеобъемлющей, но даже и более или менее общепризнанной идеологической концепции ни в философии, ни в политической экономии, ни в других областях общественнознания. Хваленый плюрализм, т. е. множественность одновременно сосуществующих и конкурирующих, но одинаково ложных в своей основе теорий и концепций, свидетельствует не о каком-то идейном богатстве и расцвете буржуазной идеологии, а о духовной нищете, о теоретическом кризисе защитников старого строя.

Типичным реидеологизатором является Дональд Уилхелм, известный американский политолог, который пытается выдвинуть «новую», «творческую» альтернативу научному коммунизму и реальному социализму. Он подвергает ревизии и отбрасывает как устаревшие «старые» альтернативы марксизму-ленинизму. В «тупиках деидеологизации» оказывается прежде всего прагматизм, ставший «источником многих ошибочных решений» и такой политики, которая «дает обратные

результаты»¹. Логический позитивизм «все больше оказывается в интеллектуальном болоте, в стороне от главного потока науки и жизни». Операционализм оказывает «плохую услугу современной науке», он «ни в коей мере не отвечает задачам социального развития». Отбрасывается и экзистенциализм как «субъективное и антисоциальное учение», выпячивающее человеческое «я» и в то же время не дающее основы для общественного переустройства².

Суровый приговор выносится не только философским, но и социологическим концепциям, особенно тем, которые претендовали на «интеллектуальный вызов марксизму». По мнению автора, за последние годы были сформулированы «три основных ответа некоммунистического мира» на «вызов марксизма» — книги О. Тоффлера «Футуршок», Д. Белла «Конец идеологии» и Ч. Райха «Зеленеющая Америка». Хотя они и произвели сильное впечатление, но не вывели западную мысль из тупика. Особенно неудачной оказалась теория деидеологизации Белла. Об этом говорит хотя бы печальный для США опыт войны во Вьетнаме. Автор полагает, что именно голый прагматизм и отсутствие идеологии способствовали поражению США. И напротив, идейная убежденность вьетнамцев, борющихся за независимость своей родины, высокий уровень идейно-политического воспитания армии и народа, а также умелая тактика партизанской войны составили слабые «формулы победы»³.

Запад, по словам Уилхелма, должен «идеологически перевооружиться», найти новые, более эффективные ответы на «вызов коммунизма». В связи с этим он высказывает ряд советов, относящихся к тактике или методике борьбы с марксизмом. Во-первых, откровенный антисоветизм и антикоммунизм «в значительной мере приведут к обратным результатам, особенно среди молодого поколения». Во-вторых,

---

¹ *Wilhelm D. Creative Alternatives to Communism. New York, 1977, p. 135.*

² *Ibid.*, p. 52—56.

³ *Ibid.*, p. 43.

не достигает желаемых результатов и критика марксизма по той причине, что она «не отвечает запросам современных молодых интеллигентов». Усилия следует сосредоточить на разработке «конструктивных альтернатив» и при этом тщательно избегать даже намек на то, что это делается в качестве ответа марксизму. В критике марксизма необходимо применять междисциплинарный, комплексный подход и учиться этому подходу надо... у самого Маркса, который «работал на стыке многих наук, и всякая убедительная альтернативная картина человека и его мира должна создаваться при помощи по крайней мере столь же широкоугольного объектива, который применял Маркс»¹.

Но что же это за «убедительная альтернативная картина человека и мира», которую выдвигает наш автор? Увы! Ни с точки зрения новизны, ни с точки зрения убедительности Уилхелм не превосходит тех авторов, о которых он так нелестно отзывается.

Профессор Манчестерского университета П. Уорсли также расшаркивается перед Марксом, который, по его словам, способствовал превращению социологии из «туманного собрания» различных типов социальной философии в строгую науку. «Практически невозможно найти такую область социологического мышления или исследования, на которую бы так или иначе не повлияли либо идеи Маркса, либо упрямый «социальный факт» существования обществ, построенных на принципах марксизма». Казалось бы, достаточно высокая оценка. Но, по мнению Уорсли, в теоретическом плане мы имеем дело не с одним, а с «множеством марксизмов, каждый из которых внес что-то свое в многоцветье современной социологии»². Автор благосклонен к молодому Марксу, которого он старательно причисляет под диалектика гегельянского толка и гуманиста-антрополога. Зрелый Маркс подвергается осуждению за то, что он якобы «сводит

---

¹ *Wilhelm D. Creative Alternatives to Communism*, p. 11.

² *Worsley P. Marx and Marxism*. New York, 1982, p. 5—6.

человеческую деятельность к материальному, разделяваясь с идеальным простым росчерком пера»¹.

Но это сам Уорсли простым росчерком пера превращает основателя диалектического материализма в вульгарного материалиста. По его словам, Маркс «не смог дать теоретического определения природы соотношения экономического и неэкономического», не понял «сложного диалектического взаимодействия политики и экономики»². Не согласен Уорсли и с марксовым пониманием классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Под обстрел берется «экономический детерминизм», который отождествляется с вульгарным экономизмом и вульгарным социологизмом. Ну и, конечно, «марксовы предсказания», по мнению Уорсли, не соответствуют реальному положению дел в мире. «Коммунистические страны» развиваются «не по Марксу», пишет автор, забывая, очевидно, о том, что выше он признал «упрямый социальный факт» существования обществ, построенных на принципах марксизма.

В рассуждениях distinguished профессора сконцентрированы все основные тезисы современной марксологии. Скажем о ней подробнее.

2.

БУРЖУАЗНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ ИЛИ МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ

Одним из самых распространенных в буржуазной критике марксизма является тезис о его поливариантности, или плюрализме. Цитированный выше Уорсли не случайно говорит о «множественности марксизмов» — это расхожий штамп всей марксологии и «неомарксизма». Марксизма как целостного учения якобы не существует, есть различные его варианты, версии, «расходящиеся линии» и т. п.

¹ Worsley P. Marx and Marxism, p. 12.

² Ibid., p. 31.

Как полагает социал-демократ Георг Гаупт, сам термин «марксизм» «оказывается наполненным совершенно разным содержанием и в конечном счете обозначает противоречащие друг другу направления и интерпретации, единственным общим знаменателем которых остается исповедание веры в Маркса или хотя бы просто какая-то ориентация на него. С этого момента следовало бы говорить не о марксизме вообще, а применять множественное число: марксизмы»¹.

Теория «поливариантности марксизма» имеет как классовые, так и гносеологические корни. Классовые ее корни и социально-политические цели достаточно ясны: подрыв единого революционного учения рабочего класса. Поэтому она и стремится изобразить ленинизм лишь в качестве одного, к тому же неполноценного, ущербного, варианта марксизма, пригодного с известными оговорками только для отсталых стран с преобладающим крестьянским населением. Далее эта теория преследует цель реабилитации всякого рода ревизионистских, антиленинских течений, выдавая их за равноправные варианты и версии марксизма.

Гносеологические корни «поливариантности марксизма» заключаются в метафизической абсолютизации некоторых черт сложного процесса познания социальной действительности, в отрыве и противопоставлении отдельных функций марксистского мировоззрения, в которых выражается специфический подход к сторонам и связям объективной действительности (например, научно-методологическая функция марксизма противопоставляется его гуманистической функции; творческая, позитивная функция — критической). Идейным источником теории поливариантности марксизма являются иррационалистические концепции современной буржуазной гносеологии, отрицающие возможность познания мира и достижения объективной истины, обосновывающие чисто субъективный и абсолютно релятивный характер человеческого познания.

---

¹ Storia del marxismo. Volume primo. Torino, 1978, p. 346.

По вопросу о критериях выделения различных линий и вариантов марксизма и их числе в марксологии царит разноречивой, что лишний раз свидетельствует о ненаучности и субъективизме идеи поливариантности марксизма.

В качестве основания деления выдвигается, например, географический признак, и тогда образуются понятия (точнее, лжепонятия) «региональных марксизмов». Эти измышления опираются на реакционную концепцию европоцентризма, исходящую из того, что единственным центром развития мировой цивилизации и культуры является Западная Европа и что все созданное на Востоке не имеет научной и культурной ценности. Марксизм при этом объявляется чисто западным учением, ленинизм — восточным, неприменимым к условиям западноевропейской цивилизации. Подобная точка зрения отрицает несомненный факт единства человеческой истории, интернациональный характер науки.

Но чаще всего варианты марксизма выделяются в связи с определенными фигурами, которые искусственно изолируются от общего процесса развития марксистского учения, совершающегося на основе революционной борьбы международного рабочего класса. Так, взгляды Маркса противопоставляются взглядам Энгельса, взгляды Маркса и Энгельса — взглядам Ленина и т. п. И наконец, в основу берут специфические особенности фальсификации и ревизии марксизма.

Марксологи и ревизионисты обычно говорят о существовании четырех основных вариантов марксизма:

- 1) антропологическо-гуманистический, восходящий к ранним работам Маркса;
- 2) позитивистско-сциентистский, восходящий к работам Энгельса;
- 3) гегельянско-диалектический (Г. Лукач, Э. Блох и др.);
- 4) структуралистско-антигуманистический.

Наиболее типичной для марксологии является та точка зрения, будто в марксизме и марксистской философии существуют две основные линии. Первая сциентистская (от латинского слова *scientia* — наука), характеризующаяся переоцен-

кой, фетишизацией роли науки. Эта линия опирается на понятие «объективные законы», признает теорию отражения, рассматривает марксистскую философию как всеобщий метод научного познания и преобразования мира. Это, собственно, и есть диалектический материализм, единоличным создателем которого считают Энгельса. «Линия Энгельса» была продолжена Лениным и всеми сторонниками диалектического материализма.

Провозгласив тезис о плюралистичности марксизма и его философии, о конкуренции между их различными вариантами, марксологи, «неомарксисты» весь полемический пыл сосредоточивают на критике (и фальсификации) лишь одного варианта марксизма и его философии, а именно диалектического и исторического материализма, который будто бы безосновательно претендует на характер научной философии. Утверждают, что Ф. Энгельс якобы впал в плоский сциентизм позитивистского толка и затемнил истинный смысл философских взглядов молодого Маркса. Против диалектического и исторического материализма и научного коммунизма ведется настоящий поход. Подлинный марксизм объявляется фальшивой, отчужденной формой философского мышления, будто бы ведущей к догматизму, схематизму, конформизму, политической апологетике.

«Неомарксисты» отвергают объективную диалектику, в том числе диалектику природы. Они сводят диалектику к деятельности субъективного фактора, к оторванной от объективных условий методологии исторической инициативы.

Марксизм, действительно, является методологией революционного мышления и революционного действия и в этом смысле методологией исторической инициативы. Но революционно-активный характер марксизма неразрывно связан с его научностью, с объективно-истинным отражением наиболее общих законов развития природы и общества. Если бы марксизм не был обобщенным теоретическим выражением этих законов, то он не мог бы выступать методологией исторической инициативы.

«Неомарксисты» заведомо искажают факты, пытаются свести философию К. Маркса лишь к диалектике общественного развития и к тому же трактуют эту диалектику в субъективно-идеалистическом духе. На деле у К. Маркса не было ни тени сомнения в том, что законы диалектики, обладая универсальным характером, действуют не только в сфере общества, но и в природе.

К. Маркс раскрыл и глубоко обосновал специфичность законов общественного развития. Но он никогда не противопоставлял их законам развития природы. Не случайно К. Маркс говорит о развитии общества как естественноисторическом процессе.

«Неомарксисты» единодушно ополчаются против марксистско-ленинской теории отражения, атакуют ее с позиций агностицизма и иррационализма. Теория отражения при этом характеризуется ими как метафизическая, механистическая концепция, принижающая творческие возможности человека, ведущая к самоуспокоенности, ложному оптимизму и конформизму, т. е. к некритическому восприятию господствующих в обществе взглядов. Эти уничтожающие оценки применяются не столько к теории познания домарксовского материализма, сколько к теории познания диалектического материализма, и прежде всего к теории отражения, развитой Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм».

«Неомарксисты» утверждают, будто в ленинской теории отражения нет места творческому отношению человека к природе, что она страдает тем же недугом, которым страдал домарксовский материализм, включая фейербаховский, т. е. созерцательностью. Эти историко-философские изыскания совершенно не соответствуют действительности. Они представляют собой фальсификацию ленинского философского наследия.

В. И. Ленин творчески развил идею К. Маркса о соладении, единстве диалектики, логики и теории познания, показал, что материалистическая диалектика и есть теория познания марксизма, что познание — это сложный,

диалектически противоречивый процесс. Именно В. И. Ленину принадлежит заслуга всестороннего развития диалектико-материалистической теории отражения, которая качественно отличается от теории отражения метафизического материализма раскрытием активной роли субъекта в процессе познания на основе общественно-исторической практики.

«Неомарксисты» заявляют, что проблема истины и путей ее достижения лишена смысла, что признание объективной истинности человеческого познания ведет к отчуждению субъекта, который начинает относиться к миру чисто созерцательно и даже с налетом фатальности. Без объективной истины нет подлинной науки, наука в силу этого также подвергается дискриминации как «феномен отчуждения», и безусловно отвергается понятие научной философии.

Нигилистическое отрицание ценности науки и истины — явление далеко не новое для буржуазной идеологии. Ф. Ницше, например, провозгласив переоценку всех ценностей, считал разум, истину, справедливость и т. п. ложными понятиями, мешающими проявлению творческих сил человека. Многие современные буржуазные идеологи называют разум в числе мифов, потерявших якобы всякий смысл и ценность. Поход идеологов буржуазии против истины, разума, науки, прогресса — явление, закономерно выражающее духовную деградацию империалистической буржуазии, которую страшит будущее. Тут нечему удивляться. Но удивительным, без сомнения, является то, что продукты идейного распада буржуазии выдаются за «аутентичное», т. е. подлинное, прочтение идей К. Маркса, что великий ученый и революционер, страстный борец за научную истину и социальную справедливость ставится в один ряд с современными буржуазными циниками от философии, для которых не дорога ни истина, ни будущее человечества.

Характерная черта «аутентичного марксизма» — гипертрофирование критического начала, призыв к тотальной критике, ко всеобщему отрицанию.

Идейные истоки ревизионистского критицизма связаны с философией франкфуртской школы, выступившей с концепцией «негативной диалектики». Диалектика, с точки зрения главы этой школы Т. Адорно, сводится к «разрушительной отрицательности» и «тотальному нигилизму», она начисто лишена позитивного, творческого начала.

Метафизическое и иррационалистическое понимание отрицания используется марксологами и «неомарксистами» для борьбы против марксизма-ленинизма и реального социализма. Диалектический материализм, по их мнению, совершенно лишен критического начала и является «вульгарной апологией» социалистического строя. Под «некритическим догматизмом» и «апологетикой» они понимают защиту социалистического строя, его экономических, политических и идеологических основ, бескомпромиссную борьбу с империализмом и его идейно-политическими прислужниками. В то же самое время они не желают замечать той последовательной конструктивной критики и самокритики, которая является законом деятельности для всех подлинных марксистов-ленинцев, смело вскрывающих недостатки и ошибки, возникающие на трудном и сложном пути революционной борьбы и строительства нового общества.

Они призывают к «тотальной», «концентрированной» критике, но не капитализма, а социалистического общества с позиций мелкобуржуазного анархизма и нигилизма.

Современная марксистско-ленинская мысль достаточно полно и убедительно разоблачила теорию поливариантного марксизма. Противоречат твердо установленным историческим фактам попытки оторвать взгляды К. Маркса от взглядов Ф. Энгельса, превратить последнего в злого гения марксизма, толкнувшего развитие революционной теории по ложному пути. В. И. Ленин, один из самых глубоких знатоков творчества К. Маркса и Ф. Энгельса, неоднократно отмечал, что Ф. Энгельс в своих работах излагал учение К. Маркса и что взгляды Ф. Энгельса, изложенные в книге «Анти-Дюринг» (которую К. Маркс прочитал в рукописи и одобрил),

находятся в полном соответствии с материалистической философией К. Маркса¹.

Марксологи превратно трактуют тот исторический факт, что между К. Марксом и Ф. Энгельсом при полном единстве их взглядов существовало определенное разделение труда. К. Маркс последние десятилетия своей жизни посвятил работе над «Капиталом», в то время как Ф. Энгельс занимался разработкой нового учения как целостной системы, включая его философскую часть. Но это различие относительно: ведь «Капитал» — не чисто экономическое произведение, но также и глубоко философский труд, в котором диалектический метод получил непрезойденное применение и развитие.

Уже много лет буржуазные идеологи, социал-реформисты и правые ревизионисты эксплуатируют легенду о двух Марксах: Марксе молодом, гуманисте, который мечтал об освобождении человека от тисков отчуждения, и Марксе старом, скучном и строгом экономисте, который, изучая капитал, производственные отношения и т. п., забыл о человеке и его свободе. «Старый» Маркс склонялся-де к экономическому детерминизму, иными словами, преувеличивал роль экономического фактора и недооценивал роли надстройки и субъективного фактора в развитии общества. Вспомним цитированного выше Уорсли, который обвиняет К. Маркса в вульгарном материализме и непонимании диалектического взаимодействия политики и экономики.

Эта легенда, приобретшая прочность предрассудка, означает грубую фальсификацию подлинных взглядов К. Маркса. Проблема человека всегда была и остается центральной проблемой марксизма. Но речь идет не об абстрактном, а о конкретном в классовом и историческом смысле человеке — о рабочем, пролетарии, освобождению которого К. Маркс посвятил весь свой титанический ум, всю жизнь без остатка. К. Маркс видел в рабочем классе активнейшего субъекта со-

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 51.

циального развития, ту движущую силу, которая в союзе с остальными трудящимися способна разбить цепи капиталистического рабства.

Если бы К. Маркс недооценивал роль субъективного фактора и полагался на автоматическое действие экономических законов, то, спрашивается: зачем бы тогда он вместе с Ф. Энгельсом создавал Интернационал, зачем столько сил и энергии отдавал делу революционного воспитания и организации социал-демократических партий? Одним словом, легенда о Марксе — кабинетном ученом и экономисте-фаталисте, равнодушном к судьбам человечества, далека от действительности, как небо от земли.

Главной проблемой марксизма многие буржуазные идеологи и ревизионисты называют вопрос об отчуждении и самоотчуждении личности. Они утверждают, будто фундаментальные мысли К. Маркса заключены не в его концепции классово-вой борьбы, социальной революции и диктатуры пролетариата, а в «оригинальных концепциях» о человеке, истории, свободе, освобождении человека, отчуждении и т. п. Не решаясь отрицать того, что идея диктатуры пролетариата принадлежит К. Марксу, буржуазные идеологи и ревизионисты считают ее малозначащей, а главное — неприменимой к современным условиям.

Что же в действительности понимал К. Маркс под отчуждением и какую роль это понятие сыграло в истории марксизма? В своих ранних произведениях К. Маркс впервые дал материалистическое истолкование проблемы отчуждения и самоотчуждения личности, показав, что в буржуазном обществе труд, продукт труда, а также некоторые свойства работника отчуждаются от него и выступают как самостоятельные и порабащивающие его силы. Отчуждение К. Маркс связывал с частной собственностью и характерным для капитализма разделением труда. Революционное уничтожение частной собственности, полагал К. Маркс, поведет к постепенной ликвидации всех видов и форм отчуждения. Отчуждение для К. Маркса было, таким образом, конкретно-исторической категорией,

отражающей общественные отношения, специфичные для буржуазного строя.

В противовес этому марксологи и ревизионисты объявляют отчуждение неустрашимым атрибутом общества, всеобщим антропологическим свойством человека, которое, подобно первородному греху христианской религии, обременяет существование каждой личности, в какую бы эпоху она ни жила, к какой бы социальной группе или классу ни принадлежала.

По мнению противников научного коммунизма, социализм в том виде, как он существует, даже усиливает отчуждение личности по сравнению с капитализмом, принося ее в жертву коллективу и обществу. Считая отчуждение «центральной проблемой социализма», они призывают к его «гуманизации». Речь при этом у них идет не о пережитках капитализма, еще неизбежных в период социализма. Сам социализм будто бы фатально порождает многообразные проявления отчуждения: беспомощность человека перед силами природы, перед могуществом техники, перед бурно развивающейся индустриализацией и урбанизацией общества. Отчуждение якобы воспроизводит и экономические отношения социалистического общества; наличие товарно-денежных отношений, разделение труда и т. п.

В экономических и политических основах социалистического строя антикоммунисты усматривают неодолимые препятствия для всестороннего и свободного развития личности. Главным проявлением отчуждения личности они называют социалистическое государство, руководящую роль Коммунистической партии, господствующие позиции марксистско-ленинской идеологии. Чтобы освободить личность и «очеловечить» социализм, надо бороться против этих форм отчуждения, — такова контрреволюционная политическая программа, которую антикоммунисты подбрасывают ревизионистам.

Гуманистическая сущность политики социалистического государства состоит в том, что оно является в руках рабочего класса, всех трудящихся, руководимых Коммунистической партией, главным орудием построения социализма и комму-

низма — самого справедливого и человеческого строя на земле. Этого-то и не могут признать наши противники. Они утверждают, будто социалистическое государство неизбежно порождает бюрократизм, и поэтому главным противоречием социалистического общества является противоречие между бюрократизмом и интересами народных масс.

Антикоммунисты и следующие в их фарватере правые ревизионисты не желают замечать того, что на деле бюрократизм вовсе не выступает органическим свойством политической организации социалистического общества. Это явление, с которым коммунистические партии, верные духу марксизма-ленинизма, ведут непримиримую борьбу, привлекая к ней самые широкие массы трудящихся.

Не касаясь во всех подробностях вопроса о развитии понятия отчуждения и его судьбе в истории марксизма, отметим лишь, что уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» и других произведениях того периода К. Маркс выступает не как абстрактный гуманист и представитель философского антропологизма, а как мыслитель, закладывающий основы нового пролетарского мировоззрения, в том числе нового гуманизма — гуманизма реального, т. е. классового, конкретного, действительно практического, неразрывно связанного с задачами освободительной борьбы рабочего класса и всех трудящихся. Марксизм впервые поставил гуманизм на научные основы, открыв объективные закономерности перехода общества от капитализма к коммунизму.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» К. Маркс при помощи понятия отчуждения вскрыл сущность капитализма, но это была, так сказать, сущность первого порядка. Несравненно более глубокое проникновение в сущность капитализма дано в «Капитале» и других зрелых трудах К. Маркса. И не случайно понятие отчуждения уже не занимает в них центрального положения, уступив место теории прибавочной стоимости, понятию товарного фетишизма и ряду других более точных категорий, система которых научно воспроизводит капитализм во всей конкретности. И хотя

понятие отчуждения не исчезает вовсе, оно занимает более скромное место в системе указанных категорий. Меняется и содержание этого понятия: оно может быть раскрыто лишь как производное от системы научных категорий зрелого марксизма (общественное бытие и общественное сознание, общественно-историческая практика, производительные силы и производственные отношения, классы и классовая борьба, сущность личности как совокупность всех общественных отношений своей эпохи и т. п.). Понятие отчуждения в зрелых трудах К. Маркса является самым общим выражением комплексной связи явлений, которые охватываются лишь всей совокупностью указанных категорий. При этом данные категории перекрывают своим содержанием понятие отчуждения, которое отражает стихийный характер общественного развития в условиях капитализма, несовпадение поставленных целей и получаемых результатов, господство мертвого, овеществленного труда над трудом живым, дегуманизацию общественных отношений и т. п.

Особенности капитализма на новом этапе его развития были глубоко проанализированы В. И. Лениным, но, однако, без использования понятия отчуждения. Данный факт свидетельствует не о слабости теоретических позиций В. И. Ленина, как это утверждают буржуазные идеологи и ревизионисты, а, напротив, о развитии, конкретизации марксистской теории, о дальнейшем ее углублении в предмет познания. Все, о чем говорит отчуждение, может быть выражено в других понятиях и категориях. Безусловно, грубым антиисторизмом является попытка буржуазных идеологов и правых ревизионистов объявить этап формирования марксизма высшей точкой развития этого учения.

Основной стратегический замысел проповедников поливариантного марксизма — от антикоммунистов до ревизионистов — состоит в том, чтобы опорочить ленинизм как марксизм современной эпохи, оспорить его универсальный, интернациональный характер, его жизненность и творчески активную сущность.

Не случайны злопыхательские нападки на ленинизм, которые непрерывно предпринимают современные антикоммунисты. Так, например, западногерманский философ Р. Швендтер заявляет, что Ленин не обогатил, а разрушил стройную систему марксизма, его учение представляет «смесь планирования и утопии»¹. Французский антикоммунист Э. Морэн, подвизающийся на поприще политологии, утверждает, что учение Маркса хотя и было в целом утопичным, но все же в какой-то мере «открытым», «многоядерным», имело «диалектическое начало». А ленинизм представляет якобы «одноядерную», «обедненную» теорию, не оставляющую места для сомнений, а поэтому и для развития, следовательно, «обреченную на угасание по мере изменения действительности»².

Против «угасающего» учения не предпринимали бы таких бешеных атак. Ленинизм живет и борется, он страшен антикоммунистам, всем защитникам старого мира.

В. И. Ленин показал непревзойденный образец творческого отношения к революционной теории, развил и поднял на новую, высшую ступень все составные части марксизма. Уже первые труды В. И. Ленина, появившиеся в середине 90-х годов прошлого века, положили начало новому этапу развития марксизма, этапу, заслуженно получившему название ленинского. Этот этап был вызван потребностями теоретического осмысления закономерностей новой исторической эпохи и начавшейся на рубеже XIX и XX вв. революции в естествознании. К выводу о том, что с именем В. И. Ленина связан новый этап в развитии марксизма, пришли в свое время все коммунистические партии. Поэтому понятие ленинизма — это не чье-то личное изобретение, как утверждают его критики.

«Марксизм и ленинизм органически связаны. Никто не в состоянии разорвать их. Никто не может заявить: «Я — мар-

¹ Schwendter R. Zur Geschichte der Zukunft: Zukunftforschung und Sozialismus. Frankfurt am Main, 1982, S. 364.

² Morin E. Pour sortir du vingtieme siecle. Paris, 1981, p. 208.

ксист, но не ленинец»¹, — подчеркивает Генеральный секретарь ЦК Сирийской коммунистической партии Х. Багдаш. «Мы, марксисты, заявляем, что учение Маркса, Энгельса, Ленина представляет собой единое целое. Другими словами, нет отдельно марксизма и отдельно ленинизма, а есть марксизм-ленинизм»², — говорил Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Израиля М. Вильнер.

Ленинизм включает в себя не только метод, но и всю теорию марксизма, в том числе теорию социалистической революции и строительства коммунистического общества. Эта теория была творчески развита В. И. Лениным на базе обобщения опыта развития мирового революционного процесса в новую историческую эпоху и первых лет социалистического строительства в России. Она получила свое дальнейшее развитие и конкретизацию путем обобщения богатейшего и разнообразнейшего опыта современной исторической эпохи и прежде всего опыта мирового социализма.

Структура указанной теории состоит из системы взаимосвязанных общих закономерностей, каждая из которых необходима, а все вместе они достаточны для успешного перехода от капитализма к социализму, для строительства нового общества. Данные закономерности охватывают все основные сферы общественной жизни — экономическую, политическую, идеологическую. Игнорирование на практике требований даже одной из закономерностей приводит к самым серьезным последствиям — расстройству важнейших функций социального организма, к замедлению темпов развития и спаду производства, резкому возрастанию элементов стихийности, снижению жизненного уровня, к оживлению антисоциалистических и националистических настроений, к обострению классовой борьбы там, где еще не завершены социалистические преобразования и не до конца ликвидированы эксплуататор-

---

¹ Карл Маркс и современность. Борьба за мир и социальный прогресс. Международная научная конференция. Берлин, 11—16 апреля 1983 г. М., 1983, с. 71.

² Там же, с. 72.

ские классы. А поскольку строительство социализма проходит в сложных условиях борьбы двух систем, империализм, и прежде всего империализм США, активно вмешивается во внутренние дела социалистических стран, стремясь повернуть ход событий к реставрации капитализма. И хотя эти попытки получали отпор и неизменно оканчиваются провалом, игнорировать силу и коварство классового противника было бы крайне опасно.

Всем памятные события в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г., в Польше в 1980—1981 гг. говорят достаточно красноречиво о том, как опасно отступать от проверенных практикой научных принципов руководства социалистическим обществом. Эти события служат косвенным доказательством правильности ленинизма: ведь подтверждение правильности теории может быть прямым, когда опирающаяся на нее практика приводит к успеху, и косвенным, когда отступление от требований теории сопровождается провалами и поражениями.

Антикоммунисты непрерывно твердят о схематичности, шаблонности, узости и т. п. ленинизма. На деле ленинизм исходит из гибкой диалектической взаимосвязи общего, особенного и единичного в историческом творчестве. Без общего нет и не может быть особенного и единичного. Национальная специфика, оторванная от общих закономерностей, превращается в безжизненную абстракцию. «...Только знание основных черт данной эпохи может послужить базой для учета более детальных особенностей той или иной страны»¹, — учил Ленин. Он предупреждал: «...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натывать» на эти общие вопросы. А натывать слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность»².

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 142.

² Там же, т. 15, с. 368.

Если в единичном и особенном обязательно высвечивает общее, то и в общем воплощается многообразие особенного и единичного. В. И. Ленин всегда выступал против догматизма, шаблонизации и схематизации революционного мышления и действия. Именно В. И. Ленин, будучи великим диалектиком, выдвинул идею о многообразии форм перехода от капитализма к социализму, о многообразии форм демократии и диктатуры пролетариата, темпов и особенностей социалистических преобразований разных стран, общественной жизни в различных странах.

В борьбе против ленинизма «неомарксисты» и советологи, опираясь на принцип плюрализма, выдвинули идею о множественности «моделей социализма», каждая из которых выражает якобы национальную и историческую специфику отдельных стран. Однако формула «модель социализма», кто бы и с какими бы намерениями ее ни употреблял, не может быть признана научной.

Дело в том, что понятие «модель социализма» отождествляется с понятием «форма социализма», что, на наш взгляд, неправомерно, так как «модель» — это понятие гносеологическое, связанное с особым методом познания в данном случае общественных явлений и процессов, а «форма социализма» — понятие по преимуществу социально-экономическое и социально-политическое.

Часто понятия «модель», «моделирование» употребляются не в своем обычном научном толковании, а в смысле некоего футурологического идеала и приобретают не гносеологический, а скорее политический и даже аксиологический (ценностный) оттенок.

На вполне объяснимых теоретических трудностях, связанных с неразработанностью проблемы моделирования социальных процессов, и спекулирует неомарксизм. Неомарксисты меньше всего озабочены действительно творческой разработкой научного метода моделирования в свете марксистско-ленинской теории познания. Трактую понятие «модель» отнюдь не в научном смысле, они используют его для идеологических

и политических спекуляций, направленных на подрыв социалистического строя.

В свете ленинских идей, подтвержденных всей практикой современной исторической эпохи, очевидна несостоятельность сфабрикованной и пущенной в широкий оборот антикоммунистами идеи о национальных формах марксизма и «моделях социализма», исключающих интернациональную сущность социализма, общие закономерности и принципы организации нового общественного строя. Эта общая сущность проявляется в многообразных конкретно-исторических формах перехода от капитализма к социализму и специфических формах строительства и функционирования социализма. С ростом и укреплением социалистического содержания, дальнейшим развертыванием революционного и антиимпериалистического движения будет расти многообразие форм проявления общих законов истории.

Тезис о «плюралистичности» марксизма и его философии отражает лишь тот факт, что в действительности существуют многообразные варианты искажения и опошления единого и единственно истинного революционного учения международного рабочего класса. Истина одна, заблуждение многолико и многообразно.

За последние годы происходит интеграция всех идейно-политических сил, выступающих против марксизма-ленинизма. В этой борьбе с революционной теорией на общей идейной платформе объединяются открытые антикоммунисты, марксологи и советологи, социал-реформисты и ревизионисты всех мастей и оттенков. Несмотря на различие исходных позиций и специфику их идеологических концепций, они бьют в одну и ту же точку, стремясь то ли путем открытых фронтальных атак, то ли с помощью коварных идеологических диверсий, предпринимаемых с тыла, подорвать единство коренных принципов марксистско-ленинского учения, «размягчить» марксизм, сделав его «открытым» для проникновения буржуазных идей.

Марксизм открыт в сторону непрерывного творческого развития путем обобщения новейшего исторического опыта и достижений конкретных наук. Но он был и остается закрытым от проникновения чуждых ему идеологических элементов, буржуазных идей и концепций. Подобно тому как не может быть конвергенции между социализмом и капитализмом, невозможен и синтез между марксизмом-ленинизмом и современной буржуазной идеологией. Марксизм-ленинизм развивается на своей собственной идейно-теоретической и методологической основе, обогащая свое содержание и категориальный аппарат.

Как справедливо замечает академик П. Н. Федосеев, «марксизм-ленинизм не претендует на полное и завершенное знание всех явлений мира, на владение полным набором абсолютных истин, которые осталось только повторять и применять. Это относится ко всем областям человеческого знания. Разве физика, химия или биология уже решили все проблемы живой и неживой природы? Разве перед ними не стоит задача дальнейшего познания природы? Но ведь нельзя же «обогащать» физику и химию магией и алхимией, а биологию — телеологией». Марксизм-ленинизм не может быть уподоблен ни закрытому, ни открытому хранилищу вечных истин. «Скорее его можно сравнить с непрестанно растущим могучим деревом, у которого с каждым годом появляются новые и новые ветви и которое становится все выше и выше, помогая видеть новые и новые горизонты»¹.

Важнейшая особенность марксизма-ленинизма состоит в структурной цельности, во внутреннем единстве составляющих его элементов, в невозможности оторвать от целого части или стороны, необходимым образом объединенные в логически стройную и строгую теоретическую систему. Этот принцип, который мы назовем принципом структурного единства, действует в развитии марксизма-ленинизма и в наши дни.

---

¹ Федосеев П. Н. Марксизм в XX веке. М., 1972, с. 221.

Другой коренной чертой марксизма-ленинизма и его философского учения является неразрывное единство критически-революционной и позитивно-созидательной функций, что соответствует двуединой задаче, стоящей перед рабочим классом, — задаче уничтожения отживших частнособственнических общественных отношений и создания новых, социалистических и коммунистических форм общественной жизни. Эта черта марксизма выражается в беспощадной борьбе со всеми разновидностями реакционной буржуазной идеологии и одновременном творческом развитии теории, непрерывно обобщающей новый исторический опыт. Творческое развитие революционной теории и замена действительно устаревших ее положений новыми происходят не за счет отказа от коренных марксистских принципов, а на базе их дальнейшего развития и уточнения.

Ленинский этап марксизма продолжается и поныне, развитие революционной теории осуществляется коллективными усилиями коммунистических и рабочих партий, верных творческому духу ленинизма. Если в генетическом отношении ленинизм — это новый этап в развитии марксизма, то в структурном отношении марксизм-ленинизм представляет собой органически единое, цельное учение, базирующееся как на обобщении всего исторического прошлого человечества, так и на теоретическом анализе закономерностей новой исторической эпохи. Марксистско-ленинская философия, будучи методологией научного познания, обобщает новейшие достижения естественных и общественных наук. В законах и категориях ленинизма бьется живой пульс современности, выражаются тенденции будущего развития человечества. Вся совокупность общественно-исторической практики современной эпохи свидетельствует о жизненной силе и неувядаемой молодости ленинизма.

АНТИКОММУНИЗМ И БУРЖУАЗНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Антикоммунизм является наиболее убедительным подтверждением и выражением кризиса всей буржуазной идеологии, включая философию. Негативно влияя на все стороны жизни буржуазного общества, антикоммунизм буквально деформирует сферу его духовной жизни.

Как уже говорилось, антикоммунизм составляет сущность всей буржуазной идеологии. Это вовсе не значит, что каждый буржуазный обществовед — философ, социолог, экономист и т. п. — является сознательным фальсификатором науки и воинствующим антикоммунистом. Вместе с тем следует иметь в виду, что субъективная честность того или иного буржуазного ученого, его стремление замкнуться в кругу чисто академических, специальных проблем, быть в стороне или выше идеологических схваток не гарантирует получение объективно истинных результатов и идеологическую нейтральность его позиции. Сила привычек и традиций, система воспитания, господствующий строй жизни — все это отталкивает буржуазного ученого от марксизма, от его единственного научного метода познания. Стать на позиции марксистского материализма он может только тогда, когда порвет со своим классом. Но на это способны немногие.

В капиталистических странах появляется немало работ, написанных в абстрактно-академическом духе, в которых нет прямых нападок на марксизм и авторы которых внешне да-

леки от идеологической борьбы и тем более от политики. Понятно, в идеологической борьбе важно учитывать и субъективные намерения, и различия политических позиций буржуазных ученых, многие из которых вовсе не являются оголтелыми антимарксистами и антикоммунистами. Более того, в борьбе за мир, за предотвращение войны эти ученые объективно являются нашими союзниками, хотя в сфере идеологии, в философском мировоззрении мы стоим на противоположных позициях. Примером здесь могут служить известные буржуазные философы-идеалисты Б. Рассел и К. Ясперс, которые выступили в защиту мира, против политики милитаризма.

И все же идеализм и метафизика, безраздельно господствующие в современной буржуазной философии, независимо от субъективных намерений того или иного мыслителя, в конечном счете служат идейно-теоретическим обоснованием империалистической политики. Так, например, отрицая возможность познания и изменения мира, проповедуя социальный агностицизм, буржуазные философы дают аргументы противникам революционного изменения капиталистического строя. Твердя о неизменности человеческой природы, о неистребимости эгоизма, они сеют сомнения в возможность коммунистического воспитания людей, прямо и косвенно оправдывая аморализм империалистической политики.

Реакционные выводы из написанных в узкоакадемическом духе трудов используют марксологи, советологи и другие «специалисты» по борьбе с марксизмом и реальным социализмом. А каждое слово этих «специалистов» отравлено ложью и ядом ненависти к нашему мировоззрению, к социалистическому строю.

1.

ИЗ ИСТОРИИ «СВЯЩЕННОЙ ТРАВЛИ»

24 февраля 1848 г. в Лондоне вышел в свет «Манифест Коммунистической партии» — первый программный документ научного коммунизма. «В этом произведении с гениальной

ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»¹ — так характеризовал В. И. Ленин эпохальное творение основоположников научного коммунизма.

Довольно скоро буржуазия почувствовала и силу нового учения, и потенциальную мощь объединяющегося под его знаменем международного пролетариата. «Священная травля» коммунизма стала отныне задачей задач буржуазных политиков и идеологов. Не случайно именно в конце 40-х годов французский философ Огюст Конт заявил, что созданная им позитивистская философия может служить надежной охраной буржуазного строя от угрозы коммунизма². С тех пор изобретение «чудо-оружия» для борьбы и искоренения марксизма стало навязчивой идеей буржуазных идеологов, выполняющих социальный заказ своего класса.

В 50—60-х годах XIX в. стал обнаруживаться перелом в развитии буржуазной идеологии, в том числе буржуазного обществоведения. Был исчерпан ее позитивный потенциал, прогрессивная, восходящая линия развития сменилась нисходящей, регрессивной.

Кризис буржуазной идеологии начался, следовательно, значительно раньше общего кризиса капитализма. Причины этого явления надо искать в общественном бытии той эпохи. Когда буржуазия боролась за власть и выступала против феодально-крепостнических порядков, она выдвинула плеяду замечательных мыслителей и художников, обогативших науку и культуру человечества замечательными ценностями. Лучшие идеи буржуазного обществоведения были критически пе-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 48.

² См.: Родоначальники позитивизма. Спб., 1913, вып. 5, с. 151 и далее.

переработаны и использованы в качестве теоретических источников при создании научной идеологии рабочего класса.

В середине прошлого века буржуазия завоевала политическое господство во многих странах Западной Европы, а также Северной Америки. Тогда же обнаружались основные антагонизмы капиталистического строя и на общественную арену в качестве самостоятельной политической силы вышел пролетариат, приступивший к выполнению своей исторической миссии. Буржуазия, безмерно напуганная этим, перешла к реакции по всем линиям. В послесловии ко второму изданию «Капитала» Маркс отмечает: «...пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»¹. Данная характеристика справедлива, разумеется, для всего буржуазного обществоведения.

Буржуазная партийность пришла в непримиримое противоречие с научностью, с задачами объективного анализа явлений и процессов общественной жизни. Классовая, оценочная функция буржуазной идеологии оказалась несовместимой с гносеологической, научно-познавательной функцией, и последняя без колебаний была принесена в жертву первой. В ходе истории пропасть между партийностью буржуазной идеологии и научностью становится все глубже.

Подлинная наука всегда прогрессивна, ибо добываемые ею знания увеличивают власть человека над природой, общественными отношениями и в конечном счете над самим собой. Но если научная истина угрожает интересам господствующих эксплуататорских классов, они при помощи своих идеологов и пропагандистов делают все для того, чтобы эту истину или

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 17.

замолчать, или извратить. В. И. Ленин в статье «Марксизм и ревизионизм» приводит известное изречение, гласящее, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они опровергались бы. Естественнонаучные теории, задевавшие старые предрассудки теологии, и сегодня становятся ареной ожесточенной борьбы. Неудивительно, что революционное учение Маркса «должно было с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути»¹.

В 60-х годах XIX в. уже складывается предимпериалистическая идеология, а после Парижской коммуны начинается формирование собственно империалистической идеологии. В 60-х годах (почти одновременно с выходом в свет первого тома «Капитала» К. Маркса) в среде буржуазных философов провозглашается призыв «Назад к Канту!». Возникает неокантианство — эпигонское по своему духу философское течение, которое под видом модернизации фальсифицировало учение великого немецкого философа, пропагандировало законченный субъективный идеализм и агностицизм. Широкое распространение неокантианства начинается в 70—80-х годах XIX в. Именно в этот период совершается переход наиболее развитых стран мира от доминирующего капитализма к системе монополистического капитализма, т. е. к империализму. Неокантианство оказалось тогда приспособленным к выполнению социального заказа империалистической буржуазии.

Подобно тому как разбитая армия ищет кругом твердого пункта в надежде, что она опять сумеет собраться и прийти в порядок, так повсюду в философских кругах раздавался лозунг: «Назад к Канту»², — писал один из первых неокантианцев — Ф. А. Ланге. Это образное сравнение проливает свет на социальную подоплеку неокантианства. Что это за победоносный противник, перед лицом которого отступает разбитая

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 17.

² См.: Ланге Ф. А. История материализма. Киев — Харьков, 1900, т. 2, с. 1.

армия буржуазных философов? Ответ на данный вопрос не вызывает затруднений ни у кого, и прежде всего у самих неокантианцев. Речь идет о марксизме — боевой идеологии подлинно революционного класса общества — пролетариата. Неокантианство, независимо от настроения отдельных представителей, создавало идейную почву для укрепления идеологии империалистической буржуазии, напуганной необычайным размахом и организованностью пролетарского движения.

Буржуазные идеологи звали не только «Назад к Канту!». Еще более реакционным был выдвинутый в конце XIX в. лозунг «Назад к средневековью!». В 1879 г. папа Лев XIII выпустил энциклику, имеющую подзаголовок: «О восстановлении в католических школах христианской философии в духе ангельского доктора святого Фомы Аквинского». Было положено начало одному из наиболее влиятельных философских течений эпохи империализма — неотомизму, основу которого составило приспособленное к условиям позднебуржуазного общества учение средневекового теолога, жившего в XIII в., в самую глухую пору средневековья. Ренессанс томизма был вызван обстоятельствами, не имеющими, разумеется, никакого отношения к эпохе феодализма. Провозглашая томизм единственно истинной философией, католическая церковь стремилась активно противодействовать «социальным и интеллектуальным беспорядкам», пагубному, с ее точки зрения, влиянию марксизма на паству, росту революционного движения.

Это было главной, хотя и не единственной причиной возрождения, а лучше сказать — реанимации, учения средневекового схоласта.

Наряду с неотомизмом в современной католической философии существует неоавгустинизм — восходящий к учению Августина и возрождающий идеи христианского платонизма.

Течения и тенденции подобного рода имеют место в других религиях и конфессиях, они свойственны всей буржуазной идеологии. Характеризуя попятные идеологические дви-

жепия, В. И. Ленин указывал: «В цивилизованной и передовой Европе, с ее блестящей развитой техникой, с ее богатой, всесторонней культурой и конституцией, наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство»¹.

Нисходящая, реакционная тенденция в развитии буржуазной идеологии выражается в явлении, получившем название «переоценка ценностей». Переоценка ценностей означает отказ от прогрессивных общественных идеалов и политических лозунгов, от гуманистических идей и материалистических принципов в философии, от реализма в искусстве и литературе.

Буржуазные идеологи предают анафеме то, во что верили, за что боролись великие мыслители на заре капиталистического строя.

В наиболее яркой форме требование переоценки ценностей было выражено реакционным немецким философом Ф. Ницше. Провозгласив себя нигилистом, он утверждал, что «высшие ценности теряют свою ценность. Нет цели. Нет ответа на вопрос «зачем?»². Иными словами, жизнь бессмысленна, не имеет никакой ценности. Свое время Ницше называет «трагической эпохой», его страшат грядущие пролетарские революции. С почти патологической ненавистью он относится к народным массам, называя их «стадом», «суммированными нулями», «людской сволочью». Человек, по мнению Ницше, не сделал ни шага вперед по сравнению с животными. Чем аморальнее, самоувереннее, нецивилизованнее человек, тем якобы выше его ценность. На место моральных ценностей Ницше требует поставить исключительно «натура-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 166.

² Ницше Ф. Полн. собр. соч. М., 1910, т. 9, с. 9.

листические» ценности, что означает культ грубой силы. «Белокурая бестия», или сверхчеловек, стоящий «по ту сторону добра и зла», попирающий все нормы нравственности и гуманизма, — таков идеал Ницше, взятый позднее на вооружение гитлеризмом.

После окончания первой мировой войны большую известность приобрела книга реакционного немецкого философа, историка и публициста О. Шпенглера «Закат Европы», в которой также была сделана попытка подвергнуть переоценке как главные события мировой истории, так и культурные ценности прошлого. Надвигающаяся гибель буржуазного строя трансформировалась в сознании Шпенглера в гибель всей западной культуры. В революционном пролетарском движении, в марксистской идеологии Шпенглер видел угрозу цивилизации. Презрительно называя идеологию и мораль пролетариата «плебейскими», Шпенглер высмеивает как несбыточные химеры счастье трудящихся, мир и братство между народами.

В наши дни кризис социально-политических и духовных ценностей буржуазии принял невиданные масштабы. Реакционные буржуазные идеологи довершили начатую Ф. Ницше переоценку ценностей. Прогресс в истории, истина в познании, красота в искусстве, справедливость в человеческих отношениях — над всем этим глумятся духовные наставники современной империалистической буржуазии.

Американский антикоммунист З. Бжезинский в книге «Между двумя веками» приводит сформулированные Р. Бейли десять тезисов, в которых «европейский «дух времени», существовавший сто лет назад, противопоставляется нынешним умонастроениям»¹. В этих тезисах довольно точно зафиксированы те существенные изменения, которые произошли в буржуазной идеологии за истекшее столетие, показан ее переход от оптимизма к глубокому социальному пессимизму:

¹ Brzezinski Z. Between two Ages: America's Role in the Techno-tronic Era. New York, 1970, p. 115—116.

Сто лет назад:

1. Имеет место прогресс.
2. Социальная эволюция носит прямолинейный характер.
3. Западная цивилизация непрерывно движется ко все большим высотам в культурном и социальном развитии.
4. Человек рационален.

5. Общество состоит из индивидуумов, которые, будучи рациональными или способными стать рациональными, поднимут человечество на новые ступени совершенства.

6. Научная истина и знания приносят обществу пользу.

7. Мифы и суеверия приносят обществу вред.

8. Общество представляет собой гармоническое сосуществование различных групп...

9. Общество управляется на основе согласия народа.

10. Демократия и гуманные социальные ценности служат для защиты интересов индивидуума и общества.

Сегодня:

1. Нет прогресса.
2. Социальная эволюция носит циклический характер.
3. Западная цивилизация переживает период распада и упадка.

4. Человек нерационален или иррационален.

5. Общество состоит из масс, которые, будучи нерациональными, легко поддающимися внушению, приведут человечество в состояние посредственности.

6. Научная истина и знания могут принести обществу вред.

7. Мифы и суеверия могут быть полезными.

8. Общество состоит из всегда враждующих между собой групп.

9. Общество управляется элитой.

10. Демократия и гуманные социальные ценности являются печальными ошибками и ведут к владычеству необразованных масс.

Современные идеологи буржуазии идеи своих великих предшественников, идеи просвещения и гуманизма считают наивными иллюзиями. Однако в этих иллюзиях содержалось зерно истины — убеждение в необратимости исторического прогресса. В целом эпоха буржуазного просвещения явилась славной страницей в умственном и культурном развитии человечества.

Не свободны от иллюзий и современные буржуазные идеологи; но их иллюзии носят реакционно-утопический характер.

Они проклинаят науку и разум, уповая на мифы и суеверия, они боятся будущего, ненавидят народные массы, цинично отказываются от демократии и гуманизма.

Наиболее убедительным подтверждением негативного характера социально-политических и духовных «ценностей» современной монополистической буржуазии является тот факт, что антикоммунизм стал знаменем ее внутренней и внешней политики, стержнем всей ее идеологии.

Крушение устоявшихся идеалов, переоценка ценностей — это верный признак того, что общество, породившее эти идеалы и ценности, клонится к упадку. Свою грядущую гибель буржуазия неизбежно отождествляет с гибелью всей цивилизации, с концом света.

Важнейшей чертой кризиса современной буржуазной идеологии является глубокий исторический пессимизм. В те времена, когда буржуазия была восходящим классом, ее идеология характеризовалась верой в прогресс и историческим оптимизмом. Ныне капитализм находится в состоянии общего кризиса, раздирается непримиримыми противоречиями, он перестал быть всеохватывающей мировой системой и сдает одну позицию за другой. В этом главная причина того глубокого исторического пессимизма, которым охвачена буржуазная идеология.

Социальный пессимизм, выраженный в нарочито заостренной, крикливой форме, присущ так называемым «новым» философам во Франции, которые могут служить наглядным примером дальнейшего духовного одичания буржуазии. Между тем «ни одно из существующих до сих пор течений буржуазной философии XX в. не вызывало такой шумихи, ни одна философская концепция не вдалбливалась с такой настойчивостью и методичностью в головы широких масс, как концепции и идеи, выдвинутые представителями так называемой новой философии во Франции»¹.

---

¹ *Апаньева М. И., Иконникова Г. И.* Новые тенденции современной буржуазной социологии. М., 1983, с. 43.

Обратимся к имеющему программное значение заявлению одного из главных представителей этого направления Б. Леви: «Лозунг для всего нашего поколения таков: свернуть шею оптимизму с его бодряческой теорией, надеть латы пессимизма, закалить себя отчаянием. Вот наша грубая истина, которая долго созревала, впитывая черное солнце наших заблуждений: мир есть катастрофа, в центре которой стоит человек, политика — призрак, высшее благо недоступно. Всеобщее счастье никогда уже не будет заманчивой идеей... Революция не стоит и не будет стоять на повестке дня, пока история остается историей, пока реальность остается реальностью. Человек, даже поднявшийся в бунте, всегда лишь несбывшийся бог, неудачное природное создание»¹.

В последней фразе заключена антиреволюционная, антикоммунистическая суть концепции «новых» философов, объявляющих абсолютно бессмысленной политическую борьбу и революцию. Они открыто провозглашают, что «антимарксизм — это современная форма борьбы против политики, против власти»². Понятно, что имеется в виду прежде всего и главным образом социалистическая власть, политика коммунистических партий. Что же касается буржуазного государства, то борьбу против него они считают безнадежной, ненужной. Ведь власть, с их точки зрения, порождается не классовым обществом, она заложена в самой человеческой природе, в психике людей. Поэтому всегда была и будет власть, господство и подчинение, были и будут, следовательно, власти-тели и подчиненные. Власть есть мистическое, ирреальное начало, лежащее в основе всякого человеческого общежития, некое первичное отношение, порождающее все остальные социальные структуры.

Абсолютизируя и мистифицируя государство, «новые» философы широко используют старый антикоммунистический вымысел о тоталитарной природе социалистического государ-

---

¹ *Levi B.-H. Barbarie à visage humain, Paris, 1977, p. 41.*

² *Ibid., p. 217.*

ства, о его недемократичности, о якобы присущей ему высшей степени «социального варварства» и т. п.

Махровый антикоммунизм тесно переплетается у этих философов с воинствующим антигуманизмом. «Я не верю больше в человека,— заявляет Леви,— и хочу присоединиться к мнению, что он находится в процессе исчезновения со сцены мысли»¹. Совершенно в духе Ницше эти «мыслители», жаждущие исчезновения человека и человеческой мысли, заявляют, что народ — это стадо, толпа, нуждающаяся в плетке господина.

Тотальный пессимизм, доходящий до апологии смерти, кладбищенская философия, воспевающие небытие, коренятся в конечном счете в объективных противоречиях современного капитализма. Абсурдность буржуазного существования воспринимается как абсурдность всякого существования, антагонистическая природа противоречий капитализма отражается в виде «трагической диалектики», «разорванного сознания», как фатальное отчуждение личности «от самой себя» и от условий своего бытия.

Наряду с пессимизмом, составляющим подлинную основу всего буржуазного общественного сознания в нашу эпоху, в буржуазной идеологии существуют и порой довольно активно себя проявляют, особенно в сфере социальной философии, всякого рода оптимистические концепции и течения.

2.

О ПАРАДИГМАХ АНТИКОММУНИЗМА

Иногда высказывается мнение, будто современная буржуазная философия полностью оторвана от жизни, от жгучих проблем современности. Разумеется, есть и такие философские концепции и теории. Но не следует при этом забывать, что само отвлечение внимания от актуальных вопросов общественной жизни, абстрактный академизм и схоластическое теоретизирование (чего, признаться, немало в буржуазной

---

¹ *Levi B.-H. Barbarie à visage humain, p. 126.*

философии) выполняют вполне определенную задачу, продиктованную коренными классовыми интересами буржуазии.

Вместе с тем в составе буржуазной философии всегда наличествуют и такие теории и целые течения, которые довольно тесно связаны с жизнью, с решением конкретных практических задач, но, разумеется, специфическими для мировоззренческой науки средствами. Мы не говорим уже о прикладной или эмпирической социологии и о социологических теориях «среднего уровня», само название которых часто выражает эту практическую устремленность (социология молодежи, социология труда, социология спорта и т. д. и т. п.).

В буржуазном обществоведении социология трактуется как нефилософская наука, изучающая главным образом социальные группы и взаимодействие между ними. Но это либо самообман, либо обман. Дело не только в том, что любая социологическая теория исходит из вполне определенных философских предпосылок и входит в идеологическую надстройку. Фактически буржуазная социология, несмотря на многочисленные антифилософские декларации позитивистски ориентированных социологов, никогда не отказывалась от рассмотрения общества в целом. В ее недрах регулярно вырабатываются всеохватывающие схемы развития общества, которые неизменно противопоставляются историческому материализму и научному коммунизму. Буржуазные идеи социального развития, в том числе модернизации и трансформации капитализма, представляют собой типичный образец метафизической концепции движения, классическая характеристика которой дается в «Философских тетрадах» В. И. Ленина¹. Эта концепция оставляет в тени подлинный источник развития общества, заменяет объективную диалектику исторического процесса односторонне выхваченными «факторами», диалектико-материалистическому детерминизму противопоставляет ущербные в методологическом отношении формы псевдетерминизма.

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 316—317.

В выработке теорий развития общества участвуют не только философия и социология. В нашу эпоху буржуазная общественная мысль поставлена перед необходимостью дать ответы на коренные вопросы мирового развития. В их числе — оценка достигнутого этапа и перспектив развития капитализма и соответственно — социализма, характер и возможный исход борьбы двух мировых систем, ближайшее и более отдаленное будущее, которое может ожидать человечество. Сюда же следует отнести и вопрос о детерминации мировых общественных процессов, о главном «факторе» и движущих силах социальных изменений.

Для выработки ответа на эти нелегкие вопросы не годится эмпирическая социология и другие позитивистские школы социологии. С этим вообще не могла бы справиться одна только социология, понадобились комплексные усилия целого ряда наук: философии, истории, политологии, политической экономии, социологии, социальной психологии и т. п. Ведь, по существу, ставится вопрос о том, откуда, куда и как идет человечество, — что и требует широкомасштабного, синтетического, междисциплинарного подхода.

За последнее десятилетие необычайно возросла роль глобальных проблем, каждая из которых требует комплексного подхода со стороны ряда научных дисциплин. Проблема войны и мира есть главная из глобальных проблем, и это же центральный вопрос современной идейно-политической и вообще классовой борьбы на международной арене.

Та сумма или, лучше сказать, система проблем, которая охватывается глобалистикой, составляет, на наш взгляд, существенный компонент общетеоретического, междисциплинарного подхода, осуществляемого комплексом наук.

Если к делу подойти исторически, то можно выявить этапы в развитии буржуазной идеологии, определяемые как внутренним состоянием капитализма, так и характером решения внешних для него противоречий. На каждом из этапов можно обнаружить общую схему, или тип, решения главных проблем современного общественного развития с классовых

позиций монополистической буржуазии. Эта концептуальная схема, или формула, выражая общую стратегию империализма на данном этапе его развития, не исключает многообразия подходов, наличия иных, а иногда внешне альтернативных, решений как внутри формационных, так и межсистемных противоречий и глобальных проблем. Данные схемы, или формулы, обычно служат идейным обоснованием антикоммунистической политики, буржуазных государств и партий.

Таким образом, обнаруживается несомненная связь между буржуазной теорией и буржуазной практикой, причем критерием ценности этих теорий является лишь одно — выживание капитализма.

Буржуазная идеология, а говоря конкретнее, буржуазное обществоведение, во-первых, вырабатывает ответы на вопросы, поставленные ходом общественного развития, и, во-вторых, предлагает рецепты, или модели, решения этих проблем в соответствии с коренными интересами буржуазии. Модели постановки проблем и предлагаемые образцы решения поставленных задач в философии иногда называют парадигмами. Выработка общественно-исторических парадигм — важнейшая функция обществознания, и прежде всего философии, дающей мировоззренческий синтез данных многих конкретных наук, привлекаемых для решения поставленных задач.

Антикоммунизм откладывает неизгладимый отпечаток на формирование парадигм и их функционирование в буржуазном обществе. Поскольку сам антикоммунизм имеет различные разновидности, то и парадигм обычно выдвигается несколько. Между ними происходит своего рода конкуренция, и лишь одна принимается в качестве теоретической основы стратегии мирового империализма на каждом этапе исторического развития.

Завершив послевоенный восстановительный период, государственно-монополистический капитализм стал широко использовать достижения развернувшейся научно-технической революции для повышения эффективности и темпов разви-

тия производства, для усиления эксплуатации и в конечном счете для укрепления своих позиций. Стабилизации капитализма не наступило, общий его кризис продолжал углубляться. И все же примерно с середины 50-х и до середины 70-х годов наблюдался экономический рост, который хотя и прерывался кризисами, но все же давал определенные поводы к эйфории. В ходе упорной борьбы трудящимся капиталистических стран удалось вырвать у буржуазии определенные уступки в экономической и социальной областях, что было в полной мере использовано буржуазным обществоведением и пропагандой для восхваления капитализма.

Именно в это двадцатилетие в буржуазной идеологии доминировала парадигма экономического роста и модернизации, иными словами, общая формула, в которую укладывалось значительное число экономических, социологических и политологических теорий. Достаточно напомнить хорошо известные теории — стадий экономического роста, второй и третьей промышленной революции, единого индустриального общества, конвергенции двух систем, деидеологизации и т. п. К ним близки теории революции управляющих, социального партнерства, соучастия в управлении и т. д.

Теоретической основой всех этих концепций послужила методология так называемого «технологического детерминизма» или, точнее сказать, сциентистско-технологического «детерминизма», поскольку главным детерминантом всех наиболее значимых социальных изменений нашего времени были названы наука и техника, которые брались изолированно от системы производственных отношений.

Классовые позиции, из которых исходили буржуазные обществоведы, однозначно определили антимарксистский, антикоммунистический, следовательно, ненаучный, буржуазно-апологетический характер этой формулы, состоящей из следующих основных элементов. Во-первых, утверждалось, что капитализм под воздействием прежде всего научно-технической революции подвергся глубоким структурным изменениям и уже не может больше считаться капитализмом. Возникло

принципиально новое общество, стоящее *по ту сторону* капитализма, но отнюдь не социалистическое. Это «новое» общество получило название индустриального. Понятие «индустриальное общество» прочно вошло в категориальный арсенал буржуазного обществоведения. «Можно ли думать, что капитализм может быть модифицирован, изменен, трансформирован и превращен в более эффективный? Или напротив, соглашаться с мыслью о присущих ему неразрешимых внутренних противоречиях? То, что я видел на протяжении своей жизни, пожалуй, склоняет меня к первому предположению,— писал известный американский экономист Дж. Гелбрейт.— Это многообразный процесс, предполагающий социальное обеспечение, государственную политику занятости в духе Кейнса, прогрессивную политику доходов, могущественную роль профсоюзов, превращение крупной компании, жаждущей накопления капитала, в элемент технoструктуры»¹. История развивается «не по Марксу», утверждал Гелбрейт, поскольку на Западе возникла «новая правящая коалиция капиталистов и рабочих».

Как писал другой, не менее известный американский экономист — П. Самуэльсон, «результаты роста в третьей четверти XX века показали, что рыночная экономика, обогащенная правительственным планированием и макроэкономическим контролем, может функционировать лучше в сравнении с прежними эпохами как капиталистического, так и коммунистического развития»². Здесь совершенно отчетливо проводится идея о том, что «рыночная экономика», миновав «эпоху капитализма», вышла за его исторические рамки и функционирует более успешно, чем плановая социалистическая экономика.

Итак, буржуазного строя уже нет, и даже сам термин «капитализм», став однозным, почти что исчез в тот период из буржуазного политического и идеологического лексикона.

---

¹ *Nouvel Observateur*, 1977, 11.IX.

² *Samuelson P. Economics*. New York, 1973, p. 734.

Так, например, в выпущенной в начале 60-х годов книге «Передовая стратегия для Америки» группа профессоров Пенсильванского университета заявила: «Нам следует поддерживать тот очевидный факт, что западный мир — не «капиталистический», а коммунистический блок — не «социалистический»¹.

Во-вторых, выражалось убеждение в том, что «индустриальное общество» достаточно быстро, буквально на наших глазах, превращается в общество постиндустриальное (сверхиндустриальное, технотронное и т. п.), которое должно принести невиданное материальное благополучие и освобождение человека практически от любого вида труда. Усилия футурологии особенно в 60-е годы были направлены на создание антикоммунистических моделей будущего на основе той же самой методологии «технологического детерминизма».

В-третьих, реальный социализм якобы не соответствует своему понятию, т. е. идеалам творцов марксизма. Это не подлинный социализм, а некий его суррогат — тоталитаризм, этатизм, разновидность государственного капитализма с новой иерархией классового господства и т. п. В то же время признавались немалые экономические, научно-технические и военные достижения социалистического строя. Военное столкновение с ним хотя и возможно, но нежелательно, поскольку способно повлечь за собой уничтожение обеих сторон (известная концепция ВГУ — взаимного гарантированного уничтожения, которой придерживался ряд президентов США до Рейгана). «Свободный мир», т. е. капитализм, обречен на разрядку, на мирное сосуществование с «Советами».

Саму разрядку буржуазные политики и идеологи пытались использовать как средство «размягчения», «разрыхления» социализма. Далее предполагалось, что под воздействием научно-технического прогресса, роста материального и культурного уровня населения, а также в результате идеологического, политического и экономического воздействия

¹ *Strausz-Hupé R., Kinter R., Possony S. T. A forward Strategy for America. New York, 1961, p. 287.*

Запада «коммунистический блок» станет раскалываться, подвергаться эрозии изнутри, эволюционизировать в сторону «большей либерализации» и сближения со «свободным миром». Хорошо известные концепции «единого индустриального общества», «конвергенции двух систем», «деидеологизации» представляли собой не что иное, как выражение в псевдотеоретической форме упования буржуазии на капиталистическое перерождение реального социализма.

И наконец, из всех этих заведомо ложных положений делался «логический вывод»: поскольку капитализма уже нет, а социализм еще не построен, да и вообще вряд ли может быть построен, становится беспредметным вопрос о революционном переходе от капитализма к социализму и коммунизму, и, таким образом, демонстрируется несостоятельность марксистско-ленинского понимания основного содержания и характера современной исторической эпохи.

Примерно с середины 70-х годов начался новый этап развития буржуазной идеологии, обусловленной невиданным после «великой депрессии» 30-х годов экономическим кризисом. Произошел довольно крутой перелом в развитии всей буржуазной идеологии — от оптимистических моделей будущего, сфабрикованных в большом количестве в 60-х годах, к мрачным пророчествам о якобы неизбежной гибели цивилизации в результате стихийного развития производства, техники и науки. Фетишизация науки и техномания сменились их критикой, антисциентизмом и технофобией.

Крах оптимистических концепций, суливших бескризисное развитие капитализма в условиях продолжающейся научно-технической революции, повсеместное распространение на Западе пессимистических, финалистских, упаднических теорий лишь подтверждает тот диагноз, который марксистско-ленинская наука давно уже поставила капитализму — обществу, лишенному будущего, социальному организму, переживающему обострение всех своих старых недугов, усугубленных новыми болячками в виде так называемых структурных кризисов.

Переход к постиндустриальному обществу многие буржуазные идеологи связывают ныне с неизбежностью существенного снижения уровня жизни широких слоев населения. Некоторые говорят о наступающем «постизобилии», т. е. периоде, когда будет неумолимо расти дефицит средств существования.

В конце 60 — начале 70-х годов формируется концепция экологического пессимизма, которая является своеобразным отражением экологического кризиса. В начале 70-х годов создаются первые глобальные модели развития человеческого общества, в которых формулируются выводы о необходимости прекращения или по крайней мере ограничения экономического роста и научно-технического прогресса с целью сохранения окружающей природной среды и экономии невозобновимых сырьевых ресурсов.

Поэтому с известным основанием можно говорить о том, что парадигма беспредельного экономического роста сменилась парадигмой экологической катастрофы. Потеряли кредит теории, исходящие из необходимости государственного регулирования экономических и социальных процессов капиталистического общества. Это относится в первую очередь к экономической теории Кейнса и концепции «государства всеобщего благоденствия». В трудном положении оказался социал-реформизм.

3.

ПРОБЛЕМЫ БУДУЩЕГО

Критический анализ соотношения буржуазной идеологии и антикоммунизма будет неполным, если мы оставим в стороне «науку о будущем» — буржуазную футурологию.

Взгляды современных буржуазных идеологов на будущее далеко не однородны и не однозначны. Более того, подчас они кажутся диаметрально противоположными, взаимоисключающими друг друга. Подобно маятнику, предвосхищения будущего колеблются от безоблачного оптимизма до са-

мого мрачного пессимизма. Объясняется это как особенностями идеологических, а следовательно, социально-классовых позиций тех или иных конкретных представителей буржуазной футурологии, так и сложностью самого предмета познания. Имеет, конечно, место и влияние конъюнктуры — подъемы и спады капиталистической экономики.

Некоторые буржуазные футурологи выступают с либеральных позиций, для иных характерны абстрактно-гуманистические и даже антимонополистические настроения. Поэтому с самого начала необходимо подчеркнуть, что мы вовсе не считаем всех буржуазных ученых, занимающихся проблемами будущего, антикоммунистами. В первой главе говорилось, что нельзя смешивать некоммунистов с антикоммунистами. Футурологи, будучи буржуазными идеологами, естественно, являются защитниками капитализма и пытаются обосновать его будущее. Те же футурологи, которые стоят на позициях антикоммунизма, сверх того, зарекомендовали себя воинствующими противниками социализма. Достаточно указать на У. Ростоу, Р. Арона, З. Бжезинского, Г. Кана. Не случайно одна из наиболее шумевших работ буржуазных социологов — книга У. Ростоу «Стадии экономического роста» имела подзаголовок: «Некоммунистический манифест». Но точнее было бы ее назвать «Антикоммунистический манифест».

Можно поэтому говорить о двух типах футурологических изысканий, о *некоммунистических* и об *антикоммунистических* моделях будущего. Первые ориентированы, так сказать, на программу-минимум, вторые — на программу-максимум. Принципиальное различие между ними в том, что первые обычно ратуют за мирное сосуществование, ядерное разоружение и сотрудничество государств, вторые, как правило, не признают необходимости этого.

Во-первых, настойчиво предпринимаются попытки обосновать такое решение противоречий современной исторической эпохи, включая и глобальные проблемы, которое позволило бы, как минимум, сохранить и упрочить господство

монополистического капитализма в несоциалистической части мира. А во-вторых, выдвигается программа-максимум: достижение мирового господства капитализма путем подрыва изнутри или же путем военного разгрома реального социализма. Антикоммунисты-футурологи принимают самое активное участие в идейном обосновании глобальной стратегии империализма.

В нашу задачу не входит подробный разбор и оценка всех разновидностей и направлений буржуазной футурологии. Существует внушительная научная литература по данной проблематике¹.

Напомним лишь, что в первых докладах Римскому клубу, объединившему ученых, общественных деятелей и бизнесменов ряда капиталистических стран, были сформулированы следующие выводы: если нынешние тенденции роста мирового населения, индустриализации, загрязнения, производства продуктов питания и истощения естественных ресурсов сохранятся, то пределы роста на планете будут достигнуты в течение 100 лет. Наиболее вероятным результатом будет внезапный и неконтролируемый спад как численности населения, так и производственных мощностей. Единственная возможность изменить эти тенденции — добиться глобального равновесия, т. е. стабильности численности населения и капитала, освоить так называемый нулевой тип развития. Поэтому научно-технический прогресс необходим только для поддержания глобального равновесия.

Советские ученые отмечают в буржуазной глобалистике и футурологии определенные позитивные моменты. К ним относится, во-первых, сама постановка ряда проблем, носящих

---

¹ См.: *Араб-Оглы Э. А.* Демографические и экологические прогнозы. М., 1978; *Шахназаров Г. Х.* Фиаско футурологии. М., 1979; *Загладин В. В., Фролов И. Т.* Глобальные проблемы современности: научные и социальные аспекты. М., 1981; *Лантев И. Д.* Экологические проблемы. М., 1982; *Кравченко И. И.* Экологическая проблема в современных теориях общественного развития. М., 1982; *Горизонтов Б. Б.* Капитализм и экологический кризис. М., 1982; *Соломина С. Н.* Взаимодействие общества и природы. М., 1983.

отнюдь не надуманный, а вполне реальный характер. Далее, по мнению академика Д. М. Гвишиани, первые же глобальные модели Римского клуба нанесли удар «по некомпетентному оптимизму в отношении процесса развития». Он также признает справедливой критику «идеологии неограниченного экономического роста», ставшей своего рода религией современных потребительских обществ. Копирование этого пути развивающимися странами ведет к усилению социальных контрастов, к конфликтам с национальной культурой, к потерям человеческих ресурсов¹. Вместе с тем ученый показывает, что большинство глобальных моделей, разрабатываемых сегодня на Западе, носит на себе печать буржуазного мировоззрения и апологетики, прикрываемых объективизмом и эмпиризмом позитивистского толка.

Содержательный анализ методологических и мировоззренческих аспектов буржуазной глобалистики дан Э. А. Араб-Оглы. Он называет опасной иллюзией фетишистское представление, будто в компьютерах содержится панацея от неразрешимых экономических трудностей и социальных конфликтов капиталистического общества. «Из компьютеров так же нельзя извлечь достоверную модель капиталистической системы без кризисов, безработицы и инфляции, как и модель «вечного двигателя», способного разрешить энергетический кризис»².

В. В. Загладин и И. Т. Фролов, анализируя проекты и модели Римского клуба, отмечают, что в них используют современные математические методы, системный анализ, что они опираются на солидную фактическую базу, однако получаемые выводы страдают тем не менее формализмом. Но дело не только в этом. «Обострение глобальных проблем с гораздо большей, чем когда-либо, силой вскрывает социально ограниченную возможность капиталистического строя и тем

¹ См.: Гвишиани Д. М. Методологические проблемы моделирования глобального развития.— Вопросы философии, 1978, № 2, с. 14—28.

² Араб-Оглы Э. А. Демографические и экологические прогнозы, с. 192.

самым выступает как новый, весьма убедительный аргумент в пользу замены капитализма социализмом»¹. Признать этот факт буржуазные футурологи, естественно, не могут. Однако в глобальных моделях, созданных буржуазными учеными, объективно заключено такое содержание, которое является суровым приговором капитализму.

Как считает И. Д. Лаптев, экологическое прогнозирование и прежде всего доклады Римскому клубу «очень больно травмировали психологию собственности», показав, к каким результатам может привести человечество капиталистический путь развития. Стихийность, прагматические, узкоутилитарные устремления капитализма слишком шаткая основа, чтобы на ней можно было строить будущее². Капитализм, особенно на современном этапе его развития, предстает как «заколдованный, извращенный и на голову поставленный мир»³. Именно эту мысль К. Маркса подтверждают многие прогнозы футурологов.

«Отмечая эти моменты, — пишет И. Д. Лаптев, — мы считаем, однако, неверным характеризовать выводы и значение упомянутых докладов Римскому клубу только с точки зрения их недостатков. Знакомясь с этими работами, нельзя не проникнуться уважением к гуманистическим позициям их авторов, не приветствовать благородный поиск ученых, обеспокоенных грядущими судьбами человечества...

В то же время нельзя не видеть, что эти финалистские по сути своей прогнозы эффективно используются буржуазной идеологией. Они стали специфической основой для идеологических конструкций, служащих запугиванию масс возможностями грядущего мирового краха, хаоса, социально-политических осложнений и т. п. И хотя эти конструкции мало связаны, а порой вообще не имеют ничего общего со своей основой, с докладами, беря от них в качестве прикрытия доверие широкой общественности к результатам, получаемым

¹ Загладин В. В., Фролов И. Т. Глобальные проблемы современности: научные и социальные аспекты, с. 220—221.

² См.: Лаптев И. Д. Экологические проблемы, с. 210.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 398.

естествознанием, тем не менее они выполняют исключительно важную для капиталистического общества функцию. Оперировав количественными показателями грядущего развития человеческого общества, явно превышающими возможности планеты Земля, буржуазные идеологи, с одной стороны, пытаются доказать трудящимся бесперспективность и даже опасность борьбы за улучшение своей жизни, а с другой — заранее оправдывают любые действия правящих кругов буржуазных государств, предпринимаемые под лозунгом «спасения цивилизации»¹.

Буржуазные идеологи пытаются создать впечатление, будто кризис, порожденный противоречиями капитализма, есть кризис глобальный, всемирный и ответственность за него несут в равной мере и страны социализма. Они обычно умалчивают о том, что в рамках СЭВ эффективно преодолеваются различия в уровне развития между социалистическими странами, в то время как разрыв между развитыми капиталистическими странами и странами развивающимися не только не уменьшается, но и продолжает возрастать.

На московском Экономическом совещании стран — членов СЭВ на высшем уровне 1984 г. отмечалось, что неоспоримым достижением социализма является преодоление унаследованной от прошлого отсталости отдельных стран и народов. Международное социалистическое разделение труда способствовало тому, что разрыв в уровнях экономического развития в европейских странах СЭВ сейчас значительно сократился. Решается задача содействовать ускорению развития Вьетнама, Кубы, Монголии с целью постепенного выравнивания уровней развития этих государств с уровнем европейских стран — членов СЭВ. Так на деле проявляется социалистический интернационализм — могучая движущая сила развития нового общества.

Предложения буржуазных политиков и идеологов, направленные на создание «нового порядка» международных эконо-

---

¹ Лаптев И. Д. Экологические проблемы, с. 208—209.

номических отношений, фактически оставляют в неприкосновенности источник, непрерывно воспроизводящий это неравенство: господство международных монополий, систему неокOLONиализма. Ставя на одну доску страны капитализма и социализма, буржуазные идеологи предлагают последним расплачиваться за то, в чем повинен капитализм, который в течение веков подвергал колониальному грабежу многие народы Азии, Африки, Латинской Америки, а ныне пытается держать их в узах неокOLONиализма. Вместо укрепления экономической независимости развивающихся стран предложения авторов докладов направлены против их суверенитета. Чего стоит хотя бы тезис о том, что минеральное сырье должно рассматриваться как совместно управляемое достояние человечества.

Главным орудием империалистического грабежа выступают как раз транснациональные монополии, которых буржуазные футурологи изображают благодетелями рода человеческого. Эти «благодетели», вкладывая ежегодно в развивающиеся страны 8 млрд. долларов, получают в виде прибыли приблизительно 25 млрд. долларов.

Контролируя экономические и торговые отношения большинства развивающихся стран, транснациональные корпорации произвольно диктуют цены: явно занижают их на вывозимое сырье и завышают на ввозимое оборудование и технологию. США делают все, чтобы дестабилизировать рынки сырья, срывая международные соглашения, искусственно поддерживая завышенный курс доллара с помощью ростовщических учетных ставок.

Развивающиеся страны, стремясь разорвать тиски неокOLONиализма, упорно ставят вопрос об установлении нового, более справедливого международного экономического порядка, пытаются если не ликвидировать, то хотя бы смягчить грабительские условия неэквивалентного обмена со странами монополистического капитализма. В этом они находят искреннюю и бескорыстную поддержку со стороны стран социалистического содружества.

Большинство докладов Римскому клубу выдержано в духе неомальтузианской эсхатологии и представляют теоретическое обоснование стремления справиться с нарастающими трудностями на пути укрепления государственно-монополистического капитализма. Предрекая дальнейшее углубление экономического неравенства между «богатыми» и «бедными» странами, пугая дальнейшим демографическим ростом и невиданным голодом, жестокими конфликтами из-за скудеющих запасов органического топлива и другого сырья, авторы алармистских моделей ратуют за ограничение независимости и суверенитета и восхваляют транснациональные монополии, а империалистическую интеграцию выдают за единственный путь спасения человечества. Так, М. Мессаревич и Э. Пестель, авторы второго доклада Римскому клубу, провозглашая «новый политический подход», требуют «ограничения независимости даже для сильнейших и самых крупных наций мира»¹.

Нет необходимости говорить о том, сколь опасны в современных условиях такие рекомендации, подводящие респектабельную «теоретическую» базу под агрессивные устремления империализма, рвущегося к нефтяным и иным источникам. Столь же сомнительны, если не сказать больше, советы алармистов перейти к «нулевому циклу развития», к политике экономического эквилибризма, или равновесия. С одной стороны, такие рекомендации фактически дают псевдотеоретическую санкцию состоянию застоя, стагнации, кризисных явлений, которыми поражена экономика капитализма. С другой стороны, предполагается зафиксировать статус-кво: высокий уровень производства и потребления в развитых капиталистических странах и крайне низкий — в развивающихся.

В последующих докладах Римскому клубу упор делается на морально-религиозную и абстрактно-гуманистическую проблематику. Авторы докладов и сами члены клуба все

---

¹ *Mesarovic M., Pestel E. Mankind at the Turning Point. New York, 1974, p. 119.*

больше претендуют на роль пророков, учителей и спасителей человечества.

Причины, порождающие социальный пессимизм у идеологов буржуазии, вполне понятны, но рецепты спасения человечества, предлагаемые ими, явно утопичны.

Многие сторонники экологического пессимизма пытаются на новый лад возродить теорию конвергенции и деидеологизации. Если в недалеком прошлом мнимая неизбежность сближения, а затем и слияния двух противоположных систем мотивировалась особенностями научно-технического прогресса, то теперь чаще прибегают к аргументам от экологии. Грозящие человечеству глобальные опасности должны-де породить «единое глобальное сознание», свободное от идеологических споров и классово-партийной «узости». Раздаются призывы к созданию «новой этики посттехнической эры», внеклассовой «экологической» и «биологической» этики и т. п. Заодно, как уже говорилось, объявляется устаревшей концепция государственного суверенитета и национальной безопасности. Суверенитет, говорят буржуазные идеологи,— это пиджак, который стал мал и превратился в «смирительную рубашку» для человечества. Борьба двух систем стала «анахронизмом современности», разворачивается «глобальный процесс конвергенции», предполагающий «отказ от приоритета национальной безопасности».

Апология государственно-монополистического капитализма, поход против национального суверенитета, призыв к «обобществлению» сырьевых ресурсов, принадлежащих суверенным развивающимся странам,— все это свидетельствует о проимпериалистической направленности концепции экологического, демографического и иного буржуазного пессимизма.

Экологический пессимизм подвергается критике как справа, так и слева. Особенно примечательна критика, которая раздается с крайне правого фланга. Так, идеологи и политики, отражающие интересы военно-промышленных комплексов, резко критикуют антииндустриалистские, антисциентистские

настроения, концепцию «нулевого роста», призывы «вернуться назад» и прочие проявления реверсионизма и «рётромоды».

«Нулевой рост, застой и регресс — все это рецепты, сулящие гибель. Поэтому нельзя допускать, чтобы проповедники отказа от будущего добились своего», — пишет известный политический деятель ФРГ Ф. И. Штраус. Он полагает, что «противостоять такому поистине апокалипсическому «броску назад», способному привести лишь к нищете и бедствиям, можно с помощью политики, которая говорит «да» технике, которая предоставляет свободу силам, обеспечивающим рост экономики, и поддерживает этот рост. И особое значение среди этих сил принадлежит такому «сырью», как человеческий разум. Мы должны убедить молодых людей, что естественные науки и техника не являются врагами нашего естественного окружения и гуманного, достойного человека общества»¹. В условиях современного общества и соревнования нельзя делать шаг в направлении к каменному веку — подчеркивает Штраус.

Решительно выступал с критикой Римского клуба и других алармистских концепций известный американский антикоммунист Герман Кан. Развернутое изложение его точки зрения дается, например, в книге «Следующие двести лет. Сценарий для Америки и всего мира», приуроченной к 200-летию США.

Кан и его соавторы в указанной выше работе стремятся восстановить в правах «концепции прогресса» в противовес теориям «пределов роста», которые, как они полагают, процветают сейчас и еще будут процветать довольно долго. По их словам, данные теории «опасны»: негативный, пессимистический прогноз дезориентирует людей и способен сыграть «роковую роль». «На практике именно теория «пределов роста» подрывает моральный дух, лишает уверенности, повсюду подрывает законность правительства, снижает готов-

---

¹ Strauss F. J. Gebot der Freiheit. München, 1980, S. 192.

ность отдельных людей и организаций участвовать в созидательной деятельности, поощряет противодействие разумной политике и лишает надежд»¹. А лишённые надежд люди способны впасть в отчаяние, утратить энергию и цель, в то время как «безответственные и энергичные деятели», воспользовавшись этим, могут захватить власть. Понятно, что перспектива социальных переворотов и потрясений деятелям типа Кана кажется куда более страшной, чем возможное истощение природных ресурсов Земли и загрязнение среды обитания.

В своей последней работе «Грядущий бум» ныне покойный Г. Кан вновь предрекает «всеобъемлющее благоденствие» в «условиях постиндустриального общества», которое он также именуется «государством управляющих». Не прибавляя каких-либо новых аргументов к прежним работам, эта книга маститого американского футуролога отличается особо воинственным пылом. Г. Кан и раньше не стеснялся открыто пропагандировать ядерную войну как орудие великодержавной политики США. В обстановке военного психоза 80-х годов Кан, как говорится, закусил удила. Призывая к достижению военного превосходства над СССР, он ратует за силовое давление и способность к шантажу². Единственно разумная мысль этой работы состоит в том, что все же не глобальный ядерный конфликт, а сфера экономики является главной ареной исторического спора двух противоположных систем.

В целом критика концепций «нулевого роста» и экологического пессимизма ведется Каном справа, с позиций более последовательной защиты интересов государственно-монополистического капитала. Поэтому источники и природа «оптимизма», выражаемого Каном и его единомышленниками, вызывают серьезные сомнения.

Кан и его единомышленники слишком легко, если не сказать легкомысленно, относятся к экологической проблеме.

¹ Kahn H., Brown W., Martel L. The next 200 Years. New York, 1976, p. 205.

² Kahn H. The Coming Boom. London, 1983, p. 164.

Как окружающая среда, так и большинство экологических систем, писал он, безусловно, являются достаточно устойчивыми и в высшей степени обладают способностью к самоконтролю и самоисцелению, иначе ничего в мире не дожило бы до нашего времени.

Увы, надеяться на самоисцеление и самоконтроль со стороны природы сейчас человечество уже не имеет права. Нельзя также не отметить, что «оптимизм» Кана полон противоречий. С одной стороны, он критикует теорию «нулевого роста», с другой — не ожидает «бесконечного экономического роста». Его уровень, достигнув крайнего предела, станет, как он полагает, более низким или даже нулевым. Следовательно, соглашается с тем, что он вначале критиковал. Видимо, трудно быть оптимистом, оставаясь апологетом капитализма.

Но поскольку социальный заказ на проимпериалистический «оптимизм» существует постоянно, то нет недостатка и в такого рода оптимистах.

Современный этап развития научно-технической революции, связанный с широким внедрением микроэлектронной и информационной техники, с роботизацией производства и компьютеризацией сферы услуг, вдохнул новые силы в увядший, казалось бы, на корню технологический оптимизм. По мнению Ю. Никуличева, все это знаменует «смену настроений в буржуазном обществоведении, которую можно охарактеризовать как переход от «социального пессимизма» 70-х годов к новому изданию «технологического оптимизма»¹.

Тот, кто еще вчера был технофобом-пессимистом, ныне превратился в энтузиаста «информационной революции», призванной-де разрешить раз и навсегда все трудности и противоречия нашего сложного времени. Как заявляют адепты «информационной революции», лозунг борьбы с капитализмом уже снят с повестки дня. «Информатизация» обще-

---

¹ Никуличев Ю. Тупики «информационного общества». — Мировая экономика и международные отношения, 1984, № 4, с. 106.

ства призвана якобы заменить собой социальную революцию.

Автор цитированной статьи правильно отмечает утопический характер подобного рода упований, их несоответствие объективным тенденциям развития современного капитализма. Но, на наш взгляд, преждевременно говорить о том, что социальный пессимизм в буржуазном сознании уже вытеснен новым вариантом технологического оптимизма.

Ю. Никуличев, в частности, полагает, что «оптимизмом проникнута... последняя книга американского футуролога С. Тоффлера, автора «Футуршока» и «Экоспазма» — работ, получивших на Западе широкую известность как прогнозы-предостережения человечеству об опасных последствиях неконтрольного развития науки и техники»¹. Нам кажется, что нельзя считать новую работу О. Тоффлера вполне оптимистической.

Если прежде Тоффлер был наиболее видным представителем оптимистического варианта «технологического детерминизма», а в середине 70-х годов впал в явную панику, то его взгляды в 80-х годах можно назвать полуоптимизмом или полупессимизмом. Оптимистический вариант «технологического детерминизма» однозначно определял научно-технический прогресс как позитивный фактор общественного развития, пессимистический вариант — как негативный фактор. Ныне Тоффлер пытается сочетать и то и другое. У него научно-технический прогресс выступает сразу в двух ипостасях — и как добрый волшебник, вводящий человечество в золотой век изобилия и благополучия, и как злой демон, способный уничтожить цивилизацию.

Тоффлер пишет, что наступает третья промышленная революция (третья инвазионная волна), создающая новую инфосферу². Движущей силой этой новой «волны» являются микрокомпьютеры и микропроцессоры, отличающиеся

¹ Никуличев Ю. Тупики «информационного общества». — Мировая экономика и международные отношения, 1984, № 4, с. 107.

² Toffler A. Die Zukunftschance. München, 1980.

от ЭВМ первых поколений не только миниатюрными размерами, но также дешевой и значительно большими возможностями. Сфера их применения заметно расширяется. Ими насыщаются различные виды производства, а также сфера обслуживания и административная деятельность, домашний быт.

К каким социальным последствиям приведет, по мнению Тоффлера, эта «третья волна»? Прежде всего к исчезновению рабочего класса. Чем дальше мы удаляемся от «индустриального массового общества», тем более несостоятельным, по словам Тоффлера, становятся марксистские постулаты, поскольку в развивающейся цивилизации «третьей волны» как классы, так и массы утрачивают свое значение. Вместо общества с четким делением на классы, в котором несколько крупных блоков заключают союзы, образующие большинство, возникнет общество, в котором тысячи меньшинств формируют совершенно новые хрупкие структуры.

Тоффлер повторяет старый и давно опровергнутый миф о том, будто наука и техника в своем бурном развитии способна «растворить» капитализм и присущую ему антагонистическую социально-классовую структуру, превратив его в «индустриальное», а затем и «постиндустриальное» общество.

Тоффлер уверяет, что основной политический конфликт в наши дни разыгрывается не между богатыми и бедными, не между господствующими и подавляемыми этническими группами, даже не между «капиталистами и коммунистами», а между теми, кто поддерживает и хочет сохранить «индустриальное общество», и теми, кто готов преодолеть его. Но, говорит Тоффлер, традиционные конфликты между классами, расами и идеологиями будут иметь место и в будущем. Они могут даже обостриться в результате тяжелых экономических кризисов.

Важнейшее политическое явление нашего времени заключается, по его словам, в образовании двух политических лагерей, один из которых обязан своим существованием

«второй волне», а другой — «третьей». В то время как одни упорно стараются сохранить основные институты индустриального массового общества — традиционную семью, традиционную образовательную систему, огромные концерны, массовые профсоюзы, централизованное национальное государство и политику псевдопредставительных правительственных систем, другие осознают, что проблемы нашего времени — военная опасность, нищета, экологические и энергетические проблемы, разрыв семейных связей — уже не могут быть решены в рамках индустриальных цивилизаций.

Итак, Тоффлер стремится изобразить себя идейным вдохновителем новаторов (приверженцев «третьей волны»), борющихся против замшелых консерваторов и традиционалистов, которые цепляются за устаревшие социальные структуры. Конфликт между «новаторами» и «консерваторами» является, по его мнению, основным конфликтом современности, главным противоречием нашей эпохи.

Но кто же составляет «стан» «новаторов»? Тоффлер признает, что трудно охарактеризовать защитников «третьей волны». Некоторые из них занимают ведущие позиции в концернах, другие активно выступают за охрану окружающей среды, третьи больше занимаются проблемами семьи и личной эмансипации и т. п. Все они, как уверяет автор, составляют движущую силу новой промышленной революции, ее боевые когорты. «Суперборьба» между силами «второй» и «третьей» волны проходит через все классы и партии, возрастные и национальные группы, утверждает Тоффлер. Она преобразует нашу политическую жизнь и утверждает новые связи. Она создает не гармоническое, бесклассовое, свободное от конфликтов и идеологий общество, а скорее позволяет сделать вывод о том, что уже в ближайшем будущем вспыхнут новые кризисы и обострится социальная напряженность. Тоффлер противоречит сам себе: ведь только что он уверял, что различия между классами стираются.

Вообще же «третья волна» не принесет всеобщего благополучия и спокойной жизни. Миллионы детей вырастут в

семье с одним родителем, с работающими матерями (или отцами), которые будут испытывать материальные затруднения из-за непредсказуемых изменений в экономике. Их будет окружать меньше роскоши, и у них будет меньше времени, чем у поколения 60-х годов, заявляет Тоффлер.

Можно подумать, что в 60-е годы трудящиеся развитых капиталистических стран жили в роскоши! Однако 80-е и последующие годы будут более суровыми для них — предсказывает Тоффлер, хотя и без его предсказаний это ясно для все более широких трудящихся масс стран развитого капитализма, не говоря уже о странах развивающихся.

Выступая против «бюрократии», Тоффлер призывает к созданию прямой «компьютерной» демократии. Современные компьютеры, спутники, телефоны, системы кабельного телевидения создают якобы возможность гражданам впервые в истории непосредственно участвовать в разработке политических решений, не выходя, так сказать, из дома.

За словесной шелухой относительно «прямой демократии» проглядывает нечто реальное: защитники «третьей волны» выступают за транснационализм, т. е. против государственного суверенитета и за свободу действий транснациональных монополий. Здесь Тоффлер обнаруживает сущность своих взглядов. Как убежденный защитник и апологет транснациональных монополий, он называет их тем звеном, ухватившись за которое будто бы можно вытащить всю цепь, т. е. спасти капиталистическое общество.

Несмотря на то что в последние годы достаточно громко заявляет о себе буржуазный «оптимизм» и активизируется ультрареакционный антикоммунизм, социальный пессимизм по-прежнему составляет основной фон всего буржуазного мирозерцания и мироощущения. Это особенно проявляется в подходе буржуазных идеологов и политиков к глобальным проблемам и прогнозированию будущего. Нельзя не видеть и того, что антикоммунизмом пропитаны как «оптимистические», так и пессимистические теории и взгляды.

Антикоммунизм пытается таким способом решить проблемы будущего, что само будущее человечества становится проблематичным. Но это лишь идеологическое отражение того факта, что ныне империализм представляет реальную угрозу для существования цивилизации на нашей планете.

* * *

Подлинные причины возникновения глобальных проблем коренятся в системе капитализма, переживающей невиданное обострение общего кризиса. Наиболее дальновидные и думающие представители буржуазии страшатся грозных последствий и этого кризиса, и структурных кризисов, связанных с существованием глобальных проблем.

Но крайне реакционная, склонная к авантюризму часть монополистической буржуазии уповает на силовые приемы при решении любых проблем, рассуждая по принципу: «После нас хоть потоп».

Реалистическую программу решения глобальных проблем предлагают Советский Союз, страны социалистического содружества.

В отказе от гонки вооружений — ключ к решению всех неотложных, общечеловеческих проблем современности. И хотя социалистическая часть человечества показывает хороший пример того, как можно и нужно решать эти проблемы, решить их за все человечество она в одиночку, естественно, не может. Необходимы широкое сотрудничество всех стран и народов, их коллективные усилия, причем обязательно в условиях мирного сосуществования и сотрудничества государств с различным общественно-политическим строем. И это особенно важно. Сохранение и упрочение мира, предотвращение термоядерной катастрофы — первейшая и важнейшая из числа глобальных проблем и в то же время непремьяная предпосылка и условие успешного решения всех остальных неотложных общечеловеческих проблем современности.

По мнению советских ученых, в последней трети нынешнего столетия особое значение для судеб человечества при-

обрели следующие проблемы: необходимость предотвращения термоядерной войны и обеспечение прочного мира; создание условий для ликвидации отсталости развивающихся стран и устранение вопиющих социальных несправедливостей — голода, бедности, нищеты; обеспечение сбалансированного развития между демографическим ростом и динамикой производительных сил; надежное обеспечение населения Земли энергосырьевыми и продовольственными ресурсами, становящимися дефицитными; комплексное и рациональное использование ресурсов Мирового океана и освоение космического пространства; необходимость эффективной охраны природной среды¹.

Комплексным выражением всей системы глобальных проблем некоторые авторы называют проблему человека, его прогрессивного развития и достойного будущего².

Современная марксистская мысль теоретически, а реальный социализм на практике показывают всему человечеству путь рационального подхода к решению неотложных общечеловеческих проблем.

---

¹ См.: Глобальные проблемы современности. М., 1981, с. 12.

² См. там же, с. 32.

ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНОГО РЕВАНША

1.

«ФЕНОМЕН» НЕОКОНСЕРВАТИЗМА

Идеологическим выражением поправления буржуазии является так называемый феномен неоконсерватизма, или «новая правая волна», захватившая с начала 80-х годов весь капиталистический Запад. Неоконсерваторы быстро заняли доминирующие позиции на идеологической арене буржуазного общества. Сразу же надо подчеркнуть, что неоконсерватизм — это не какая-то оторванная от жизни академическая школа политологии или философии и не просто одно из многих буржуазных идеологических течений, а определенная система идей, при помощи которой их авторы пытаются теоретически обосновать современную стратегию наиболее реакционных отрядов мирового империализма.

В западной литературе идет оживленное обсуждение вопроса о том, что следует понимать под этой волной, кого можно считать новыми правыми (или неоконсерваторами), чем они отличаются от старых правых, от правых радикалов или ультраправых и т. п. Установление строгих демаркационных линий между политическими и идейными течениями — дело, разумеется, весьма сложное. Трудности усугубляются терминологическими особенностями, присущими политическим традициям различных стран.

Дело в том, что понятия «консерватор», «либерал» и т. д. трактуются в различных странах не всегда однозначно. Неоднозначны политическая лексика, характер лозунгов, пропагандистские приемы и т. п.

Тем не менее «новая правая волна» — явление интернациональное. И возникла она не вдруг и не случайно. Есть у нее поэтому общее и достаточно определенное содержание.

Важно отметить и тот факт, что мы имеем дело с относительно новым течением, которое, хотя и использует старые, а иной раз и очень старые идейки и лозунги, все же заявило о себе во весь голос с конца 70 — начала 80-х годов.

Как это часто бывает с терминами, используемыми буржуазными политиками и идеологами, их этимологическое значение не выражает, а затемняет истинное идейно-политическое содержание соответствующего ему понятия. От термина «консерватизм» веет духом солидности, респектабельности, уважения к традициям, устоям. Частица «нео» придает ему оттенок современности. Но этот терминологический камуфляж лишь маскирует ультрареакционный, агрессивнo-антикоммунистический характер идеологии и политики неоконсерватизма, черты ярко выраженного контрреволюционного активизма и авантюризма. В отличие от сторонников технологического детерминизма, которые с некоторой дозой фатализма уповали в 50—60-х годах на автоматический ход научно-технического прогресса, долженствующий, согласно их ожиданиям, осуществить конвергенцию двух систем, а фактически поглощение социализма капитализмом, эти люди не хотят ждать, да и не верят, что в результате стихийного хода событий наконец-то где-то к 2000 г. появится буржуазный Советский Союз.

В неоконсерватизме находит свое наиболее адекватное выражение реакционная сущность империализма, его враждебность делу мира и социального прогресса. Неоконсерватизм открыто ставит под сомнение возможность мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим строем, характеризует разрядку как политику

«умиротворения агрессора» и «идеологическое самоубийство Запада».

В целом же неоконсерватизм с полным правом можно назвать философией классового реванша, судорожной попыткой повернуть колесо истории вспять, развернуть «крестовый поход» против реального социализма, национально-освободительного движения, всех прогрессивных, антиимпериалистических течений, какие только существуют на планете.

Реванш империалисты пытаются взять и на внутреннем фронте, т. е. у себя дома. Это выражается в отходе от политики социального реформизма, в стремлении отобрать социальные уступки, вырванные трудящимися в упорной классовой борьбе, разгромить профсоюзы и в целом рабочее движение, словом, навести порядок, угодный ультраправым кругам монополистической буржуазии.

Изучение и марксистская критика неоконсерватизма требуют комплексного подхода, ибо мы сталкиваемся с определенной системой взглядов, включающей философские, социально-экономические, политические идеи, которые вдохновляют организаторов психологической войны против социализма, оказывают тлетворное воздействие на «массовую культуру» буржуазного общества. Конечно, это система антинаучных и реакционных идей, или, как говорил Салтыков-Щедрин, «систематический бред», но это не освобождает нас от обязанности весьма серьезно относиться к данному идейному течению, поскольку оно взято на вооружение правящими кругами ведущих капиталистических государств.

Разработка теории неоконсерватизма и близких ему по духу концепций ведется не одиночками, а многочисленными антикоммунистическими «фабриками мысли»: всякого рода институтами, центрами, фондами, университетами и т. п. Неоконсерватизм получает значительную пропагандистскую поддержку, его всюду рекламируют буржуазные средства массовой информации. Да и сами неоконсерваторы обладают своими печатными органами и изданиями, в том числе имеющими массовую аудиторию.

Немаловажен вопрос о «кадровом составе» неоконсерватизма. Под его знаменами наряду с весьма разношерстной публикой выступает ряд буржуазных обществоведов с мировой известностью, немало крупных журналистов, видных политических деятелей¹.

Излагая свои взгляды, неоконсерваторы прибегают к нарочито туманным способам изложения, ссылаясь при этом на теоретические трудности, на незавершенность своей системы. Немалые сложности возникают уже при ответе на вопрос, что такое неоконсерватизм, т. е. при определении данного понятия.

Вот некоторые определения, которые предлагают сторонники неоконсерватизма: «реакция на угрозу революции, которая покушается на основы общества и его институты», «теоретическое обоснование против определенных изменений». Далее идут лозунги-обещания: «порядок и спокойствие», «общественная стабильность», «достойная жизнь», «защита ценностей западной цивилизации», «свобода вместо социализма» и даже «гуманность и человечность». «Все говорит о том, что сами человечность, гуманность и созидательные способности, понимаемые с позиций современной (на уровне конца XX в.) науки, стремятся к новому, просвещенному консерватизму... Человечество, которое окончательно отвергло бы консервативный элемент, не только бы оказалось жертвой утопической лжи о жизни, но в конечном счете

---

¹ В США во главе неоконсерваторов стоят И. Кристол, социологи Д. Белл, Э. Шилс, С. Липсет, С. Хантингтон, Р. Низбет, Н. Глейзер, к ним близки экономисты М. Фридман, Дж. Гилдер, профессиональные советологи Р. Пайпс и др. В ФРГ на поприще неоконсерватизма выделяются философы Г. К. Кальтенбруннер и ныне покойный А. Гелен, социолог Г. Шельский. Близки к позициям неоконсерватизма многие политические деятели правого толка, в частности Ф. И. Штраус. В Австрии неоконсерватизм защищает бывший министр просвещения Г. Дриммель. Во Франции близкую к неоконсерватизму группировку «новых правых» возглавляют философ А. де Бенуа, бывший министр и соратник Жискара Д'Эстэна М. Понятовский, директор издания «Фигаро-магазин» Л. Повель, генерал П. Галлуа и др.

неизбежно вернулось бы к варварству»¹, — глаголет, обращаясь ко всему человечеству, Кальтенбруннер.

Было бы величайшей наивностью принимать на веру все эти заявления. Современные консерваторы — это не просто консерваторы и реакционеры, желающие сохранить статус-кво в социально-политической и экономической областях. Напротив, они мечтают его нарушить, обратить течение истории вспять даже ценой термоядерного всеожжения цивилизации. Такова истинная цена их человечности.

Дж. Шелл в книге «Судьба земли», которую называют библией современных американских сторонников разоружения, пишет, что сочетание консерватизма и милитаризма в наши дни чрезвычайно опасно. Если какая-либо страна питает иллюзию, что война возможна даже с применением ядерного оружия и что с его помощью может быть достигнута победа, она рискует в результате ошибки навлечь катастрофу на себя и на весь мир. «Осторожные и реалистически мыслящие консерваторы, напротив, увидели бы, что ядерное оружие угрожает всему, что можно пожелать сохранить, и признали бы в нем угрозу не только «старым ценностям», но и всем ценностям вообще. И вместо мечтаний об исчезнувших войнах прошлых времен они выступили бы в первых рядах движения за разоружение»². Замечание верное по существу. Действительно, нельзя называть консерваторами, т. е. людьми, стремящимися сохранить существующий уклад жизни, авантюристов, мечтающих о победе в ядерной войне и рискующих уничтожить не только цивилизацию, но и все живое на планете.

2.

КУДА ТЕЧЕТ «НОВАЯ ПРАВая ВОЛНА»

Ответить на вопрос, что такое «новая правая волна» — это, в сущности, ответить на вопрос: кому она выгодна, г. е.

¹ *Kaltenbrunner G.-K. Der schwierige Konservatismus. Berlin, 1975, S. 35, 37.*

² *Schell J. The Fate of the Earth. New York, 1982, p. 161.*

чьим интересам служит данное идейно-политическое течение?

Как идейное течение неоконсерватизм имеет свои классовые корни: он выражает и обосновывает интересы наиболее реакционной, связанной главным образом с военным производством части монополистической буржуазии. Но неоконсерватизм ищет и находит массовую социальную базу в так называемом «среднем классе», в средних слоях и даже в части рабочего класса буржуазного общества. Используется при этом и разочарование широких слоев населения политикой социального реформизма, которая практически обанкротилась в условиях затяжного кризиса, используются и антиэтатистские настроения мелкой буржуазии, недовольной бюрократической государственной регламентацией хозяйственной деятельности, высокими налогами и т. п.

Наконец, используются националистические, шовинистические, расистские предрассудки, национальная рознь и вражда — старый и гнусный прием всех эксплуататорских классов. Внешнеполитические авантюры также служат средством нагнетания лжепатриотического угара. Наряду с этим широко применяются всякого рода посулы, щедро даются заведомо неисполнимые обещания, вводятся инъекции казенного оптимизма, рекламируется порядок, устойчивость, стабильность, по которым так истосковался обыватель в современном беспокойном мире. В обстановке всеобщего пессимизма и разочарования выдвигается хоть какая-то успокоительная программа, дается пусть ложный, но лозунг борьбы.

Неоконсерватизм, следовательно, паразитирует на некоторых особенностях социальной психологии широких слоев населения, порождаемых антагонистически-противоречивым характером развития современного капитализма.

В неоконсерватизме рельефно выявились некоторые общие тенденции развития буржуазной идеологии последней четверти нашего столетия. Главная тенденция заключается в дальнейшем углублении кризиса буржуазного сознания как духовного выражения общего кризиса капитализма. Сужа-

ется база социального маневрирования, и буржуазия вынуждена переходить к грубым силовым приемам как на внутреннем, так и на внешнем фронтах.

Соответственно примитивизируются и применяемые ею идеологические средства. Тон все больше задают откровенно реакционные, пропитанные зоологическим антикоммунизмом концепции и взгляды, что свидетельствует об ослаблении позиций буржуазии.

Социально-философская концепция неоконсерватизма и аналогичные ей концепции отличаются карикатурным видением мира, явным утопизмом, опасным отрывом от реальности. Долговечна ли она? Как известно, эффективность воздействия, функциональность буржуазных идеологических продуктов зависит не от их гносеологических или логических достоинств. Заведомо лживая, прямо-таки абсурдная идея имеет все шансы на долгую жизнь, если она выгодна буржуазии, которая владеет всеми рычагами идеологического и психологического манипулирования массами.

Подлинное значение и роль неоконсерватизма можно понять лишь в общем контексте попыток идейного перевооружения империалистической буржуазии, начавшегося в середине 70-х годов.

Неоконсерватизм по праву можно считать едва ли не единственным заметным продуктом реидеологизации.

В отличие от прежних форм консерватизма, которые, как правило, уходили от четкого обозначения идеологических позиций, «новые» консерваторы подчеркивают свою идеологическую определенность, стремятся соединить теорию с практикой, осуществляют сугубо идеологический подход к политике.

Глава американских неоконсерваторов П. Кристол сетует на то, что «в великой неисправности находится этос капитализма» и что последнему не хватает больше всего «вдохновляющих идей»¹.

¹ Kristol J. The Adversary Culture of Intellectuals. Encounter. London, 1979, vol. 53, N 4, p. 14.

Реидеологизация выражается в попытках реабилитировать капитализм. Перешедший в стан неоконсерваторов бывший либерал Д. Белл, забыв, очевидно, о том, что он когда-то писал об исчезновении капитализма, вновь говорит об американском капитализме и о его противоречиях, последние, правда, он находит преимущественно в сфере культуры. Белл обеспокоен тем, что «главным культурным фактом истории XX в.» является решительное неприятие основ капиталистической системы у всей «интеллектуальной элиты». «Едва ли найдется хотя бы одна внушительная интеллектуальная фигура, которая защищала бы трезвые, негероические, рассудочные интересы буржуазного мира (не говоря уже о приобретательстве, предпринимательстве или делании денег)»¹.

В ходе реидеологизации неоконсерваторы прибегают к самой примитивной апологии капитализма, а заодно ругают «либералов-интеллектуалов», которые осмеливаются находить у капитализма какие-то недостатки.

Известный американский советолог, профессор Сиракузского университета М. Новак развертывает целую концепцию «демократического капитализма». Подобно Беллу, он сетует на то, что капитализм будто бы почти не имеет открытых защитников, а ведь это «система в высшей степени плодотворная на практике». «Нет ни единой книги, — пишет Новак, — которую бы без смущения можно было предложить любопытствующему со словами: «Вот наши нравственные, политические и экономические идеалы...» Нет электризующего текста, который можно было бы послать на фронт той всемирной идеологической войны, в которую мы втянуты»². Эмпиризм и прагматизм хотя и являются «немеркнущими достоинствами демократического капитализма», мешают, по мнению Новака, создать законченную теорию, обосновываю-

¹ *Bell D.* The new Class: A Muddled Concept.— Essays 1960—1980. London, p. 149.

² *Nowak M.* The American vision: An Essay on the Future of democratic Capitalism. Washington, 1979, p. 1.

щую достоинства капиталистической системы. «У нас нет ни своего «капиталистического манифеста», ни твердой веры в предназначение либеральной цивилизации». И здесь противники капитализма, говорит он, оказываются в выигрышном положении¹.

Тоска по «вдохновляющей теории» прокапиталистического толка уже давно проявляется у многих буржуазных идеологов.

Примерно те же аргументы в пользу реидеологизации выдвигают европейские неоконсерваторы. Так, Кальтенбруннер в своих «десяти заповедях для консерваторов» заявляет, что и теперь и в будущем неоконсерваторам понадобится обоснованная теория. Она является обязательным условием реального возрождения консерватизма в общественно-политической жизни. «Нам необходим образованный, философствующий, не боящийся интеллектуальной работы консерватор. Он должен формулировать свою позицию с такой же теоретической остротой, как и его противник»². Послушаем еще Кальтенбруннера: «Новый поворот к мистике», происходящий в западном обществе, вселяет надежду как на «отказ от тупоумного материализма... так и на освобождение от лозунгов шарманщиков прогресса»³.

Язык, конечно, больше подходит для фельдфебеля старой прусской казармы, но мысль понятна. Подобно Скалозубу из комедии Грибоедова, Кальтенбруннер и иже с ним готовы всему человечеству «фельдфебеля в Волтеры» дать, а если кто и пикнет, то они их «мигом успокоят». Совсем не случайно их стремление к «лишенной иллюзий политической воле, которая покончит с фрагментацией всего общества и с унижающим шантажом изнутри и извне».

---

¹ Nowak M. The American vision: An Essay on the Future of democratic Capitalism. Washington, 1979, p. 13—14.

² Kaltenbrunner G.-K. Der schwierige Konservatismus, S. 159.

³ Kaltenbrunner G.-K. Ein anderes Gericht in uns.— Welt, Bonn, 1976, 24 Dezember, S. 15.

Это недвусмысленная угроза в адрес всех противников и обещание установить казарменную дисциплину в обществе.

Неоконсерваторы яростно воюют не только против материализма. Они выступают также против рационализма и вообще логичности мышления, восхваляют так называемое «природное мышление», «инстинктивное знание». С научных позиций якобы невозможно понять и оценить сущность «консервативного мышления», его надо постигать «нутром», стихийным эмоциональным озарением, сверхчувственной интуицией. Воинствующий антиинтеллектуализм, презрение к разуму и логике — черта, характерная для всего буржуазного мировоззрения в условиях общего кризиса капитализма, и никаких Америк философствующие неоконсерваторы здесь не открыли. Претензия на трансцендентальную глубину высказываемых идеологами неоконсерватизма взглядов совершенно несостоятельна. Понять и оценить эти весьма поверхностные и примитивные взгляды вовсе не трудно.

Те из неоконсерваторов, которые высказываются по философским вопросам, тяготеют, как правило, к реакционным иррационалистическим течениям — философии жизни, философской антропологии идеалистического толка, к мистицизму. По словам Е. Клетта, трудно представить консерватора, который бы не признавал «трансцендентального или, проще говоря, не верил бы в нечто, лежащее за пределами человеческого бытия...»¹. Но что же лежит за пределами человеческого бытия? Объективный дух, божественное начало или что-либо в том же роде.

Неоконсерватизм взял также на вооружение разновидности социального биологизаторства, вплоть до социального дарвинизма, евгеники и откровенного расизма. «Исходным моментом консервативной теории является реалистическая антропология»², — заявляет Кальтенбруннер, ссылаясь при этом на теорию известного австрийского этолога К. Лоренца,

¹ Klett E. Konservativ. Ein Vortrag.— Merkur, 1971, N 9, S. 843.

² Kaltenbrunner G.-K. Der schwierige Konservatismus, S. 95.

объясняющего поведение человека преимущественно генетическими факторами, главными среди которых называются эгоизм, агрессивность, жестокость. Эти качества человек унаследовал якобы у своих животных предков и даже превзошел их по степени жестокости. Конфликт между природной жестокостью и социальными нормами, утверждает Лоренц, является неразрешимым, он не зависит от общественно-исторических условий. Человек поэтому всегда враждебен обществу.

Тезис о вековечном конфликте между природно-биологическим и социальным началами в человеке выдвинут задолго до Лоренца, его можно найти, например, в учении З. Фрейда и даже еще раньше. Ложность указанного тезиса обнаруживается многочисленными научными данными. Механическое перенесение некоторых особенностей биологической формы движения материи на социальную форму представляет несостоятельный в методологическом отношении, грубо метафизический прием, который в конечном счете помогает буржуазным идеологам снять всякую ответственность с империализма, порождающего войны, агрессию, насилие, обвинив во всем «человеческую природу».

Человек есть, конечно, живое, биологическое, природное существо, но сущностью его является совокупность всех общественных отношений, поэтому его надо рассматривать не с абстрактно-биологических, а с конкретно-исторических позиций.

Эгоизм, агрессивность, жестокость и тому подобные качества вовсе не являются константами якобы неизменной природы человека. Нет, они порождены тысячелетиями классового господства и угнетения человека человеком.

«Практическая философия» неоконсерваторов включает в себя такие категории, как: «народ», «почва», «отечество», «честь», «верность», «долг» и т. п., которые наполнены соответствующим содержанием. Так, в документах XV коллоквиума «Группы по изучению европейской цивилизации», выражающей взгляды французских «новых правых», понятие «народ» трактуется как «сообщество наследников специфиче-

ской части истории человечества, которое на базе осознания принадлежности к некоему единству развивает волю к продолжению этой истории, созданию для себя общей судьбы»¹. Народ истолковывается как некая сверхъестественная и сверхсоциальная общность, не совпадающая с какой-либо конкретной нацией, классом. У этой мистической общности особая система ценностей, собственный стиль жизни, свои верования.

Опираясь на наиболее реакционные философские учения, неоконсерваторы ожесточенно нападают на марксизм, видят в нем врага номер один. Как уверяет один из лидеров французских «новых правых», влияние марксистской идеологии является одной из главных причин духовного кризиса и умственной деградации Запада. Уязвимость, комплекс неполноценности западноевропейцев порождены, оказывается, тем, что марксизм, хотя бы и в умеренных дозах укоренившись в их сознании, породил «чувство беспомощности и вины»².

Свою задачу теоретики неоконсерватизма видят в «разоблачении марксизма», в «искоренении» его из сознания людей Запада, для чего следует вернуть их к истокам истинной культуры, к жизненной системе ценностей.

3.

К ВОПРОСУ О РОДОСЛОВНОЙ

Говоря об этих истоках этой «культуры», отметим попытки философствующих неоконсерваторов навести лоск на свои взгляды за счет именитых предков, которые якобы состоят с ними в духовном родстве, опереться на солидную философскую традицию.

Происходит своего рода тотальная мобилизация мыслителей прошлого, в ходе которой многие совершенно незакон-

---

¹ La Cause des Peuples. Actes du XV colloque national du GRECE. Paris, 1982, p. 56.

² Vital P. Pour une renaissance culturelle. Le GRECE prend la parole. Paris, 1979, p. 33.

но попадают в когорту идейных предшественников современного консерватизма. По ведомству консерватизма они пытаются зачислить многих мыслителей прошлого, начиная с Гераклита и Аристотеля. По словам Кальтенбруннера, консерватизм нельзя трактовать в духе прошлого века только как аристократически-монархическую и клерикальную реакцию на французскую революцию. Существует и более широкое толкование этого понятия. Консерватизм характерен для любой эпохи, так как существует «мировая линия консерватизма» от Гераклита до Лейбница и Гёте, которой противостоит другая «мировая линия», представленная Декартом, Руссо, Марксом, Лениным. Но Кальтенбруннер ищет и более точный адрес в истории всемирной философии и культуры, указывая на Кьеркегора, Новалиса, Токвиля, Парето, Ницше, Шпенглера, а также на Франца фон Баадера, Адама Мюллера и ряд других менее известных имен. Он называет их всех «консервативными пророками»¹.

Кроме того, своими предшественниками неоконсерваторы считают О. Конта, Дж. Бернхэма, а также Ф. М. Достоевского и некоторых реакционных русских мыслителей (Каткова, Леонтьева, Победоносцева, авторов «Вех»).

Особое внимание уделяется Достоевскому, которого объявляют предтечей неоконсерватизма. Однако попытки причислить Достоевского к лику неоконсерваторов несостоятельны. Вообще же спекуляции современных защитников капитализма на идеях Ф. М. Достоевского имеют ярко выраженный антимарксистский, антикоммунистический характер. Вот один из примеров. Французский политолог Морэн пытается создать «новую политическую теорию», которая указала бы человечеству выход из XX в. в XXI. При этом он утверждает, что «общепланетарное сознание космополитического человечества» будет исходить из идей Достоевского, «который, опередив Маркса на несколько миллионов световых лет, показал историей Раскольникова и Сони путь к

¹ *Kaltenbrunner G.-K. Der schwierige Konservatismus, S. 17.*

новому продуктивному витку в спиральном развитии человечества»¹.

Спекулятивный характер подобных «научных» изысканий очевиден. При всем существенном различии философии К. Маркса и взглядов Ф. М. Достоевского оба исходили из исторической обреченности капитализма. Смешно, в самом деле, искать союзника в деле защиты и спасения капитализма в Ф. М. Достоевском, который с таким гневом и сарказмом относился к буржуазному образу жизни, с необыкновенной художественной силой разоблачал уродства нарождавшегося в России капитализма.

Неоконсерваторы выражают согласие с А. Токвилем и О. Шпенглером о неизбежности «заката Запада», пугают обывателя не только «красной», но также «желтой» и «черной» угрозой, имея в виду быстрый рост населения в странах «третьего мира». В политической философии Алексиса де Токвиля современных консерваторов привлекает его «аристократический либерализм», признание необходимости существования элит в либеральном обществе, критика эгалитаризма и демократии, которую-де надо сдерживать при помощи «свободы», представляющей собой самоценность и «причину самой себя». Такое «оригинальное» понимание свободы, противопоставление ее процессу демократизации вдохновило авторов лозунга «свобода вместо социализма», популярного ныне в рядах консерваторов и ультрареакционеров многих капиталистических стран.

Неоконсерваторы — большие мастера по части идеологической мимикрии. Эти заядлые реакционеры, враги демократии и равенства, готовы использовать любое великое имя, лишь бы ввести в заблуждение неискушенных людей. Чего стоит хотя бы попытка «Группы по изучению европейской цивилизации» назвать свою человеконенавистническую идеологию «правым грамшианством», т. е. примазаться к авторитету Антонио Грамши. Что же может быть общего между

---

¹ *Morin E. Pour sortir du vingtieme siecle. Paris, 1981, p. 368.*

ультрареакционерами и выдающимся пролстарским революционером-марксистом? Ален де Бенуа выстраивает такую шаткую «аналогию»: подобно Грамши, «новые правые» призывают к завоеванию политической гегемонии, чему должна предшествовать идеологическая подготовка. Подобно Грамши, «новые правые» берут на себя «миссию просветительства», но не рабочего класса, а «народного сообщества». На этом все «сходство» и кончается.

В материалах XVI национального коллоквиума «Группы по изучению европейской цивилизации» говорится, что для завоевания «культурной власти над обществом» необходимо использовать опыт масонов. Против этого спорить не приходится. Опыт масонов по части коварных закулисных интриг весьма богат, и не только в прошлом, но и в настоящем, достаточно вспомнить о фашиствующих масонах в Италии, где разоблачение злодеяний тайной ложи «П-2» шокировало даже выдавших виды буржуазных политиков.

В материалах коллоквиума объявляется война «христианско-марксистской гуманистической утопии», а также идеологии либерализма и социал-демократизма. Эти воинственные призывы, одобренные изрядной дозой антикапиталистической фразеологии, весьма напоминают демагогическую национал-социалистическую пропаганду 30-х годов, только пангерманизм и тевтонский национализм расширяются до паневропеизма, до «единой Европы» вплоть до Урала, но «очищенной» от «коммунистического господства».

В том же документе французских «новых правых» выдвигается задача создания «нового мифического измерения», поскольку-де идеи определяют мифы, а мифы правят миром. Носителями мифической идеологии являются интеллектуалы — «бойцы и миссионеры новой культуры». Все это очень напоминает разглагольствования Альфреда Розенберга и других теоретиков «третьего рейха», и совершенно непонятно, причем здесь Грамши¹.

¹ Pour un «Gramscisme de droit». Actes du XVI colloque national du GRECE. Paris, 1982, p. 53.

Анализ понятийного содержания идеологии и политической направленности современного консерватизма порождает вполне определенные сопоставления, вызывая в памяти зловещие тени недалекого исторического прошлого.

Конечно, консервативные и реакционные взгляды существовали во все эпохи человеческой истории, но у современного консерватизма есть более близкие идейные источники, о которых они, как правило, предпочитают умалчивать. Следовало бы вспомнить о так называемом «революционном консерватизме», который, возникнув в 20-х годах в Германии, внес немалый вклад в идейную подготовку национал-социализма. Теоретики «революционного консерватизма» Э. Юнгер, А. Мёллер ван ден Брук и др. называли буржуазную демократию «господством неполноценных» и призывали к установлению «третьего рейха» во главе с элитой новых вождей.

Неоконсерваторы до сих пор отметали обвинения в близости к фашизму, к неофашизму и правому терроризму. Нет консерваторов-фашистов, категорически заявляет Кальтенбруннер. Он утверждает, будто подлинный консерватор ближе к революционеру, чем к фашисту, и даже «соглашается» с Марксом: нужно создать для людей такие материальные условия, чтобы они, освободившись от нужды и забот, имели бы возможность «посвятить себя тем добрым делам и высоким надеждам, без которых жизнь не может считаться достойной и имеющей смысл»¹. Консерватизм-де стремится в бурном потоке жизни сохранить непреходящие ценности западной культуры. Однако все эти заявления противоречат действительности. О духовном наставничестве фашистов, об идейно-теоретической близости между неоконсерваторами и неофашистами можно и нужно говорить полным голосом. Как мы увидим ниже, у прогрессивных деятелей на Западе нет на этот счет никаких сомнений. Достаточно присмотреться к тому, какие же ценности защищают неоконсерваторы, каковы их социальные идеалы.

---

¹ *Kaltenbrunner G.-K. Der schwierige Konservatismus, S. 43.*

4.

ВПЕРЕД... В ПРОШЛОЕ

Социальный прогресс или закономерное движение человечества к более совершенным и гуманным формам общежития страшит неоконсерваторов, как, впрочем, и всех идеологов современного капитализма. Не случайно их взоры обращены к прошлому. Мечта вернуться вспять, ностальгия по давно прошедшим временам, реакционный утопизм — все это составляет характерную черту современной буржуазной идеологии и психологии. Ностальгия по тем временам, когда империализм был доминирующей и всеохватывающей системой, владевшей всем миром, носит у неоконсерваторов прямо-таки маниакальный характер. Их страшат любые социальные изменения, которые могут хоть в какой-то мере создать угрозу капиталистическому строю. Эти изменения они объявляют незаконными, проявившимися в результате «коварных козней коммунистов», действия «международного терроризма» и т. п. Стоит, дескать, занять твердую позицию, дать отпор, прибегнуть к военной силе, и никаких нежелательных изменений в мире происходить не будет. Как уверял А. Гелен, «человечество вступило в период «постистории», где нет места социальным переменам как таковым»¹. Прямо по Салтыкову-Щедрину: «история прекратила течение свое».

Лидер неоконсерваторов США Кристол призывает вернуться к старому «здоровому состоянию» капитализма, для чего следует «повернуть стрелки часов назад»². История, по его словам, изобилует критическими моментами, когда «стрелки часов» намеренно переводились назад. Конечно, история знает зигзаги, попятные движения, контрреволюции, реакционные перевороты. Но, во-первых, социальный прогресс в конечном счете пробивает себе дорогу и, во-вторых, невозможно найти вдохновляющие идеи для оправдания реакции и контрреволюции. Остается одно — насилие.

¹ In: *Konservativ: Chance und Zukunft*. Innsbruck, 1979, B. 1, S. 33.

² *Kristol J. The Adversary Culture of Intellectuals*, p. 14.

Здесь требуется, однако, существенное уточнение. Современные неоконсерваторы против не всяких перемен, а лишь тех, которые угрожают классовым позициям монополистической буржуазии. Но они обеими руками голосуют за технический прогресс, и особенно за прогресс в создании средств массового уничтожения. Именно в этом смысле можно понять Ф. Й. Штрауса, который заявил: «Быть консерватором — значит маршировать во главе прогресса»¹.

Прогресс прогрессом, но ностальгия по прошлому составляет все же лейтмотив всей философии неоконсерватизма. Эту ностальгию неоконсерваторы чаще всего объясняют как естественную реакцию на те перегрузки, которые испытывает человек в стремительно изменяющемся мире, где растет безработица, увеличивается число населения Земли, лавинообразно возрастает поток информации и т. п. «Ностальгия по прошлому выражает стремление к устойчивому миру, который близок нашему сердцу»², — писал Гелен.

Что же это за мир, который «близок сердцу» неоконсерваторов? Пробираясь сквозь частокол недомолвок, туманных намеков, выспренных деклараций и общих мест, мы шаг за шагом обнаруживаем черты их социального идеала, если вообще можно называть «идеалом» столь ретроградные мечтания.

Прежде всего и чаще всего упоминаются времена ничем не ограниченной предпринимательской деятельности, свободной от государственного вмешательства и бюрократической регламентации. Американские неоконсерваторы по причине краткости отечественной истории идеализируют ее период от гражданской до первой мировой войны, где они находят кучу социальных добродетелей: инициативу и смелость в деловой жизни, мудрость и нравственную чистоту в делах семейных и общественных, отсутствие бюрократизма и излишней централизации в функционировании государства, процветание местной и общинной деятельности и т. п.

¹ In: Konservativ: Chance und Zukunft, S. 32.

² Ibid., S. 66.

Даже буржуазных критиков неоконсерватизма коробит эта сусальная картина, ничего общего не имеющая с подлинной историей развития капитализма в США во второй половине XIX — начале XX столетия. Как известно, это было время возникновения империализма, который сразу же обнаружил свою антинародную и агрессивную природу.

Неоконсерваторы в чем-то сродни реверсионистам, или «возвращенцам», но в отличие от них мечтают не о временах мелкомасштабного ремесленного производства, а об эпохе ничем не ограниченного капиталистического предпринимательства и «свободы рынка». Пропагандируя эти взгляды, неоконсерваторы, и прежде всего американские, опираются на модные буржуазные экономические теории. Значительную лепту в экономическое обоснование неоконсерватизма внесла «монетарная», или чикагская, школа во главе с М. Фридманом. С точки зрения этой школы, чрезмерное вмешательство государства в экономику порождает все трудности последней и посему следует не мешать саморегулирующим механизмам «свободного рынка» — этой естественной основе частного предпринимательства. Экономические функции государства должны ограничиваться регулированием находящейся в обращении денежной массы и борьбой с инфляцией. Должны быть доведены до минимума социальные программы. Поход против социальных завоеваний трудящихся Фридман пытается оправдать такими «принципиальными» соображениями: «Финансовый убыток от осуществления социальных программ угнетает, но все же это наименьшее из зол, порождаемых широкомасштабной патерналистской политикой. Ее главное отрицательное воздействие заключается в развращающем влиянии на все общество. Она ослабляет семью, подавляет побудительные мотивы к труду, к сбережениям, внедрению нового, препятствует накоплению капитала и ограничивает нашу свободу»¹.

---

¹ *Friedman M., Friedman R. Free to Choose: A personal Statement. New York, 1980, p. 127.*

Смысл всей этой философии можно выразить известной формулировкой буржуазного эгоизма. «Каждый за себя, один бог за всех».

Близкая к взглядам монетаристов теория предложения также призывает отказаться от государственного вмешательства с целью стимулировать платежеспособный спрос и перейти к поддержке предложения, для чего необходимо предоставить предпринимателям как можно больше средств, которые они пустят в дело, создадут новые рабочие места, что уменьшит безработицу, обеспечит рост платежеспособного спроса и общий подъем экономики. Дополнительные средства предлагается получить за счет снижения налогов с предпринимателей и сокращения государственных расходов на социальные программы, т. е. на социальное обеспечение, образование, здравоохранение и т. п. И лишь в одном пункте допускается вмешательство государства в экономику — в области военного производства.

Как уверяет известный американский экономист Дж. Гилдер, исходящий из концепции «экономики, ориентированной на предложение», капитализм способен на бесконечный прогресс, ему присуще творческое начало, которое, однако, непредсказуемо и не поддается контролю. В книге «Богатство и бедность» Гилдер утверждает, что в идеологической атмосфере Запада преобладают иллюзии либерально-гуманистической интеллигенции, желающей «богатства без богатых», жизни без риска и такого правительства, которое стало бы гарантом любых непредвиденных ситуаций. Однако попытка планировать экономику и тем самым избежать всех опасностей и неожиданностей «искажает не только дух капитализма, но и саму природу человека»¹. Напротив, «экономика веры», т. е. вера в непредвиденное будущее, в случай, успех, удачу, придает динамический импульс капитализму, чего не знают общества, в которых экономика подчинена централизованному планированию и контролю. Дух

---

¹ *Gilder G. Wealth and Poverty. New York, 1981, p. 253.*

подлинного, т. е. не «испорченного вмешательством государства», капитализма, по словам автора, соответствует фундаментальным условиям человеческого существования в непостижимой, но управляемой провидением Вселенной.

Нельзя в этой связи не остановиться на отношении к глобальным проблемам со стороны неоконсерваторов. Они игнорируют возрастающее значение глобальных проблем для судеб цивилизации, отмахиваются от необходимости решения их всеми государствами планеты на основе честного и заинтересованного сотрудничества. Неоконсерваторы решительно выступают против предложений, исходящих из Римского клуба, и вообще против всех акций, направленных на сохранение невозобновимых ресурсов и охрану окружающей природной среды. Так, Дж. Гилдер обрушивается на докладчиков Римского клуба и других сторонников «пределов роста». Аргументы Гилдера при этом просто смехотворны: государство, которое берется регулировать «пределы роста», по своей метафизической сути «энтропийно и антижизненно», утверждает он. Начав с вторжения в экономическую действительность, оно не преминет контролировать частную жизнь и, подобно древним индейским деспотиям, кончит узаконенным пожиранием подданных, конфискацией их плоти во имя свое и жреческой элиты¹.

Дело, разумеется, не в «пределах роста» и «экономике пуля», которые действительно представляют собой безжизненную абстракцию. Деятели, подобные Гилдеру, вообще против всякого вмешательства государства в экономику и экологию. Они обнаруживают при этом такой «оптимизм», который гораздо опаснее любого пессимизма. Формула этого «оптимизма» давно известна: после нас хоть потоп. Неоконсерваторов вовсе не страшит возможность экологической катастрофы. Главное — получать прибыли.

Стремление отказаться от государственно-монополистического капитализма, заменив его стихией «свободного

---

¹ *Gilder G. Wealth and Poverty*, p. 253.

рынка», — это либо утопия, либо чистейшее шарлатанство. Без государственного вмешательства в экономику, без государственных подпорок современный капитализм обойтись уже не может. История достаточно убедительно подтвердила справедливость ленинской теории империализма. Государственно-монополистический капитализм вплотную подводит буржуазное общество к социальной революции. Между государственно-монополистическим капитализмом и следующей ступенью исторической лестницы — социализмом никаких промежуточных ступеней нет, учил Ленин¹, и этот его вывод нисколько не устарел в наше время.

Иные американские неоконсерваторы, восхваляя на все лады капитализм, не решаются отбросить известные лозунги свободы, равенства и братства, выдвинутые еще на заре буржуазного общества. Так, например, М. Новак уверяет, что капитализм и демократия нерасторжимы. Экономический порядок капиталистической системы, по его словам, был основан и развивался на уважении к индивидуальному решению и выбору, к правам собственности, ограничению центральной власти и на особом складе ума, приспособленном для функционирования политической демократии. Политические свободы, утверждает автор, находятся в логическом соответствии со свободами экономическими и культурными. Весь духовно-жизненный уклад граждан США воплощает идеалы братства, равенства и свободы. В попытке доказать этот недоказуемый тезис Новак совершает чудеса словесной эквилибристики, проявляет упорное нежелание считаться с реальными фактами. Взять, к примеру, братство. Вопреки действительности, свидетельствующей о том, что капиталистическая система необходимо воспроизводит стяжательство, соперничество, индивидуализм, эгоизм, одиночество и т. п., Новак находит в американской жизни «замечательные образцы братства... и сотрудничества»: слаженность в работе, сыгранность в спорте, терпимость к «чужому», а участие в ас-

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.

социациях и организация комитетов представляют собой «любимое национальное времяпрепровождение». Дух братства торжествует как в семейной жизни, так и на работе: муж и жена — это в идеале «приятели», а родители и дети — «закадычные дружки». Руководители, предприниматели осуществляют свою власть «в братском стиле» и т. д. и т. п.¹

Еще более головокружительное сальто-мортале совершает автор в своей попытке доказать практическое осуществление в американском обществе принципа равенства. Оказывается, равенство — это «специфически демократический и специфически капиталистический идеал». Но как быть с кричащим и неумолимым неравенством, наличием горстки миллиардеров и миллионов граждан этой действительно богатой страны, которые находятся ниже официально признаваемого уровня нищеты? «Динамизм» системы «демокапитализма», оказывается, состоит, во-первых, в возможности взаимобращения между элитой и экономически низшим слоем и, во-вторых, в возможности для всех в равной степени, независимо от стартового пункта, не только улучшить свое положение, но и продвинуться так далеко, как только позволяет индивиду его воображение, упорство и, разумеется, случай.

После всего этого совсем нетрудно доказать наличие свободы в США. Кроме конституционных свобод есть свобода «думать и поступать, совершенствовать себя и свою судьбу, самостоятельно принимать нелимитированное число жизненных решений»², — заявляет Новак. Интересно, какое число жизненных решений может принять, например, безработный, имеющий полную свободу думать на досуге о своем положении отверженной капиталистической системой?

Вопреки очевидным фактам американские неоконсерваторы утверждают, будто капитализм воплощает и реализует не только социально-политические идеалы свободы, равенства, братства, но и самые высокие принципы нравственности.

---

¹ *Novak M. The American Vision*, p. 22.

² *Ibid.*, p. 26.

«Доказательству» этого посвящена работа П. Джонсона «Есть ли у капитализма нравственные основания? (Размышления одиночки в век коллективизма)». Автор понимает трудность поставленной задачи: «Нужно иметь крепкие нервы, чтобы осмелиться в наши дни предположить у капитализма некое моральное основание, не говоря уже о попытке доказать, что этот строй в целом предоставляет человеку условия для наилучшего нравственного самоосуществления»¹.

Нервы у Джонсона достаточно крепкие, а смелости не занимать. Взявшись за дело, он в два счета «доказывает», что капиталистический социум вполне соответствует самым высоким принципам морали. Первейшим условием нравственного бытия личности автор называет свободу воли, без которой немыслима и сама совесть. А именно буржуазное общество предоставляет наибольший простор для проявления свободы и воли и нравственного выбора — таков нехитрый силлогизм Джонсона, в котором обе посылки и соответственно вывод одинаково ложны. Конкретные проявления «свободы воли», по Джонсону, — это свобода работать там, где хочешь, и свобода голосовать за того, за кого хочешь. «Свобода» выбрать одного из двух предлагаемых кандидатов, выражающих интересы монополистического капитала, — эта свобода стоит немного. Но уж совсем издевательски в условиях массовой безработицы выглядит «свобода работать там, где хочешь».

Чувствуя, видимо, шаткость этих логических конструкций, автор привлекает на помощь христианство, которое, по его словам, впервые дало человеку «нравственную индивидуальность». Но индивидуальность ничто без безусловной индивидуальной собственности, без «собственнического индивидуализма». В основах всего христианства в целом, а не только в протестантизме, утверждает Джонсон, заложены предпосылки капиталистической системы. Таким образом,

---

¹ Johnson P. Is There a Moral Basis for Capitalism? London, 1979, p. 15.

христианство не только открыло возможность, но прямо-таки продиктовало необходимость возникновения и развития капитализма. Из этого софизма следует божественность, богоданность капитализма. Но ссылки на религию вовсе не свидетельствуют о нравственности этого общественного строя.

Джонсон совершенно не обращает внимания ни на исторический опыт, ни на факты современности. Он, например, не согласен с известной оценкой эпохи первоначального капиталистического накопления, данной К. Марксом. Впервые в истории огромным массам людей был предоставлен шанс самим сделать выбор своей экономической судьбы, как свободным индивидам, продающим свою рабочую силу на свободном рынке, говорит этот апологет капитализма. «Капитализм не только не повинен в дегуманизации человека», — провозглашает Джонсон, — но, напротив, «позволил ему наконец обрести ту полноту индивидуальности, которую христианство всегда оставляло за ним как обладателем неповторимого нравственного сознания и бессмертной души»¹.

Одним словом, капиталистический мир — это наилучший из всех возможных миров, он адекватно соответствует «природе человека» и заповедям религии. Кроме того, способность капитализма к реформам и самосовершенствованию почти безгранична. Так оно и должно быть, восклицает автор, ведь по своей природе капитализм есть конгломерат — совокупность неисчислимых вольных владений, принадлежащих неисчислимому множеству свободных умов, которые отражают в свою очередь неисчислимое множество человеческих ситуаций, стремлений к изобретательности. Капитализм — это Протей (персонаж греческой мифологии: вещей и бессмертный старец, способный принимать самые разные обличья).

Царству капитала не будет конца — такова альфа и омега философии неоконсерватизма. Надо сказать, что давно уже на идеологическом рынке не появлялись такие грубые

---

¹ Johnson P. Is There a Moral Basis for Capitalism?, p. 20.

апологетические поделки. Как, например, быть с неоспоримым фактом существования монополий, корпораций и вообще государственно-монополистических форм хозяйствования, ведь именно они, а «не множество свободных умов» и «вольных экономических владений» доминируют в современном буржуазном обществе? Джонсон, не моргнув глазом, заявляет, что тенденция к монополистичности отнюдь не всеобъемлющая, но «весьма факультативная, сбалансированная неуклонной тенденцией к демократическому либерализму», и это право вольного индивидуального владения по-прежнему составляет сердцевину капиталистической системы¹. Здесь автор явно приписывает современному, т. е. государственно-монополистическому, капиталу те качества, которые он давно утратил и которые были присущи домонополистическому капитализму.

Когда американские неоконсерваторы бросают свой взор на всемирную историю, их, как и европейских коллег, умиляет эпоха средневековья с присущей ей сословной иерархией, стабильностью общественных отношений, застойностью политической и духовной жизни.

С этих позиций неоконсерваторы критикуют современную цивилизацию. Человеческий разум, уверяют они, достиг мертвой точки, он находится в тупике, с его помощью нельзя постичь сложности «технологического общества». Несмотря на все успехи науки и техники, растет общественное невежество и человечество постепенно погружается во мрак нового средневековья.

Апология сословного строя встречается во многих работах современных буржуазных обществоведов, и этот факт нельзя объяснить случайностями или литературными прихотями отдельных авторов. Очевидно, здесь находит выражение определенная тенденция: буржуазные идеологи в далеком прошлом пытаются пайти ответы на «проклятые вопросы», поставленные современностью.

---

¹ *Johnson P. Is There a Moral Basis for Capitalism?*, p. 22.

Однако на средних веках неоконсерваторы не останавливаются, они идут дальше в глубь веков — от времен Карла Великого к эпохе великого переселения народов, к дохристианской античной Европе, к рабовладельческому и даже первобытнообщинному строю.

Особенно много ведется разговоров о необходимости восстановить ценности индоевропейской культуры у французских «новых правых», призывающих отказаться как от французского, так и от немецкого национализма. Тем самым, говорят они, будут созданы условия для восстановления «трехтысячелетнего европейского наследия», корнящегося в греческой, латинской, кельтской, германской культурах. При чем наиболее ценной называется древнегреческая культура, в которой отразилась великая чистота язычества, не знавшего монотеизма.

Французские «новые правые» и западногерманские неоконсерваторы утверждают, что подлинная европейская культура — это культура античная, языческая, а иудейско-христианская культура, связанная с монотеистическими верованиями, является чуждым, наносным элементом. Критикуется иудейско-христианская культура главным образом за то, что она якобы послужила питательной почвой для появления либерализма и марксизма. Марксизм, по мнению неоконсерваторов, продолжает традиции христианства: по аналогии с догматом о равенстве людей перед богом он отстаивает тезис о равенстве людей в земной жизни. Как заявляется в манифесте французских «новых правых», марксизм — это лишь секуляризованная форма религиозного идеала равенства людей перед богом: «миф о равенстве был сведен с небес на землю... Перспектива уравнивания человека заменила страшный суд»¹.

Ложная аналогия между религией и марксизмом, как мы уже убедились выше, является старым и излюбленным приемом антикоммунистов. Неоконсерваторы направляют ее

---

¹ Maiastra. Renaissance de l'Occident? Paris, 1979, p. 28.

не только против марксистов, но и против либералов, против всякого, кто выступает хотя бы за чисто формальное равенство.

Стремление к социальной справедливости и социальному равенству предается анафеме, поскольку оно, как утверждают неоконсерваторы, разжигает зависть слабых к сильным. С этих позиций критикуются не только и не столько буржуазные идеи равенства, сколько теория и практика социализма, который пренебрежительно квалифицируется А. де Бенуа в качестве мировоззрения слабых, ленивых... и глухых (!), завидующих сильным, прилежным и умным. Свобода трактуется Бенуа как возможность каждого наиболее полно осуществить взятую на себя ответственность, чего нельзя якобы сделать без иерархии в правах и обязанностях, поэтому неравенство рассматривается как благо, а стремление к равенству — как зло¹.

Как уверяют французские «новые правые», индоевропейская идеология есть общая система мышления всех народов Запада, основанная на суверенитете, осуществляемом политической и религиозной властью, физической силе и военной мощи и, наконец, экономическом изобилии. Для народов индоевропейской расы типично господство суверена и жреца над воином и воина — над производителем. Такая социальная структура, по их мнению, органична и функциональна.

Если в индоевропейском обществе политика якобы управляла экономикой и, соответственно, подчинение шло по линии «суверены» — «жрецы» — «воины» — «производители», то в современном западном обществе, погрязшем в « пороках и беспорядках », все происходит наоборот: желания масс... определяют решения властей, а «класс производителей и торговцев» подчиняет себе «воинов», «жрецов» и «суверенов».

Неоконсерватизм многое заимствует из органической школы социологии в самом примитивном ее понимании и

---

¹ *Benoist A. de. Les idées à l'endroit. Paris, 1979, p. 58, 59.*

с этих позиций воюет против марксистского учения об обществе.

В манифесте французских «новых правых» «Майаистра. Возрождение Запада?» провозглашается «органическая концепция общества, в котором оппозиция между функциональными классами преодолевается и становится такой же бессмысленной, как война органов внутри тела». А функциональны лишь три сословия (духовенство, дворянство и «третье сословие»), существовавшие в феодальной Европе до 1789 г., т. е. до Великой французской буржуазной революции, которая полностью перевернула эту «традиционную иерархию»¹. Следует ее вновь восстановить, но уже на современном технологическом базисе — такова программа этих современных бурбонов.

Понятно, что ни о какой классовой борьбе и социальных столкновениях в «новом обществе» не может быть и речи. Австрийский неоконсерватор Г. Дриммель выступает за «принцип солидарности», который должен заменить перманентную гражданскую войну и классовую борьбу. Солидарность и единство европейцев должны базироваться на принципе консерватизма, который, в свою очередь, «рассчитывает на инстинктивное, первобытное, на исконно народное». А «философия классовой борьбы» представляет, по словам автора, удел «малоинтеллигентных людей, которые не могут в конечном итоге взять верх над умными людьми». Дриммель призывает «образованных и интеллигентных» перестать служить интересам классовой борьбы².

Значит, тот, кто признает существование классов и классовой борьбы в буржуазном обществе, тот не интеллигент. А тот, кто мечтает ввергнуть мир в мрак средневековья, тот интеллигент! Этот «интеллигент» должен, с точки зрения неоконсерваторов, презреть разум и науку и ориентироваться на первобытные инстинкты.

¹ Maiastra, p. 308.

² Drimmel H. Die Gewalt der Tatsachen — müssen wir resignieren? — In: Konserwativ: Chance und Zukunft, S. 108.

Неоконсерваторы рекламируют себя как защитников и спасителей западной культуры и индоевропейских ценностей. Но какой бы интеллектуальный глянец ни наводили они на свое «учение», им не замаскировать явственно проступающих на нем чумных пятен расизма.

М. Понятовский без всякого стеснения призывает крепить «расовую солидарность» всех «высокоразвитых народов Запада» перед лицом «демографической экспансии», т. е. быстрого роста населения стран Азии и Африки¹. Только индоевропейская цивилизация, определяемая расовыми особенностями создавших ее народов, вознесла род человеческий на недостижимый интеллектуальный уровень, позволила ему освободиться от тысячелетней нужды. Поражение Европы приведет, по словам Понятовского, к вырождению человеческой цивилизации.

Проблемы демографии вообще чрезвычайно беспокоят «новых правых» и неоконсерваторов. Снижение рождаемости, говорят они, может привести к исчезновению с лица земли романских, германских и иных белых народов. Демографический спад они объясняют широко распространившимся на Западе пессимизмом и страхом перед будущим, за которые будто бы во многом ответственны современные формы религии и конечно же марксизм.

Имеют, правда, место попытки смягчить идею расового превосходства индоевропейцев. Иной раз от неоконсерваторов можно услышать, что нет единого мерила для сравнения различных дифференцированных национальных культур, так или иначе влияющих на развитие различных рас. Но все же сравнения делаются, и всегда в пользу индоевропейской расы, в пользу европейских национальных культур, имеющих некую общую «индоевропейскую основу».

---

¹ *Poniatowski M. L'Historie est Libre. Paris, 1982.*

Выступая против так называемого этноцида, или культурной ассимиляции народов, французские «новые правые» агитируют за объединенную Европу, которую они противопоставляют «гегемонии двух сверхдержав»¹.

При этом они проводят самый откровенный европоцентризм: только Европа (преимущественно Западная) является источником культурных ценностей, генератором творческих идей, в то время как «блоки, отделившиеся от нее, обладают лишь цивилизацией, рожденной в лоне этой культуры»². Чтобы понять смысл этого пассажа, надо обратиться к известной концепции буржуазной философии истории, которая различает понятия «культура» и «цивилизация». Первое надлежит жизненным порывом, творческим началом и т. п., второе — это лишь внешнее, лишенное одухотворенности проявление культуры.

Откровенная или слегка замаскированная защита социального неравенства переносится неоконсерваторами в сферу национальных и государственных отношений. Спекулируя на очевидном факте неодинаковости, нестандартности, оригинальности людей, теоретики неоконсерватизма выдвигают каннибальский тезис о принципиальном неравенстве и неравноценности рас, народов, наций. Как в социальной структуре общества всегда были и будут высшие слои и слои низшие, аристократы и плебеи, так и среди рас есть якобы высшие и низшие, полноценные и неполноценные. Более того. Не может быть равноправия и в отношениях между государствами и странами. Всегда были государства-гегемоны и государства от них зависимые, им подчиненные.

Псевдотеоретическое оправдание агрессивного, гегемонистского курса реакционных кругов монополистической буржуазии попытались дать прежде всего американские неоконсерваторы, в частности те из них, которые входят в «Комитет по существующей опасности» — мозговой центр правых

¹ La Cause des Peuples. Actes du XV Colloque national du GRECE. Paris, 1982, p. 36.

² Maiastra, p. 312.

республиканцев. Пальму первенства на этом неблагоприятном поприще, бесспорно, заслужил И. Кристол, изложивший credo неоконсерваторов еще в 1972 г. в статье «О равенстве». Идея равенства, распространяемая интеллигентами, превратилась в основной критерий оценки любого общественного строя, что, по мнению автора, исторически неоправданно, а для современного положения весьма опасно. Критерий равенства «обвиняет в незаконности весь род человеческий, ставит фактически под сомнение достоинство Иерусалима, Афин, Рима, наконец, Англии в елизаветинскую эпоху, где неравенство служило необходимым условием для достижения идеала совершенства, рассматриваемого как в индивидуальном, так и в коллективном смысле»¹.

Кристол, с таким презрением третирующий интеллигентов, проявляет вопиющее историческое невежество. «Достоинство» рабовладельческих Афин или Рима историческая наука под сомнение никогда не ставила, так как это была закономерная и во многом плодотворная ступень в прогрессивном развитии человечества. Но о каком «идеале совершенства», основанном на неравенстве, можно говорить в последней трети XX в.? Уж не хочет ли Кристол и К^о установить рабовладельческие порядки в духе Древнего Рима? В таком случае неоконсерваторов следовало бы именовать неорабовладельцами.

Псевдоисторические экскурсы и реминисценции неоконсерваторов — это всего лишь одна из попыток хоть как-то оправдать закон джунглей, который пытаются перенести в сферу международных отношений империалистические стервятники. Кристол и иже с ним обеляют великодержавный гегемонизм США. Сложное положение у западноевропейских неоконсерваторов. Они ратуют за объединенную и сильную Европу, противостоящую «двум сверхдержавам». Но теория мнимой «равноудаленности от двух сверхдержав» не стоит и ломаного гроша. Никак нельзя пройти мимо поджигательских

¹ *Kristol J. About Equalite.— Commentary. New York, 1972, vol. 54, N 5, p. 42.*

антисоветских призывов неоконсерваторов и «новых правых» объединить Европу лишь после того, «как огромное пространство, занимаемое сейчас... советскими республиками, будет освобождено от коммунистической оккупации»¹.

Патологический антикоммунизм и антисоветизм составляют основу, сущность идеологии неоконсерватизма, а все разглагольствования о индоевропейской цивилизации — не что иное, как псевдофилософская и псевдоисторическая шелуха.

Неоконсерватизм есть идеология империалистического разбоя и агрессии. Ее представители, не стесняясь, говорят, например, что слабым, «незначительным» странам необходимо время от времени преподавать уроки при помощи военной силы и чтобы они не питали на этот счет никаких иллюзий.

Определенный интерес представляет статья И. Кристола «Перспективы 80-х годов: худшее еще впереди», появившаяся в конце ноября 1979 г. в рупоре американских монополий — газете «Уолл-стрит джорнэл», в которой были изложены программные установки неоконсерваторов². По словам И. Кристола, в 70-е годы доминирующую роль играли проблемы внутризэкономической политики — сохранение темпов экономического роста вопреки инфляции, стагфляции, слишком далеко идущего правительственного регламентирования частной промышленности и т. д. «С этих экономических позиций мы в целом довольно плохо справлялись с нашими проблемами, — признает автор. — Образ мыслей, возникший в 60-х годах и основанный на представлении, что Соединенные Штаты — «общество изобилия», главные задачи которого состоят в том, чтобы достичь более высокого «качества жизни» и «более справедливого» (т. е. более равного) распределения прав на богатство, доходы и возможности, явно не годился, чтобы справиться с более мрачными фактами 70-х годов, и мы очень медленно перестраивались... Если 70-е годы опреде-

¹ Hourdin G. Reponse à la «nouvelle droite». Paris, 1979, p. 107.

² The Wall Street Journal, 1979, 27 November.

лялись соображениями внутренней экономической политики, то 80-е годы будут определяться соображениями внешней и военной политики. Между ними, разумеется, есть взаимосвязь, более того, когда речь заходит о нефти, они почти неразрывно связаны между собой».

Уже не инфляция представляет сейчас главную проблему, вещает Кристол. Первоочередная задача — это перевооружение. И если дело дойдет до значительного увеличения военных расходов, придется мириться с еще большей инфляцией в течение еще более длительного срока. Заявляя о необходимости американского военного участия в делах Ближнего Востока, автор предсказал эру конфронтации с Советским Союзом. Созданный после второй мировой войны международный порядок, по его словам, разваливается, и поэтому «теряет смысл ОСВ, теряет смысл ООН, теряет смысл помощь иностранным государствам, теряют смысл проповеди о правах человека... Зато бесспорный смысл будет иметь американская политика, в которой мощь и готовность смело использовать ее будут играть гораздо более важную роль, чем когда-либо за всю нашу историю».

Итак, основная идея статьи предельно проста: пушки (ракеты и т. п.) вместо масла. Внешняя политика без обиняков отождествляется с политикой военной и ориентируется на захват источников нефти и сырья, на подавление национально-освободительного движения. В обстановке милитаристского угара не остается места заботе о «качестве жизни», социальных проблемах, о правах человека. Под вопрос ставится и хваленая американская демократия, она вроде бы тоже становится обременительной. «Демократия сохранится только до тех пор, пока экономический рост останется убедительной реальностью. Именно в силу надежды на то, что завтра пирог станет больше и соответственно все получат более значительную долю от него, люди не вступают в жестокую схватку из-за раздела сегодняшнего пирога», — утверждает Кристол. И если невозможно будет обеспечить рост экономики, то «ситуация в стране будет постепенно ухуд-

шаться, пока мы не передеремся между собой и не уничтожим наши институты».

Усиленная милитаризация, авантюристическая политика «с позиции силы» сопряжены с наступлением монополий как на жизненный уровень трудящихся, так и на остатки буржуазно-демократических прав и свобод.

Выступая развернутым фронтом против социального равенства и равноправных международных отношений, неоконсерваторы не жалуют и другие социальные категории, такие, например, как свобода и справедливость. По словам Г. Шельского, задача сохранения свободы и независимости личности несовместима с задачей усовершенствования социальной справедливости, а государство, которое пытается выполнять обе эти задачи одновременно, обречено на беспомощность¹.

Свобода — вещь хорошая, но не для всех, а только для избранных — вот «простая мысль», которая высказывается иногда прямо, а чаще завуалированно во всех опусах неоконсерватизма. Отсюда понятно его отношение к буржуазной демократии. Все более настойчиво и определенно проводится мысль, что демократия вообще изжила себя, что она должна быть заменена иерархической структурой власти во главе с аристократией или элитой избранных. Именно такие правовые формы могут соответствовать духу времени.

Хотя неоконсерваторы мечут громы и молнии против вмешательства государства в экономическую жизнь, они вовсе не анархисты, а сторонники сильного, даже сверхсильного государства, которое бы могло железной рукой навести порядок, покончив не только с марксизмом, но и с либерализмом и всякими демократическими пережитками.

Левокатолический критик «новых правых» Ж. Урдэн по этому поводу замечает, что «консервативные теории правых не чужды диктатуре, которой они пока не осмеливаются дать название, временно именуя ее «научным обществом»².

¹ *Schelsky H. Der selbständige und betreute Mensch. Stuttgart, 1976, S. 19.*

² *Hourdin G. Reponse à la «nouvelle droite», p. 23.*

А в том, что эта диктатура, в случае ее установления, будет весьма похожа на «третий рейх», у автора нет никаких сомнений. По словам Урдэна, в работах Понятовского говорится о «неизбежности планетарного научно организованного общества», или «научного тоталитаризма».

Обратимся и мы к Понятовскому, поскольку он больше других своих единомышленников высказывается по поводу желаемого будущего. Начинает он издали, рисуя общую схему развития человеческой истории. Философия истории, по Понятовскому, не блещет оригинальностью. Вначале было «аграрное общество», его сменило «индустриальное», существующее поныне, а на его место придет «научное общество», где ведущими отраслями станут электронная промышленность, а также производство и передача информации. В этом обществе «социальные классы утратят свою роль и влияние»¹.

Переход к «научному» или «информационному» обществу произойдет под воздействием «телематики» и будет означать «телематическую революцию», которая вызовет невиданные изменения в социальной структуре. Подавляющее большинство работающих будет занято в сфере науки, образования, информации и в обслуживании, а совсем незначительная доля населения обеспечит всех остальных промышленными и продовольственными товарами.

«Научное общество», по Понятовскому, строго иерархично, управлять всеми делами станет элита ученых и технократов, доступ в состав которой будет открыт лишь для обладающих выдающимися способностями. Понятовский называет это естественным отбором, который будет действителен не только для конкретных личностей, но и для целых народов, наций и рас. «За пределами научного общества останутся в силу естественного отбора нации, не обладающие совокупностью необходимых знаний, социальной инфраструктуры, культуры, технологии»².

¹ *Poniatowski M. L'Historie est libre, p. 209.*

² *Poniatowski M. L'avenir n'est écrit nulle part. Paris, 1978, p. 81.*

Знание есть сила — эту известную формулу родоначальника английского материализма Ф. Бэкона реакционные буржуазные идеологи подвергают своеобразной инверсии: отсутствие необходимых знаний есть слабость. А слабые в силу «естественного порядка вещей» должны уступать дорогу, подчиниться сильным и даже исчезнуть с лица земли.

Наука, свет человеческого разума по вине империализма превращаются в страшную силу, реально угрожающую существованию многих народов, зачисленных в разряд неполноценных. Недаром же Понятовский связывает современные и грядущие достижения науки и основанной на ней технологии с выдающимися способностями индоевропейской расы. «Если же Европа потерпит поражение, то человеческий род впадет в анархию или же подвергнется принудительной коллективизации путем создания обществ-муравейников, а затем окончательно выродится»¹.

Под «обществом-муравейником» Понятовский имеет в виду реальный социализм, само существование которого вызывает прямо-таки судороги у этого реакционера.

Остановимся несколько подробнее на том, как изображают структуру будущего «научного» или постиндустриального общества неоконсерваторы. Говоря о «плюралистической демократии» постиндустриального общества и замечая, что она сможет-де функционировать вообще без господствующего класса, Белл в то же время возвещает о грядущей «меритократии», т. е. власти согласно «заслугам», которые определяются знанием, умением и способностями². Правительство, университеты, научные институты, ведущие фирмы — словом, все социальные и культурные институты общества должны быть меритократическими.

Итак, постиндустриальным обществом фактически будет управлять элита избранных, мудрецов и гениев. А какова

¹ *Poniatowski M.* L'avenir n'est écrit nulle part., p. 402.

² *Bell D.* The Coming of postindustrial Society. New York, 1973, p. 454.

будет жизнь остальной массы населения? Хотя голод и нищета, по заверениям Белла, исчезнут, но постиндустриальное общество не будет обществом изобилия. Социолог называет иллюзией надежду на то, что кибернетическая революция когда-либо сможет создать общество, где люди забудут о таком понятии, как дефицит. Напротив, дефицит по-прежнему будет определять фон всей социальной жизни и в постиндустриальном обществе. Далее мы узнаем от него, что в этом обществе сохранится и безработица... во имя личной свободы. Искоренение безработицы, по Беллу, может быть достигнуто либо ценой снижения производительности труда, либо за счет увеличения инфляции, либо путем ограничения личной свободы. Следовательно, радикальное разрешение проблемы дефицита, т. е. создание общества изобилия, просто невозможно.

Наконец, Д. Белл решительно выступает против социалистического и коммунистического понимания равенства, утверждая, будто принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям» нарушает принцип гуманизма!

«Новые празые» и «новые» консерваторы, восхваляющие на все лады средневековые и более древние времена, не хотят, однако, возвращаться к материально-техническому базису прошлых эпох и тем более не хотят воевать оружием времен Карла Великого. Им подавай наинovelшую технику, самое совершенное оружие. А все это могут создавать люди, обладающие глубокими научно-техническими знаниями, использующими достижения фундаментальных наук. Здесь уже не обойдешься правилами хорошего тона и элементарной грамотностью. ●

В этом состоит глубокое внутреннее противоречие неоконсерватизма, пытающегося соединить несоединимое — варварство и науку, средневековое мракобесие и современную цивилизацию.

* * *

Заметная активизация неоконсерваторов и других крайне правых, ультрареакционных течений и группировок вызывает серьезную озабоченность в демократических кругах.

Значительный интерес в этом смысле представляет дискуссия о неоконсерватизме в журнале «Нейе Гезельшафт» — теоретическом органе западногерманских социал-демократов¹.

Ряд участников дискуссии высказал здравые мысли, правильно указывая на особую опасность внешнеполитических доктрин неоконсерваторов для дела мира в Европе, да и во всем мире. Неоконсерваторы отказываются от политики разрядки и реанимируют антикоммунизм позавчерашнего дня, опасную идеологию военного превосходства. Не учитывая разрушительную мощь современного оружия, они «танцуют на вулкане». Поворот к неоконсерватизму означает серьезную угрозу возвращения на «чертов круг» фатальных ошибок, из которого страна с таким трудом вырвалась в послевоенный период.

По словам видного деятеля СДПГ Э. Бара, неоконсерватизм отнюдь не нов. Он воскрешает худшие черты средневековья: удушающую атмосферу гонений, подозрительности, мракобесия. «То, к чему призывают неоконсерваторы, уже было в истории Европы — сжигая «ведьм», люди искренне верили, что делают нечто очень хорошее... И во внешней и во внутренней политике неоконсерватизм представляет собой опасный, ошибочный, тупиковый путь... Допуская возможность применения ядерного оружия, он представляет собой смертельную угрозу для человечества².

Для многих на Западе совершенно очевидна идейная и политическая близость между неоконсерватизмом и неофашизмом. В частности, указывают на так называемую Евро-

---

¹ Neokonservatismus oder die neue Stimmung im Westen.— «Neue Gesellschaft». 1982, N 11, S. 1010—1013.

² Neue Gesellschaft, 1982, N 11, S. 1010.

нейскую академию политических наук, которая служит мостом между неонацистским движением и правыми партиями. В состав этой «академии» входят отставные министры и генералы ряда западноевропейских стран, а также неонацисты из ФРГ, бывшие члены французской террористической организации ОАС, франкисты из Испании, фашисты из Греции и т. д. и т. п. Под эгидой академии действует ряд аналогичных организаций, например Европейский центр документации и информации, секции Панъевропейского союза, возглавляемого эрцгерцогом Отто Габсбургом.

Проводятся конференции, коллоквиумы, симпозиумы, а также торжественный «обед Карла Великого» — первого «объединителя Европы». На обеде выступают видные государственные деятели, титулованные особы, монархисты и аристократы из стран Западной Европы. Академия ведет значительную пропагандистскую деятельность, пытаясь перенести ее на территорию социалистических стран.

Как пишет известный французский журналист Жан-Марк Теолэр, «неофашизм поднимает голову и набирает силу во многих странах Запада, в том числе и во Франции, где крайне правые группировки типа «новых правых» призывают к созданию общества элиты по крови, расе и интеллекту»¹. Коричневая волна поднимается в искусстве и литературе. По мнению Теолэра, между политикой и идеологией «новых правых» и неонацистов нет принципиальных различий.

Весьма острую критику неоконсерваторов ведут некоторые представители левокатолических кругов Франции. В книге «Ответ «новой правой» уже упоминавшийся Урдэн пишет, что труды Понятовского, де Бенуа, Повеля и других теоретиков «новых правых» фактически проповедуют расизм, но в несколько подновленном по сравнению с временами Гитлера виде. Германию в мыслях новых расистов заменила Европа, а в качестве искупительной жертвы вместо евреев избраны африканцы, азиаты и иные представители «низших

---

¹ *Théolloyre I. M. Les Néo-Nazis. Paris, 1982, p. 21.*

рас». «Новые правые» используют лженаучные теории биологического детерминизма в трактовке человека, чтобы «оправдать неравенство и право одних повелевать другими»¹.

Утверждая, будто раса, а не социальная среда и история определяет культуру народа, «новые правые» пытаются обосновать мнимую неспособность небелых рас ассимилировать в полной мере ценности, созданные белой расой. Опираясь на труды видных антропологов, автор доказывает ошибочность таких выводов и правильно отмечает, что способности к усвоению и созданию ценностей у различных рас существенно не отличаются.

Указывая на «общность научных источников и целей» между доктриной «национальной безопасности США» и нацистской идеей пангерманизма, Урдэн пишет: «В обоих случаях речь идет о подчинении мира, исходя из концепции государства-нации, изображаемого как живой организм, постоянно стремящийся к развитию, к расширению своего жизненного пространства, для завоевания которого необходима война, потребляемая так же, как лекарство в том случае, если нация больна»².

Идея об экспансии государств как главной закономерности общественного развития впервые была выдвинута сторонниками геополитики Р. Гелленом и Ф. Ратцелем. Она активно разрабатывалась в гитлеровской Германии генералом К. Хаусхофером и др. Урдэн метко называет эти идеи «политическим раком», метастазы которого растут на Западе.

С большой тревогой говорит он о растлении сознания молодежи расистскими предрассудками. «Тот факт, что молодые, образованные люди, находясь в здравом уме, берутся реабилитировать «славную личность фюрера», утверждая, что печи крематориев и лагеря смерти — это «чистая выдумка левых и евреев», вселяют большую тревогу»³.

---

¹ Hourdin G. Reponse à la «nouvelle droite», p. 111.

² Ibid., p. 70.

³ Ibid., p. 118.

Примерно то же самое констатирует западногерманский философ В. Бер. Переориентация западного общества в сторону неоконсерватизма оказывает особо пагубное воздействие на молодежь. Неоконсерватизм растлевает ее сознание идеями расового превосходства, культом героя, сильной личности, «этикой труда и дисциплины». Внедряется «ностальгическая мода по святыням прошлого»¹.

Урдэн усматривает определенное сходство политической ситуации в современной Западной Европе с ситуацией, существовавшей в Германии накануне прихода Гитлера к власти. Он предупреждает об опасности нового издания старого расизма, которое распространяется при помощи средств массовой информации. По его словам, расистские предрассудки всегда существовали в подсознании народов Западной Европы, а враждебное отношение к иностранцам, проживающим в европейских странах, усиливается именно в трудные, кризисные времена.

Участились вспышки расизма, преследования негров, турок, арабов со стороны ультраправых элементов, а также проявления антисемитизма. Расизм и шовинизм действительно поднимают голову в развитых капиталистических странах. В годы послевоенного экономического подъема в большинстве стран Западной Европы широко использовался дешевый труд миллионов «приглашенных рабочих», выходцев из развивающихся стран. Когда начался кризис, эти «временные европейцы» оказались ненужными. Лишенные как гражданских прав, так и гарантированного права на труд, они повсеместно подвергаются дискриминации. Антииммигрантские настроения, искусно раздуваемые правыми реакционными силами, носят расистский характер. Дело не ограничивается только предрассудками, расизм выражается и в прямых актах насилия.

Министерство внутренних дел Великобритании, например, установило, что риск подвергнуться нападению для выходцев

---

¹ Behr W. Jugendkriese und Jugendprotest. Stuttgart, 1982, S. 163.

из Вест-Индии в 36 раз, а для выходцев из Азии в 50 раз выше, чем для белых англичан. С проявлениями расизма иммигранты сталкиваются повсюду — на работе, в общественном транспорте, магазинах, школах, местах проживания.

Цитаделью расизма были и остаются США. Суд Линча, названный президентом Франклином Рузвельтом подлой формой коллективного убийства, до сих пор практикуется в стране, лидеры которой поучают весь мир тому, как соблюдать демократию и права человека. Проповедь человеконенавистнических идей неоконсерватизма падает здесь на подготовленную почву.

В борьбе против угрозы неофашизма сплачивают свои усилия сторонники демократии в капиталистических странах. Нет фатальной неизбежности установления террористической диктатуры монополистического капитала. Все зависит от борьбы широких народных масс, от их организованности и решимости преградить дорогу новому изданию фашизма.

АНТИСОВЕТИЗМ В СИСТЕМЕ АНТИКОММУНИЗМА

1. КВИНТЭССЕНЦИЯ АНТИКОММУНИЗМА

Антисоветизм — это квинтэссенция антикоммунизма. Он означает концентрацию усилий на главной цели, основном объекте империалистической политики, проводящейся под знаменем антикоммунизма.

Советский Союз — не только первая страна, покончившая с капиталистическим строем и достигшая стадии развитого социализма. Это наиболее мощная сила в системе реального социализма, оплот международного рабочего и национально-освободительного движений, опора всех антиимпериалистических сил.

Справедливо отмечают, что историческая миссия социализма как общественной системы имеет составные части. Первая и основная — это созидание качественно нового по сравнению со всеми предшествующими социально-экономическими формациями общества. Вторая — оказание поддержки другим отрядам революционных сил, развитие международной пролетарской солидарности¹. Есть еще одна, в современных условиях наиважнейшая составная часть, или

---

¹ См.: *Загладин В. В.* Историческая миссия социалистического общества. М., 1984, с. 25.

функция, исторической миссии реального социализма — это функция миротворческая, функция сохранения мира и тем самым — спасения человеческой цивилизации от ядерной катастрофы.

Нет сомнения, что если бы не существовало социалистического содружества, если бы не было на земле такой мощной силы, как Советский Союз, империалистические хищники давно бы уже вцепились друг другу в горло из-за сфер влияния, из-за источников сырья и горючего, попытались бы вновь одеть ярмо колониализма на народы освободившихся стран. Пресловутая «атлантическая солидарность» и интеграция и сейчас не могут скрыть острейших противоречий между различными центрами империалистического влияния и силы. А если бы не существовал реальный социализм, то этой «солидарности», очевидно, не было бы и в помине.

Существование Советского Союза — главное препятствие на пути установления мирового господства империализма США. Именно это обстоятельство больше всего и бесит «ястребов», выражающих интересы и чаяния ультрареакционной империалистической буржуазии. В этом, очевидно, один из источников антисоветизма, доходящего до «советофобии», до диких пароксизмов классовой ненависти.

Профессор политических наук Принстонского университета США С. Коэн ставит вопрос о причинах «крайне неверных», как он выражается, представлений о Советском Союзе, бытующих среди правящих кругов США. Ссылки на антикоммунизм или неосведомленность американцев не могут, по его мнению, считаться удовлетворительным объяснением. Те же факторы, говорит он, не помешали занять более уравновешенную позицию в отношении Китая и ряда других коммунистических стран. Как полагает Коэн, «реальный источник «советофобии» кроется глубже. Соединенные Штаты в отличие от большинства других стран все еще не вполне признали, что Советский Союз — нравится это нам или нет — имеет законные основания считаться великой державой с соответствующими интересами и соответствующим

правом голоса в международных делах. Признание за Советским Союзом политического равенства логически ведет к заключению соглашений о ядерном оружии, основанных на принципе военного паритета, а также к другим политическим мероприятиям в духе разрядки. Отказ признать этот статус ведет только к иллюзорному стремлению добиться ядерного превосходства и вытекающим из этого целям в духе «советофобии». Однако было бы неверно связывать эту идеологию исключительно с Рейганом или с республиканской партией, в особенности если вспомнить категорическую оппозицию сторонников «жесткого курса» в демократической партии всем аспектам разрядки в 70-е годы, в том числе и Договору об ОСВ-2. Эта проблема носит двухпартийный характер, и возможно, что никакая смена администрации не решит ее».

Коэн правильно считает, что необходима объективная и систематическая информация о Советском Союзе. «Но одни знания не решат проблему. Мы теперь знаем о Советском Союзе все же больше, чем, например, о Китае, который пользуется значительно большей симпатией со стороны прессы, пишет Коэн. И отнюдь не недостаток информации дал основание одному деятелю из администрации Рейгана, занимающемуся вопросами науки и техники, публично высказать следующее суждение: «Советское государство не сделало никакого практического вклада в науку, культуру, искусство, промышленность, сельское хозяйство и в любую другую отрасль человеческой деятельности». Антисоветское лобби всегда готово отместить такие факты, которые могли бы улучшить образ Советского Союза в восприятии американских граждан».

И здесь Коэн, безусловно, прав. Для «антисоветского лобби» факты не имеют никакого значения. Не моргнув глазом, антисоветчики объявляют несуществующим то, что реально существует, но что противоречит их предвзятому мнению, целям империалистической пропаганды. Но, думается, реальный источник «советофобии» заключается не только в том, что само существование Советского Союза является недоли-

мой преградой на пути претендентов на мировое господство. Это причина, если так можно выразиться, частного, специфического характера. Но ведь антисоветизм пропитывает психологию, идеологию и политику и остальных империалистических государств, многие из которых вовсе не заинтересованы в утверждении мирового господства США.

К тому же в 20-е и 30-е годы Советский Союз ни с экономической, ни с военной точки зрения не мог рассматриваться как сила, способная соперничать с ведущими империалистическими государствами. Но и тогда правительства США, Великобритании и других «западных демократий», не говоря уже о фашистских или полуфашистских режимах, проводили политику оголтелого антисоветизма. Тогда, правда, кричали не о «советской военной угрозе», а главным образом о «красной опасности», «руке Москвы», об «агентах Коминтерна».

Происхождение и функционирование антисоветизма нельзя понять с позиций политологии и геополитики. Необходим классовый подход, базирующийся на принципах исторического материализма.

2.

ОТ АНТИБОЛЬШЕВИЗМА К АНТИСОВЕТИЗМУ

Антисоветизм имеет свою историю, и знать ее необходимо. Возник антисоветизм из антибольшевизма, а затем слился с ним в одно неразрывное целое. Преступная травля В. И. Ленина и большевиков началась в буржуазной прессе России и многих стран мира еще до 7 ноября 1917 г. В странах Антанты широко распространялся пущенный Временным правительством и подхваченный всей контрреволюцией провокационный вымысел о том, что В. И. Ленин и большевики — подкупленные агенты кайзеровской Германии. Так называемый Комитет общественной информации в США сфабриковал подложные документы и издал фальшивку «Германо-большевистский заговор» (так называемые «доку-

менты Сиссона») ¹. Посол США в Петрограде Френсис и посетивший в мае 1917 года Россию во главе специальной миссии сенатор Э. Рут, приняв и одоблив версию Временного правительства, посоветовали поскорее устроить суд над Лениным и казнить его, обвинив в «государственной измене» ².

После 7 ноября 1917 г. мировая буржуазная печать предсказывала неминуемый и быстрый крах «большевистского господства». Рекорд в этом смысле поставила газета «Нью-Йорк таймс», которая за первые два года существования Советской власти 91 раз предрекала ее неминуемый крах и несколько раз сообщала, что этот «факт» уже имел место ³. И не только печать, но умудренные опытом государственные и политические деятели были убеждены тогда, что «большевистский эксперимент» не имеет никаких шансов на успех и Советская власть не протянет больше месяца. Но шел месяц за месяцем, год за годом, а Советская власть мужала и крепла в борьбе с врагами.

Антисоветская тема прочно заняла место в буржуазной политике и пропаганде. Потоки лжи и клеветы становились все гуще и зловоннее.

Вакханалия лжи достигла своего апогея в марте 1921 года, в период антибольшевистского восстания в Кронштадте. Выступая с речью при закрытии X съезда РКП(б), В. И. Ленин отмечал, что «сейчас неслыханно нервную, истерическую кампанию против нас повел всемирный капитализм» ⁴. В. И. Ленин привел сводку о сообщениях в буржуазной печати по поводу событий в Советской России. С начала марта 1921 г. вся западноевропейская и американская печать публиковала целые потоки фантастических известий о восстаниях в стране, о потоках крови на улицах Москвы и Пет-

---

¹ См.: *Соболев Г. Л.* Октябрьская революция в американской историографии. 1917—1970-е годы. Л., 1979, с. 33—35.

² См.: *Васюков В. С.* Предыстория интервенции. Февраль 1917—март 1918. М., 1968, с. 145.

³ См.: *Развитой социализм и кризис «советологии»*. М., 1982, с. 74.

⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 122.

рограда, о густых толпах рабочих, спускающихся с холмов на Москву для свержения Советской власти, о белом флаге над Кремлем, о бегстве Ленина в Крым, о переходе Буденного на сторону бунтовщиков, о победе контрреволюции в целом ряде городов, причем было перечислено чуть ли не большинство крупных городов России.

Универсальность и планомерность этой кампании показывали, что в этом проявляется какой-то широко задуманный план, которого придерживаются большинство правительств стран Антанты. «...Картина совершенно ясна,— говорил В. И. Ленин.— Всемирный синдикат прессы — там свобода прессы, которая состоит в том, что она куплена на 99% финансовыми магнатами, которые ворочают сотнями миллионов рублей,— открыл всемирный поход империалистов, желающий сорвать прежде всего торговое соглашение с Англией... и предстоящее торговое соглашение с Америкой...»¹

Враги Советской власти и тогда больше всего боялись установления нормальных торговых ее отношений с капиталистическими странами. Однако сорвать это им не удастся, говорил В. И. Ленин. Он отметил, что есть представители крупного капитала, заинтересованные в этих отношениях и которые изверились в антисоветских слухах и измышлениях. В. И. Ленин рассказал, что одна группа американских граждан собрала из самых разнообразных газет сообщения за несколько месяцев о России, в которых приводились все фантастические измышления о многократном бегстве Ленина и его же многократном расстреле и т. п., и издала все это одной брошюрой. «Лучшей агитации для Советской власти нельзя себе представить»²,— резюмировал В. И. Ленин.

Мутные потоки клеветы не смогли и в то время скрыть правду о Советской России. Истерический тон пропагандистских кампаний свидетельствовал о бессилии мировой буржуазии, о том, что она, потеряв возможность провести еще одну интервенцию, рассчитывала на мятеж внутри России,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 125.

² Там же, с. 126.

поддерживала контрреволюционные силы и желаемое выдавала за действительное.

От системы «большой лжи», основанной на грубой выдумке и чистых вымыслах, буржуазная пропаганда никогда не отказывалась, широко применяет ее и поныне, хотя делать это ей сейчас значительно труднее.

Грубейшим вымыслом является утверждение антисоветчиков, будто Советский Союз является угрозой всеобщему миру и сугубо агрессивной державой.

Особенно часто к запугиванию стали прибегать после запуска первого советского искусственного спутника Земли — события, которое действительно чрезмерно удивило и потрясло кое-кого на Западе. Спекуляции на успехах советской науки и техники, искусственное возбуждение страхов перед якобы непомерно растущей советской мощью стали излюбленным приемом психологической войны.

Интересны в этом смысле мемуары первого в истории США специального помощника президента по науке и технике Дж. Киллиана. Надо сказать, что эта должность была учреждена президентом Эйзенхауэром как раз после запуска первого советского спутника Земли, что должно было успокоить «общественное мнение», которое, по словам Киллиана, было глубоко потрясено «прорывом коммунистов в космос».

Антикоммунистическая пропаганда постаралась разжечь беспокойство до уровня паники. Действовали в этом направлении и некоторые ученые. В своей книге Киллиан цитирует некоторые высказывания той поры. Дж. Райнхарт из Смитсоновской астрофизической обсерватории, например, заявил: «Не удивлюсь, если русские достигнут Луны через неделю»¹, а неизвестный антикоммунист Э. Теллер, «отец водородной бомбы», выступая по телевидению, сказал, что США потерпели «поражение более сокрушительное, чем Пирл-Харбор»².

¹ Killian I. R. Sputnik, Scientists and Eisenhower. Cambridge (Mass.), London, 1977, p. 78.

² Ibid., p. 8.

Газета «Нью-Йорк таймс» в редакционной статье от 10 ноября 1957 г. призывала администрацию предпринять «немедленные действия к исправлению положения, к восстановлению лидерства США в гонке, которая теперь уже не столько гонка вооружений или национальных престижей, сколько гонка на выживание»¹. Подобного рода настроения царили и в конгрессе. Даже те сенаторы, которые раньше выступали за сокращение ассигнований на оборону, требовали укрепления военной мощи США. По словам Киллиана, можно говорить о двух эпохах в развитии американского общественного сознания — «доспутниковой» и «спутниковой».

В настоящее время советологи и прочие антисоветчики чаще всего используют два аргумента для доказательства агрессивности Советского Союза: аргумент, так сказать, исторический и аргумент чисто идеологический. Суть их в том, что причину войн ищут в одном случае в исторически сложившихся особенностях национальной психологии, в другом — в некоторых особенностях идеологии. Между тем война есть продолжение политики иными средствами, а политика — это концентрированное выражение экономики, следовательно, корни войны надо искать не в сфере сознания, а в экономическом базисе общества. Но научная, диалектико-материалистическая детерминация социального феномена войны и присущих ей закономерностей советологами, как, впрочем, и всеми буржуазными идеологами, отвергается в пользу научно несостоятельных доводов.

Получилось так, что сперва буржуазные идеологи и политики пустили в ход идеологический аргумент: мирное сосуществование с Советской Россией невозможно только потому, что ее лидеры во внешней политике руководствуются марксизмом, а последний якобы предписывает организацию экспорта мировой революции военным путем.

Подобное истолкование марксизма не более как злонамеренная его фальсификация. Ни о каком экспорте револю-

---

¹ Killian I. R. Sputnik, Scientists and Eisenhower, p. 8.

ции В. И. Ленин и большевики не говорили и не думали хотя бы потому, что все это противоречит подлинно марксистскому, диалектико-материалистическому пониманию закономерностей исторического процесса. Правда, псевдореволюционный авантюризм был свойствен всякого рода антиленинским группировкам — «левым коммунистам», троцкистам и т. п., и их представители в те годы, не веря в возможность победы социализма в России, громко кричали о необходимости при помощи войны «зажечь пламя революции» во всем мире или, если это не удастся, «погибнуть с честью».

До сих пор советологи и прочие антисоветчики используют подобные лихие призывы для дискредитации миролюбивого внешнеполитического курса Советского государства, для клеветы на марксизм-ленинизм. Еще раз убеждаешься в том, что оппортунизм был и остается союзником империализма, незаменимым поставщиком антимарксистских и антисоветских выдумок, умело используемых антикоммунизмом в борьбе с подлинными революционерами.

Идеологический аргумент связан с так называемой тоталитарной моделью социализма, а исторический аргумент — с так называемой конвергентной моделью социализма, выработанными советологами.

Термины «тоталитаризм» и «тоталитарный» были впервые введены в политический лексикон Муссолини и его последователями, которые отождествляли их с фашистской системой¹. Уже в конце 20 — начале 30-х годов термин «тоталитаризм» стал широко использоваться в буржуазной политологии и публицистике для обозначения диктаторских режимов, в число которых наряду с фашистскими включалась и советская политическая система. Тоталитаризм изображался как полное подавление демократии, прав и свобод личности, интересы которой приносятся в жертву государству, как всевластие «правлящей элиты» и т. п. Бесспорно, отождествление фашизма — террористической диктатуры мо-

---

¹ См.: Развитой социализм и кризис «советологии», с. 85—86.

нополистического капитала с советским социалистическим строем представляет собой наиболее гнусную идеологическую провокацию XX в. «Тоталитаризм» в указанном смысле стал важной категорией всей буржуазной идеологии, причем главное его применение состоит в клевете на социалистическое государство, на социалистическую демократию. Но эта, с позволения сказать, категория почти лишена конкретного содержания. В речах Муссолини и идеологов итальянского фашизма словечко «тоталитаризм» служило исключительно целям политической демагогии и запугивания («свирепая тоталитарная воля фашизма», «тотальная концепция жизни» и т. п.). Для буржуазных критиков фашизма тоталитаризм был удобным словесным штампом, маскирующим действительное классовое содержание обозначаемого явления. Самое же главное заключается в том, что формальная абстракция тоталитаризма, искусственно объединяющая принципиально несовместимые социальные явления, служит целям антисоветской пропаганды и психологической войны империализма против реального социализма.

Если Советский Союз есть «тоталитарное государство», внешняя политика которого воинственна и агрессивна по причине агрессивности и воинственности марксистско-ленинского учения, то ничего, кроме военных столкновений с ним, Запад иметь не может.

«Конвергентная модель» исходит из более умеренных и трезвых оценок социализма, хотя также носит антисоветский, антикоммунистический характер. Она связана со «школой политического реализма», представители которой (Дж. Кеннан, Г. Моргентау) полагают, что не идеологические постулаты, а национальные интересы определяют политику суверенных государств. Применяя многофакторный анализ, они выводят национальный интерес из исторических традиций, географического положения, экономического и военного потенциала и т. п.

Применяется давно известная буржуазная социологическая теория факторов, пытающаяся объяснить ход истории

ческого развития как результат взаимодействия ряда «равноправных» факторов, среди которых наряду с культурой, моралью, религией фигурирует экономика и техника. При этом решающая роль отводится все же субъективным факторам, что и делает эту теорию разновидностью субъективного идеализма. Метафизический и идеалистический характер этой теории очевиден, как и ее буржуазно-апологетическая направленность. Географический фактор истолковывается в духе геополитики. Национальный интерес сводится к достижению либо региональной, либо мировой гегемонии чаще всего путем военной экспансии. Качественные отличия социалистического государства и его внешней политики от всего того, что прежде знала история, игнорируются. Социалистический интернационализм, дружба народов и т. п. объявляются идеологическим прикрытием прежней политики захватов и экспансии, которую проводила старая царская Россия.

«Конвергентная модель» предполагает, что любое социалистическое государство в своей политике исходит из собственных эгоистических национальных интересов и в этом смысле не отличается от любого буржуазного государства. Следовательно, отношения с ним могут строиться, как и с любым другим государством — быть мирными или враждебными и т. п. Более того, поскольку это государство не возникло в результате «козней дьявола» и не управляется «коммунистическими фанатиками» (как об этом твердят сторонники «тоталитарной модели»), то существует возможность целенаправленного воздействия на него. При помощи мер идеологического, политического и экономического характера вызывается цепь изменений в выгодном для Запада духе. Из таких или примерно таких предпосылок и исходят различные варианты теории конвергенции. Однако выдвинутое рядом ведущих буржуазных социологов (П. Сорокин, Т. Парсонс, У. Ростоу, Д. Белл) предположение о конвергентности социализма и капитализма, а затем и их слиянии в едином индустриальном обществе не подтвердилось на прак-

тике. Потерпела крах и политика «наведения мостов», имевшая целью так «разрыхлить» социализм, чтобы на подготовленной заранее почве дружно поднялись всходы капитализма. Примерно к середине 70-х годов основанная на методологии технологического детерминизма теория конвергенции отошла на второй план.

Взамен конвергентной изобретена новая — «кризисная модель социализма». В ней сконцентрированы все прежние и нынешние домыслы антикоммунистов о нежизнеспособности и неэффективности социалистической (прежде всего советской) системы хозяйствования и управления экономикой. Желаемое у недругов советского строя всегда выдается за действительное. С нетерпением ждали краха большевистского эксперимента, ждали провала политики индустриализации и коллективизации, ждали, что гитлеровская военная машина за 4—6 недель разобьет Красную Армию, ждали, что Советский Союз не сможет быстро восстановить разрушенное войной народное хозяйство, ждали, что США десятилетиями будут обладать монополией на атомное оружие и добьются мирового господства... Многого ждали антисоветчики, но так ничего и не дождались. А сейчас они ждут, что советская экономика не выдержит навязанной нам гонки вооружений, ждут обострения трудностей и краха советского общества.

Ждут, но не дождутся. «Социализм строился не в безвоздушном пространстве. Мы были вынуждены преодолевать ожесточенное сопротивление внутренней и внешней реакции, груз многовековых пережитков, предрассудков и привычек в сознании людей, отсталость и разруху. Нас пытались поставить на колени экономически, уничтожить физически, подвергали злобной травле. У нас были просчеты, неудачи, ошибки. По разным причинам не все удавалось свершить в тех формах, в те сроки и с теми результатами, как хотелось бы. Но мы одержали великие победы и достигли огромных высот социального прогресса»¹.

---

¹ Горбачев М. С. Живое творчество народа. М., 1984, с. 38—39.

И все же нельзя ставить на одну доску тоталитарную и конвергентную модели социализма. Различие между ними есть, и различие чрезвычайно существенное. Оно касается вопроса возможности мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социально-политическим системам. Если приверженцы конвергентной модели такую возможность признают и исходят из нее в своих расчетах, то сторонники тоталитарной модели ее отрицают и склоняются к мысли о неизбежности военного конфликта.

3.

ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ИСТОРИИ

Одним из главных аргументов советологов является миф об уходящей в глубь истории и коренящейся в самом психологическом складе нации агрессивности русских, при этом отождествляется внешняя политика русского царизма и миролюбивая внешняя политика Советского государства.

К числу таких советологов принадлежит небезызвестный Р. Пайпс. Автор многих специальных исследований по истории России, он был директором Русского исследовательского центра Гарвардского университета, а затем фигурировал в качестве консультанта Белого дома. Слава этого «специалиста» по русским и советским делам близка к геростратовской. Еще при администрации Картера была создана специальная группа по проверке данных ЦРУ о «советской военной угрозе». Группа, которую возглавил Пайпс, подтвердив лживую версию ЦРУ, пошла еще дальше в требования наращивать военные мускулы США. Именно Пайпс одним из первых сформулировал положение о том, что разрядка кончилась и что, если СССР не изменит своей политики, война против него станет неизбежной. Он фактически сформулировал ультиматум: «Советские лидеры должны будут выбирать — или менять свою коммунистическую систему в направлении, нужном Западу, или вступать в войну. Альтернативы у них нет».

Те же бредовые идеи Пайпс развивает в статье «Милитаризм и советское государство». В ней он пишет, что задался целью опровергнуть существующее на Западе мнение, будто Советский Союз с его историей, полной военных испытаний и тяжелых потерь, с его сложными внутренними проблемами вынужден вооружаться лишь из опасения вражеского нападения. Опыт истории, с которым считается каждый мало-мальски серьезный и объективный исследователь, для Пайпса не указ. По его словам, «приверженность насилию, давлению с позиции силы и главному инструменту этого — милитаризму является... главным в советском коммунизме, так же, например, как получение прибыли является главным в обществах, ориентированных на рынок. Это проистекает из русской истории, коммунистической идеологии и советских взглядов на характер будущей войны»¹.

Центр тяжести его аргументации лежит в доказательстве «агрессивности» марксизма-ленинизма и реального социализма. Милитаризм-де является частью исторической традиции, идеологии, частью самой политической и экономической структуры нашей страны. И это, дескать, делает бессмысленной политику разрядки. Пайпс выступает за массированную гонку вооружений в надежде, что Советский Союз ее не выдержит. «Эта цель не может быть достигнута без мощных и длительных усилий. Нет дешевых и легких путей заставить Советское правительство изменить направление своей политики»².

Пайпс, как очевидно, надеется на то, что США, опираясь на достигнутое военное превосходство, смогут в будущем диктовать свои условия нашей стране, изменять в нужном для себя направлении ее внешнюю политику и, более того, социальный строй. Или капитуляция, или уничтожение — такова каннибальская альтернатива, которую выдвигает Пайпс перед нашей страной. Однако разговаривать с Советским Союзом на языке угроз и диктата — дело совершенно бесперспективное.

¹ Daedalus, Boston, 1980, vol. 109, N 4, p. 1.

² Ibid., p. 10.

Сходную с Пайпсом позицию занимает другой идеолог суперястребов — научный сотрудник Гудзоновского института Калин Грей. Договориться о чем-либо с русскими якобы невозможно, так как они всегда стремятся получить односторонние преимущества. К этому их понуждает «национальный политический характер», отличающийся «коварством, жестокостью и подчинением силе». Поэтому СССР понимает только политику силы и, в свою очередь, всегда готов использовать ее против других. «Стратегическая культура, вытекающая из его истории, такова, что нет шансов на то, что Советский Союз будет сотрудничать с Соединенными Штатами в создании и поддержании стратегического баланса. Приверженность Советского Союза борьбе за достижение относительного превосходства (действительного или иллюзорного) настолько глубока, настолько рациональна по советским понятиям, что стабильность может быть навязана только с помощью силы»¹.

Поджигательских исторических сочинений, облаченных в псевдонаучную форму, но служащих целям психологической войны, на Западе появляется великое множество.

Периодически публикуются работы, посвященные несуществующему «завещанию Петра I», который будто бы внушал своим потомкам мысль о необходимости завоевать Средний Восток и даже выйти к Индийскому океану. Но большая часть советологических «исследований» рассказывает о мифических планах захвата всей Западной Европы Красной Армией в конце второй мировой войны, о современных планах выхода к Персидскому заливу, создания военных баз в Африке, Латинской Америке и т. д., наконец, о подготовке к третьей мировой войне, которую решили начать коварные русские. Так, например, Магнус Кларк в книге «Ядерное уничтожение Англии» рассматривает возможность и последствия изолированного ядерного конфликта между Англией и Советским Союзом. О «научности» его изысканий

---

¹ Daedalus, 1984, vol. 110, p. 113.

говорит выдвинутый в книге постулат об «агрессивности» Советского Союза, в основе которой, по словам автора, лежат национализм, экономическая необходимость, внутривнутриполитическая напряженность. Главная же причина агрессивности СССР — это марксистско-ленинская идеология, которая, «следуя своему злобному и иррациональному инстинкту мирового господства, просто не может не стремиться к захвату все новых земель»¹. Нарастивая свою военную мощь, Советский Союз, уверяет Кларк, «обладает достаточными возможностями, чтобы совершить нападение на Западную Европу и, если не вмешаются США, одержать победу»². Вывод Кларка — во имя «спасения» Англии и Западной Европы надо всемерно укреплять НАТО, уповать на мощь США как «державы-защитницы», «державы-спасительницы» западной цивилизации.

Лотар Рюль, западногерманский журналист, пользующийся репутацией видного эксперта по военно-политическим вопросам, в своем объемистом труде «Путь России к мировой державе» также дает весьма превратную картину истории нашей Родины, начиная с татаро-монгольского нашествия и до 80-х годов.

Трудно, конечно, считать Рюля историком. Многочисленные подтасовки и искажения фактов, причудливое сочетание крупниц правды с полуправдой, явной неправдой и примитивной фальсификацией — вся эта антисоветская политическая спекуляция, опрокинутая в прошлое, не произвела впечатления солидного исторического труда даже на буржуазно-либеральную критику в ФРГ.

Вместе с тем опус Рюля — типичный продукт современной буржуазной советологии, где пещерный антикоммунизм идет рука об руку с примитивной русофобией.

Не вдаваясь в подробный разбор многочисленных натяжек, передержек и вымыслов — на это потребовалось бы

---

¹ Clark M. The nuclear Destruction of Britain. London, 1982, p. 55.

² Ibid., p. 41.

немало места, — отметим лишь явную несостоятельность методологических предпосылок Рюля, ущербность его философско-исторической концепции.

Автор пытается ответить на вопрос о причинах превращения в прошлом отсталой России в мировую державу, обладающую бесспорным военным паритетом с США. Для этого надо было бы вскрыть движущие силы и основные тенденции русской истории, которые, разумеется, нельзя брать изолированно от хода всемирной истории, правильно оценить значение социалистической революции. Автор бесконечно далек от научного подхода к историческому процессу, он и слышать не хочет о существовании объективных законов общественного развития, о диалектике истории и тому подобных «догматических измышлениях» марксизма.

Историческая концепция Рюля далеко не оригинальна. Движущей силой русской истории он называет национальную психологию и волю государственных деятелей, причем и то и другое подвергается грубой фальсификации. Психология русской нации сводится к завоевательским инстинктам, к стремлению поработать окружающие нации и народы. «На протяжении четырехсот лет, с конца XVI в., в Москве со всей очевидностью проявляется национальный инстинкт распространения своей власти за пределы собственных границ, расширения сферы русского господства, завоевания чужих стран, подчинения чужих народов»¹.

С легкостью необычайной Рюль отождествляет внешнюю политику царской России с миролюбивой интернационалистской внешней политикой Советского Союза. Истоки советской государственности автор находит... в политике Ивана Грозного. Подробно описывая войны, которые вела царская Россия, и явно преувеличивая ее действительную роль и возможности, он приписывает ей стремление быть «всемирным вооруженным мессией». «На фундаменте этой идеоло-

---

¹ Ruehl L. Russlands Weg zur Weltmacht. Düsseldorf — Wien, 1981, S. 272.

гической цитадели Ленин после Октябрьской революции построил новую русскую универсальную державу — Советский Союз, наделив его мессианистской функцией провозвестника и поборника мировой революции»¹. Рюль уверяет, будто В. И. Ленин и руководимая им большевистская партия под новыми лозунгами продолжали завоевательскую политику Ивана Грозного, Петра I, Александра I и т. п.

Книга Рюля грубо искажает историю. Стремления к захватам, экспансии — общая черта эксплуататорских государств, и пальму первенства здесь держала отнюдь не царская Россия, которая к концу XIX в. все больше попадала в зависимость от империалистических держав Запада.

Беда «исторического труда» Рюля и ему подобных советологических сочинений в том, что их авторы запутываются в неразрешимых противоречиях. На эти противоречия, бесспорно, должен натолкнуться и над ними задуматься всякий, кто обладает хоть каплей здравого смысла. В самом деле, советологи пытаются прежде всего напугать людей «советской угрозой» и тем самым оправдать безумную гонку вооружений и агрессивные замыслы военно-промышленных комплексов стран НАТО. Советы безмерно вооружаются, они могут в один миг проглотить Европу, они рвутся к Персидскому заливу и т. д. и т. п.

Но, с другой стороны, советологи внушают мысль, что СССР — «колосс на глиняных ногах», что социализм — это искусственная, нежизнеспособная система, переживающая глубокий кризис, историческая аномалия, у которой нет будущего.

Но тогда возникают резонные вопросы: каким образом этот «колосс на глиняных ногах» может претендовать на мировое господство и почему надо так опасаться столь нежизнеспособной социальной системы? Почему царская Россия потерпела фактическое поражение в первой мировой войне, а Россия Советская во второй мировой войне выиграла

---

¹ *Ruehl L. Russlands Weg zur Weltmacht, S. 273.*

единоборство с гитлеровской Германией, опиравшейся на ресурсы почти всей Европы?

Или взять период гражданской войны и интервенции, о котором в книге Рюль говорится довольно подробно. Автор вынужден признать, что «государственно-политические достижения, продемонстрированные большевиками после всех их конспиративных и революционных успехов, трудно переоценить — они, без сомнения, относятся к области тех редких исключений, когда необычайные способности соединяются с необычайной удачей и ведут к успеху»¹. Причем условия, в которых этих успехов удалось добиться, были ужасны, замечает автор. «Ленин победил с помощью идеи, стратегии и организации. Он располагал монополией на все три инструмента»².

Казалось бы, в этом пункте Рюль близок к истине. Но, испугавшись исторической правды, он останавливается на полпути и не объясняет, что же это за идеи, что за стратегия и что за организация, на которые В. И. Ленин «обладал монополией». Более того, наш «историк» тут же заявляет, что крестьяне ни за что не хотели вплоть до конца гражданской войны идти в Красную Армию, на них нельзя было положиться, в большинстве своем они не хотели воевать. Но как тогда быть с «идеями, стратегией и организацией»? И как Красная Армия, раздетая, разутая, плохо вооруженная, солдаты которой к тому же «не хотели воевать», победила прекрасно вооруженные и экипированные странами Антанты белые армии, как большевикам удалось отбиться от интервенции 14 империалистических государств? Уж не считает ли Рюль, что читателям его книги не придут в голову эти резонные вопросы? И не сделают ли они закономерного вывода, что идеи В. И. Ленина поддерживались большинством трудящихся России, которые проявляли чудеса самоотверженности, героизма, стойкости в борьбе за новую,

---

¹ *Ruehl L. Russlands Weg zur Weltmacht*, S. 29.

² *Ibid.*, S. 30.

социалистическую родину с вооруженным до зубов противником. Чего Рюль и ему подобные не могут признать и никогда не признают, так это силу ленинских идей, правильность стратегии Коммунистической партии, преимущества социалистической организации общественной жизни.

Столь же тенденциозен и необъективен Рюль в оценке причин победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Определяющую роль в исходе войны, по его словам, сыграли «русская зима», «русские резервы, широта русских пространств и материальное превосходство западных держав»¹. Вот, собственно, и все.

Ни слова о героизме советских людей на фронте и в тылу, о партизанской войне, о превосходстве советской военной стратегии и тактики. Об этом в книге нет ничего, буквально ни слова, зато масса слов о коварстве и хитрости советского руководства и недалёковидности руководителей США и Англии, не воспрепятствовавших продвижению советских войск в глубь Европы.

А между строк книги Рюля явно проглядывается тоска по «утраченным победам» гитлеровского вермахта. «Имперскую внешнюю политику», политику агрессии и захватов вела не гитлеровская Германия, а Советский Союз — вот окончательный вывод фальсификаторской стряпни Рюля, которая, разумеется, не имеет никакого отношения к исторической науке, а являет собой типичный продукт психологической войны.

Есть, однако, факты, которые трудно отрицать даже профессиональным антисоветчикам. К их числу, бесспорно, относится ликвидация атомной монополии США в конце 40-х годов. Как пишет Рюль, «следует признать почти невероятным случаем во всей истории то, что страна, находящаяся в состоянии экономической слабости и технической отсталости, за несколько лет сумела повторить достижения гораздо более богатого, обладающего более развитой культурой,

---

¹ *Ruehl L. Russlands Weg zur Weltmacht, S. 100.*

наукой, техникой и промышленностью и к тому же не затронутого войной и несравнимо более могучего государства. Тем более что состязание это шло в такой основополагающей области, какой является многоаспектная технология производства новейших видов оружия»¹. В чем же причина этого «невероятного случая»? Если в масштабе всей экономики централизованное планирование оказалось несостоятельным, то в области производства вооружений оно увенчалось бесспорным успехом, утверждает Рюль.

Мнимая несостоятельность централизованного планирования и всей социалистической системы хозяйства — любимая идея Рюля, которую он, правда, никак не доказывает, ибо доказать ее невозможно. Конечно, Рюль не упускает случая посмаковать имеющиеся у нас в этой области трудности и недостатки, о которых мы знаем лучше всяких советологов и принимаем необходимые меры для их устранения. Внутренние источники и резервы социалистической системы хозяйства поистине неисчерпаемы.

Книга Рюля полна упражнений в клевете на советский социалистический строй, для которого якобы характерны «тотальное порабощение населения», «слабое развитие народного хозяйства», «застой жестко регламентируемой и контролируемой культуры», «подавление индивидуальности». «Все это стало русской традицией еще с середины XVI в., со времен Ивана Грозного»², — заявляет автор.

И опять же возникает вопрос: как может угрожать «западной цивилизации» такая малокультурная, экономически отсталая и традиционно недемократическая страна, как Россия? И если социалистический строй нежизнеспособен, то зачем прилагать такие титанические усилия для его сокрушения?

На все эти естественные вопросы Рюль предпочитает не отвечать, их существования он просто не замечает. Да и

---

¹ Rühl L. Russlands Weg zur Weltmacht, S. 158.

² Ibid., S. 277.

зачем утруждать себя! Можно извращать действительные факты, фабриковать несуществующие, противоречить самому себе на каждом шагу, — все сойдет, все будет опубликовано и оплачено. Существует социальный заказ империализма, и находятся тысячи рюлей, готовые этот заказ выполнить. О научной добросовестности, о простой человеческой порядочности можно начисто забыть. Фальсификация истории, низкопробная клевета на великий народ и великую революцию превратилась в ремесло, продукт антикоммунистического «ширпотреба».

Позиции, с которых подходят Пайпс, Рюль и подобные им советологи в оценке качеств русского народа и особенностей его истории, нельзя расценить иначе, как шовинистические и даже расистские. Да, это современный расизм в своеобразной антикоммунистической аранжировке. Агрессивность, жестокость, коварство и другие отрицательные качества приписываются целой нации, которая таким образом как бы исключается из числа подлинно цивилизованных наций и народов. Русские всегда-де были нацией варваров, лукавых рабов и коварных завоевателей, таковыми они остались и поныне. Советологи, выполняя заказ реакционных кругов международного империализма, стремятся вызвать всеобщую ненависть к русским только потому, что Россия стала родиной ленинизма, первой в мире страной, не пожелавшей жить по законам капитализма, страной, твердо противостоящей агрессивной политике империализма.

Между тем нет и не может быть агрессивных народов и наций. Проводят политику агрессии и разбоя, исповедуют и проповедуют идеологию великодержавия и национальной исключительности господствующие эксплуататорские классы — феодалы и капиталисты. Они же угнетают и одновременно развращают и собственные народы. «...Вся история капитала есть история насилий и грабежа, крови и грязи»¹, — писал В. И. Ленин в статье «О национальной гордости великороссов».

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 109.

Не составляла в этом отношении исключение и буржуазно-помещичья Россия, которую В. И. Ленин в той же статье назвал «тюрьмой народов». «Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы *особенно* ненавидим *свое* рабское прошлое... и свое рабское настоящее»¹, — писал В. И. Ленин в 1914 г. Но «мы полны чувства национальной гордости, — продолжал он, — ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм... И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий»².

На развалинах старой «тюрьмы народов» возникло именно такое государство, о котором мечтал великий вождь революции. Так что нам нечего стыдиться своего прошлого. Для того чтобы разбить эту тюрьму, отстоять свою свободу и независимость, рабочий класс, трудящиеся нашей страны не жалели ничего.

Антикоммунисты-советологи пытаются изобразить царскую Россию тем, чем она никогда не была и не могла быть: державой, стремящейся к мировому господству. На самом деле Россия душила свободу Польши, Венгрии и т. п., но о мировом господстве русские императоры никогда не помышляли. И уже во второй половине XIX в. Россия утрачивает свои позиции великой державы. Александр III даже продал Аляску США в ~~силу~~ силу ее отдаленности и «ненужности» за сметворную сумму.

Россия никогда не имела намерений поработить Европу, захватить, к примеру, Францию или Германию. Но с претен-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 108.

² Там же, с. 107—108.

дентами на мировое господство из этих стран ей дело пришлось иметь. С претендентами на глобальную гегемонию, с попытками навязать миру «американскую модель» цивилизации мы ныне сталкиваемся не только в теории, не только в сфере идеологии и пропаганды, но и на попроще реальной политики.

Может быть, стоит задуматься над тем, что сейчас Советский Союз и содружество братских социалистических государств своим мужеством и принципиальностью, ценой немалых усилий и жертв вновь спасают человечество от угрозы порабощения и гибели в пламени термоядерной войны.

Говоря об этом, о фактах истории и фактах современности, мы вовсе не хотим подчеркнуть какую-то исключительность судьбы России, уникальность ее исторического опыта. Нам, сторонникам научного, материалистического понимания истории, кажутся смешными и вздорными сентенции наподобие той, что «бог вручил Америке судьбу пострадавшего человечества». Ни в какую такую мистическую судьбу и провиденциальное предначертание отдельных стран мы не верим.

Мы верим в исторический прогресс, необходимое осуществление объективных законов общественного развития, в решающую роль народных масс в истории. Идею об исключительности, «богоизбранности» России русские коммунисты считают идеалистической и реакционной.

Подлинное величие истории нашей Родины в том, что важнейшая закономерность современной эпохи — необходимость революционного перехода от капитализма к социализму — нашла в ней первое и наиболее адекватное воплощение. Русский образец — это, разумеется, не шаблон, а выражение тех общих закономерностей эпохи, которые обязательны для всех стран и народов.

Об уникальности, неповторимости, исключительности судьбы России говорили в свое время многие российские деятели от монархистов до славянофилов и народников. Примерно то же самое, хотя и по другому поводу и в совершенно

иных условиях, заявляют наши идеологические противники, начиная от ярых антикоммунистов, кончая реформистами и ревизионистами. Они с настойчивостью, достойной лучшего применения, твердят, что ленинизм есть чисто русское явление, непригодное для высокоразвитых индустриальных стран с демократическими традициями. А все, что случилось в России после октября 1917 г., представляет собой случайный каприз, зигзаг истории единственный в своем роде, уникальный образец, который ни в чем не найдет своего повторения и продолжения.

Реальный опыт истории опрокидывает эти доводы. Социализм давно уже вышел за пределы одной страны и превратился в мировую систему.

Распространены на Западе и более тонкие виды советологии, чем те, которые представлены сочинениями Пайпса и Рюля. Есть и такие, в которых признаются определенные, прежде всего научно-технические, культурные и даже социальные, успехи Советского Союза, но тут же говорится о «слишком большой цене», которую пришлось заплатить народам нашей страны за построение социализма. При этом наши идеологические противники, откровенные и прикровенные недоброжелатели — от советологов до ревизионистов и ренегатов — проливают крокодиловы слезы по поводу тех лишений и страданий, которые выпали на долю советских людей. Однако цена несколько не выше того результата, который достигнут нашим народом — первопроходчиком социализма, строителем новой, коммунистической цивилизации. Этим «гуманистам», пекущимся о «благое русского народа», хотелось бы видеть нашу страну старой буржуазной Россией, придатком мирового империализма, все более отстающей в своем развитии от передовых индустриальных держав мира. Конечно, со старой — нищей и отсталой Россией кое-кому жилось бы проще и легче. Но можно спросить: а кто бы тогда сокрушил гитлеровскую военную машину и спас человечество от фашистского порабощения? И кто бы ныне противостоял проискам агрессивного империализма и служил гаран-

том мира на планете? Вопросы эти отнюдь не риторические. Впрочем, история уже на них ответила.

Особо следует сказать о такой форме антисоветизма, которая, прикрываясь объективностью, критикует «обе сверхдержавы», но критикует таким образом, что главное зло в мире и основная угроза войны приписываются Советскому Союзу.

Вот один из примеров. В книге «К новой холодной войне» Г. Чомски критикует милитаристскую политику США, правильно отмечая, что нагнетание антисоветской истерии является стандартным приемом, с помощью которого официальный Вашингтон пытается решать целый комплекс внешнеполитических задач, никак не связанных с деятельностью СССР на международной арене. Впервые этот прием был, по мнению автора, использован в 1947 г., когда, провозгласив доктрину Трумэна, правительство США с помощью возбуждения страха перед СССР («шоковая терапия») создало предлог для собственной военно-политической экспансии, изобразив ее как контрмеру против «экспансии Москвы»¹.

Все это, разумеется, верно. Но автор далее бездоказательно утверждает, что гонка вооружений столь же выгодна и Советскому Союзу и что «обе сверхдержавы» угрожают всеобщему миру, подрывают мировую экономику².

Причиной возрождения новой «холодной войны» автор называет обоюдную заинтересованность двух «сверхдержав» в ее существовании как средства контроля над союзниками, удержания влияния в своих сферах господства, мобилизации общественного мнения у себя дома. Доказательств в подтверждение тезиса о заинтересованности Советского Союза в гонке вооружений и «холодной войне» Чомски не приводит, да и не может привести, поскольку их просто не существует.

---

¹ Chomsky H. Towards a new Gold War. London, 1982, p. 17.

² Ibid., p. 160.

Секрет буржуазного антисоветского объективизма прост. Критикуется вроде бы и та и другая «сверхдержава». Но дается понять, что «демократический Запад» может измениться в лучшую сторону (например, к власти в США придет более разумный и уравновешенный президент). А вот «тоталитарный строй» в СССР неисправим. Он остается вечным источником зла и угрозой для мира и демократии на планете. К сожалению, концепцию о «равной угрозе», исходящей от двух «сверхдержав», разделяют еще многие искренне стремящиеся к миру, но обманутые антикоммунистической пропагандой люди на Западе.

Без решительного разоблачения советологии нельзя вести успешную борьбу с антикоммунизмом.

4.

ИСПОЛЬЗУЯ НАЦИОНАЛИЗМ

Стремясь внедрить антисоветизм буквально в глобальном масштабе, империалисты широко используют национализм. При помощи национализма буржуазия борется против пролетарского интернационализма.

Расчет прежде всего состоит в том, чтобы подорвать интернациональное единство трудящихся, изолировать КПСС и Советский Союз на международной арене, ослабить братские узы дружбы между социалистическими странами, противопоставить их друг другу и Советскому Союзу.

Всевозможными посулами, экономическими подачками, лестью и прочими коварными приемами империалисты стремятся разобщить социалистическое содружество, вырвать из него одну страну за другой.

Одна из главных задач империализма состоит в том, чтобы подорвать или в крайнем случае осложнить, затормозить процесс экономической интеграции социалистического содружества, который служит ускорителем динамичного развития каждой страны в отдельности и всего содружества в целом. Всеми средствами буржуазная пропаганда пытается внушить,

будто развитие экономической интеграции противоречит национальным интересам отдельных стран, ведет к их зависимости от Советского Союза, мешает нормальным связям с Западом.

На деле социалистический интернационализм выступает как могучая, действенная сила общественного прогресса.

Как подчеркивается в заявлении, принятом на Экономическом совещании стран — членов СЭВ на высшем уровне, состоявшемся в Москве в 1984 г., в 70-е годы страны социалистического содружества существенно упрочили свой экономический и научно-технический потенциал, обеспечили стабильный рост народного благосостояния. Став более глубоким и многогранным, взаимодействие братских партий способствовало значительным успехам в строительстве социализма и коммунизма.

Опыт и практика стран — членов СЭВ убедительно демонстрируют свойственные социализму коренные преимущества перед капитализмом, такие, как социальное и национальное равноправие, планомерное развитие общества, уверенность в будущем, постоянная забота о человеке и всестороннее развитие личности, говорится в заявлении. На этой основе обогащается социалистический образ жизни, развивается политическая система социализма, совершенствуется социалистическая демократия, на деле гарантирующая человеку самые широкие права и свободы¹.

Эти успехи доказывают жизненную силу реального социализма, его превосходство над капитализмом, неспособным избавиться от глубоких экономических кризисов и социально-экономических потрясений.

Антикоммунисты изображают социалистический интернационализм как изжившую себя «идеологическую схему» и «политический миф», а усилия Советского Союза в деле развития и укрепления социалистического содружества — как проявление «великодержавного гегемонизма». Но это грубая клевета.

---

¹ См.: Правда, 1984, 16 июня.

Социалистический интернационализм, исходящий из принципов марксизма-ленинизма, воплощается в качественно новый тип международных отношений. Здесь нет места таким явлениям, обычным для капитализма, как господство и подчинение, раздел сфер влияния и, наконец, прямой или замаскированный экономический грабеж.

В системе отношений социалистического интернационализма действуют иные законы, царят принципиально другие нравы. Это отношения товарищества и взаимовыгодного сотрудничества. Это бескорыстная помощь и самоотверженная поддержка тех, кто отстал.

В свое время центральные районы России оказали помощь национальным республикам, бывшим угнетенным и крайне отсталым окраинам царской России. Оказали, отрывая от себя иногда самое насущное. Это был интернациональный подвиг русского народа, русского рабочего класса, потребовавший немалых усилий и жертв во имя того, чтобы помочь другим народам преодолеть тысячелетнюю отсталость. Ныне бывшие царские колонии стали процветающими социалистическими республиками, не уступающими, а кое в чем, возможно, и превосходящими центральные районы страны. Пусть хотя бы одна из бывших капиталистических метрополий похвастается, что ей удалось помочь своим бывшим колониям достичь собственного уровня развития. Таких примеров нет.

Идеологию антисоветизма империализм пытается перенести на советскую территорию. Буржуазная пропаганда стремится подорвать веру в незыблемость и справедливость советского строя, в историческую правоту нашего дела. Она всячески раздувает националистические настроения, вынашивает замыслы, направленные на подрыв дружбы народов нашей страны, мечтает, чтобы у нас появились целые «нации-диссиденты». Культивация антирусских настроений, русофобия — составная часть этой политики. Антисоветизм смыкается в этом случае с буржуазным национализмом и используется империализмом в целях «разрыхления» и развала социализма.

Национальной тематике посвящается почти 40% всех публикаций рупора американских антикоммунистов — журнала «Проблемы коммунизма», начиная с его первого номера, вышедшего в 1952 г. Примерно такова же доля этой тематики и в других антикоммунистических изданиях и в радиопередачах различных «голосов» на Советский Союз. Эта цифра говорит сама за себя.

Антикоммунисты пытаются культивировать националистические предрассудки и стремятся превратить их в орудие подрыва советской государственности и дружбы народов нашей страны. Под обстрел берутся те закономерности развития социализма, которые ведут к интернационализации всех сторон жизни общества. Само существование и тем более успешное функционирование новой исторической общности — советского народа подвергается сомнению или выдается за результат политики русификации. Отрицается и тот очевидный факт, что общесоветские и национальные интересы не противоречат у нас друг другу, что все нации и народности не только сохраняют, но и успешно развивают лучшие национальные традиции, язык, культуру, что происходит диалектический процесс взаимодействия и взаимообогащения всех национальных культур, развитие культуры общесоветской.

Русский язык, как язык межнационального общения, становится на деле вторым родным языком многих миллионов советских граждан нерусской национальности. В выигрыше от этого все советские люди. Расул Гамзатов не перестал быть аварским поэтом от того, что его стихи, переведенные на русский, стали известны и любимы многими миллионами советских людей. Благодаря этому они стали доступны для многих народов земного шара. Расул Гамзатов стал победителем Международного конкурса поэзии.

На родине поэта в Дагестане, где живет неполных 2 млн. человек, имеется одиннадцать официальных языков, закрепленных в Конституции республики, на всех этих языках выпускаются газеты и книги, ведутся передачи по радио и телевидению, а между тем до Октябрьской революции многие

народы страны вовсе не имели собственной письменности. И все это начисто лишённые элементарной честности советологи и пираты современного эфира называют русификацией и подавлением национальной самобытности! Говорят и пишут всю эту галиматью люди, находящиеся на содержании у империализма, жестоко угнетающего и подавляющего национальные меньшинства в своих странах. В США, например, куклуксклановцы до сих пор линчуют негров, обречены на вымирание аборигены континента — индейцы и эскимосы.

Все сказанное лишь отчасти характеризует антисоветизм, который находит свое воплощение буквально во всех пропагандистских акциях антикоммунизма, пронизывает и стратегию и тактику психологической войны.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА — ОРУДИЕ АНТИКОММУНИЗМА

Особое место в арсенале воинствующего антикоммунизма занимает так называемая психологическая война. Хотя исследователи этой проблемы находят зачатки психологической войны еще в античные времена, все же в собственном смысле она является порождением эпохи империализма.

1.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА И БУРЖУАЗНАЯ ПРОПАГАНДА

Психологическая война представляет собой систему мероприятий, проводимых идеологическими и политическими институтами, средствами массовой информации, разведывательными службами капиталистических государств в целях разложения и деморализации противника, т. е. прежде всего населения социалистических стран. Важнейшая составная часть психологической войны — идеологическая диверсия, или специальная акция, осуществляемая вопреки нормам международного права, в нарушение законов и обычаев соответствующих государств¹.

---

¹ Критический анализ психологической войны и буржуазной пропаганды дается в следующих работах: *Скворцов Л. В.* Об особенностях кризиса современной буржуазной идеологии. М., 1970; *Техника дезинформации и обмана.* М., 1978; *Артемов В. Л.* Правда о неправде.

Как считает В. Л. Артемов, в широком смысле слова психологическая война есть система действий, связанных с непрерывным, всесторонним, скоординированным и целенаправленным использованием разнообразных средств (от пропаганды экономического, дипломатического и иного давления до разведывательно-диверсионных актов и военных операций), способных оказать психологическое воздействие на противника, вынуждая его предпринимать шаги, выгодные ее организаторам. В узком смысле слова психологическая война — это тип или доктрина пропаганды, имеющей широкое применение в капиталистическом мире и «ставящей в качестве своей цели не только изменение взглядов и воздействие на сознание пропагандируемых, но и создание политических и психологических ситуаций, призванных вызвать желаемые формы поведения населения, его отдельных групп, даже правящих кругов данной страны»¹.

Психологическая война предполагает целенаправленное воздействие не только на социально-психологический, но и на идеологический уровень общественного сознания. Объектом ее являются эмоции, идеи, а также поведение человека. По словам Д. А. Волкогонова, диверсионная деятельность империализма в области общественного сознания определяется им обычно как психологическая война и является специфической сферой духовной борьбы. Она находится на грани, стыке с теми подрывными действиями, которые осуществляют ЦРУ, другие многочисленные разведслужбы США, их союзников по НАТО, а также специальные формирования².

Конкретизируя понятие психологической войны, П. Н. Федосеев включает в него также дипломатическое и иное давле-

---

М., 1983; Кейзеров Н. М. Идеологические диверсии. М., 1979; Ермошкин Н. И., Мова Е. Н. Духовный колониализм. М., 1981; Об искусстве полемики. М., 1982; Волкогонов Д. А. Психологическая война. М., 1983; Биккенин Н. Б. Социалистическая идеология. М., 1978, 1983.

¹ Артемов В. Л. Психологическая война в стратегии империализма. М., 1983, с. 7.

² См.: Волкогонов Д. А. Психологическая война. М., 1983, с. 6.

ние, разведывательно-диверсионные акты и провокации, военные маневры и локальные вооруженные операции, рассчитанные на демонстрацию силы и соответствующее воздействие на сознание и поведение граждан социалистических государств. «Отсюда ясно, что «психологическая война» носит противоправный характер, поскольку связана с вмешательством во внутренние дела социалистических стран, нацелена на расшатывание и ниспровержение их государственного и общественного строя. Именно поэтому она является формой подрывной деятельности, а не идеологической борьбы»¹.

Понятия «пропаганда» (в буржуазном ее понимании) и «психологическая война» хотя и близки, но не тождественны. Пропаганда есть одно из главных, но не единственное оружие психологической войны, в свою очередь пропаганда (буржуазная) не всегда ведется методами психологической войны.

При всем многообразии определений понятия «пропаганда», которые существуют в буржуазном обществоведении, неизменно выделяются такие ее особенности — пропаганда есть средство манипулирования сознанием и поведением людей, форма власти над массами, которая достигается средствами «социальной технологии», психологической обработки и внушения. Известно, что в США проводятся эксперименты по «модификации поведения» при помощи средств фармакологии, электротерапии, хирургии и т. п. с целью изменить психику и поведение отдельного человека и целых социальных групп в заданном направлении. Однако главные усилия направлены все же на использование механизмов социальной психологии, средств массовой коммуникации и других методов манипулирования людьми. И главную роль в этом играет пропаганда.

Различают «белую», «серую» и «черную» пропаганду. «Белая» пропаганда существует легально: пропагандист обращается к аудитории от собственного имени. «Серая» пропа-

---

¹ Федосеев П. Н. Империалистическая агрессия и «психологическая война». — Правда, 1984, 10 сентября.

ганда осуществляется через подставные организации; «черная» пропаганда ведется от имени своего противника, но во вред ему. Этот особо гнусный вид пропагандистской контрбанды также довольно широко применяется в ходе психологической войны¹.

На Западе наиболее распространены манипуляционные теории пропаганды. Как утверждает признанный знаток этого вопроса М. Чукас, «пропаганда — это контролируемое распространение сознательно искаженных представлений с целью побудить людей к действиям, отвечающим заранее наменным целям заинтересованных групп»².

Буржуазия обладает внушительным опытом идеологического и психологического подавления трудящихся, мощным и технически оснащенным пропагандистским аппаратом, многочисленными кадрами теоретиков и практиков пропаганды, обращенной как к населению собственной страны, так и за рубежом. Выделяют следующие звенья механизма империалистической пропаганды:

1. Средства массовой информации (радио, телевидение, периодическая печать, информационные агентства).

2. Государственные ведомства и учреждения, занимающиеся внешнеполитической пропагандой, например ЮСИА — специальный орган по «информации и культурному обмену» при госдепартаменте США.

3. Научно-исследовательские институты, центры, журналы, кафедры в университетах и т. п. разрабатывающие как

---

¹ Примером «черной» пропаганды может служить фабрикация подложного номера советской газеты «Красная звезда» в начале 1984 г. во Франции. Фальшивка, лишь внешне похожая на центральный печатный орган Министерства обороны СССР, была напечатана всякого рода вымыслами, порочащими честь и достоинство советских воинов. Это можно характеризовать как идеологическую провокацию, организованную антикоммунистическими кругами с целью нагнетания международной напряженности. К провокациям подобного рода широко прибегали гитлеровцы в годы второй мировой войны, особенно на советско-германском фронте.

² Choukas M. Propaganda Comes of Age. Washington, 1965, p. 55.

сами антикоммунистические идеи, концепции, так и приемы, методы их пропаганды.

4. Всякого рода неправительственные, частные организации — комитеты, фонды, центры и т. п. Примером может служить Фонд Форда и Комитет по существующей опасности в США. Сюда же следует отнести идеологические службы буржуазных партий и реакционных профсоюзов, например АФТ — КПП в США.

5. Пропагандистские службы в составе международных организаций, например НАТО.

«Если представить структуру пропагандистского аппарата США в виде пирамиды, то в основании ее — монополистические, транснациональные объединения. Они владеют основными газетами, журналами, издательствами, радио- и телевизионными станциями, типографиями, получают и предоставляют основные рекламные средства, без которых не может существовать ни одно западное издание, ни одна радио- и телевизионная станция.

На вершине пирамиды — правительственный аппарат. В него входят представители не только крупных компаний и корпораций, но и те, кто выполняет функции «управления новостями», регулирования потоками информации и прямых рекомендаций»¹.

Весь этот многоголосый хор направляется из одного центра, подчиняясь определенной программе. Эта особенность буржуазной пропаганды была вскрыта В. И. Лениным: «Там дирижирует международный капитал способом, менее заметным, чем дирижерская палочка, но, что это один оркестр — это из любой цитаты вам должно быть ясно»².

Наше время не без основания называют временем «информационного взрыва». И в самом деле, 2 млрд. человек ежедневно собираются у экранов 500 млн. телевизионных

---

¹ *Замятин Л. М.* Идеологическая борьба и вопросы мира. М., 1984, с. 86.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 139.

приемников. Работает 1,3 млрд. радиоприемников, издается 8200 ежедневных газет общим тиражом около 450 млн. экземпляров.

Однако средства информации распределены в несоциалистической части мира крайне неравномерно. Огромное большинство средств массовой информации монополизировано и находится в руках ничтожной кучки магнатов капитала или буржуазного государства. 50 крупнейших монополий США и отчасти Англии контролируют треть ежедневных газет, а также теле- и радиопрограмм, которые принимают 150 млн. телевизоров и 300 млн. радиоприемников. Они же контролируют значительную часть международной телеграфной информации. 80% общего тиража английских газет контролируется лишь четырьмя концернами. В этих условиях совсем несложно планировать и координировать идеологические диверсии и другие акции психологической войны в масштабе целой группы ведущих буржуазных государств.

Монопольное положение на рынке информации в капиталистическом мире занимают четыре крупнейших телеграфно-информационных агентства: Ассошиэтед Пресс и Юнайтед Пресс Интернэшнл (США), Рейтер (Англия), Франс Пресс (Франция). США контролируют 75% телевизионных программ и 65% информационных сообщений в несоциалистической части мира. На долю развивающихся стран, где проживает 70% населения планеты, падает всего 5% телевизоров, 18% радиоприемников и 17% общего тиража газет, выходящих в мире. На Африку, где проживает 11% населения земли, приходится 1,1% мирового тиража газет, менее 2% тиража книг и т. д.

Такое положение дел справедливо называют информационным колониализмом. За ликвидацию засилья империализма в области массовой информации все настойчивее борются народы и правительства многих развивающихся стран. Эта борьба неотделима от борьбы против неоколониализма во всех его проявлениях, за справедливый экономический порядок, национальную независимость и суверенитет.

Даже отдельные буржуазные ученые выступают против информационного империализма и колониализма. Так, американский социолог Г. Шиллер убежден в манипулятивном, тоталитарном характере всего информационного аппарата США, его полном подчинении интересам корпораций и правящей верхушки. Манипулятивная информация производится в огромном количестве. Понять механику информационной деятельности буржуазного государства можно, только уяснив зависимость государственного аппарата от той экономической системы, которую он обслуживает, т. е. «развитой корпоративной системы». Автор показывает, как тесная связь государства с «частной корпоративной экономической системой» находит свое выражение в структуре и функционировании образовательно-научно-коммуникационного сектора, для которого особенно характерно взаимное переплетение интересов бизнеса и правительства. Информация, производимая государственными учреждениями, подчинена требованиям и целям корпоративной экономики, а административный аппарат государства почти неотделим от руководящей частнособственнической верхушки коммуникационного сектора.

Государственная информационная деятельность, указывает автор, направлена на поддержку частной экономики и национальной военной мощи. «Господствующие интересы государственно-капиталистической экономики определяют характер информационного потока и контроля за ним»¹. Эта связь просматривается в сферах информационной деятельности государства. Правительство США выступает как пропагандист на международной арене. Автор подробно характеризует деятельность ЮСИА — Информационного агентства США, представляющего собой огромный комбинат лжи. Правительство выступает как манипулятор и пропагандист внутри страны, осуществляя постоянный контроль над огромным информационным потоком. Неинформированность широких кругов американской общественности, в том числе и конгресса,

---

¹ Schiller H. The Mind Managers. Beacon Press, 1973, p. 44.

является одним из эффективных инструментов контроля и внутри самого правительства США.

Автор делает вывод о том, что главными потребителями и опорой информационной системы в США являются, во-первых, гигантские корпорации с их рыночными потребностями, во-вторых, военное министерство и, в-третьих, расширяющаяся национальная бюрократия. В этих условиях, замечает он, «национальный коммуникационный поток едва ли будет функционировать в интересах общества»¹.

В океане бесцельного, сенсационного и банального материала, по словам автора, плавают обрывки жизненно важной информации, которые остаются необнаруженными среди рекламы и других видов информационного загрязнения.

Как замечает Шиллер, «главным и беспрецедентным является тот факт, что информационный контроль становится частью национальной политики. Способы идейной обработки служат инструментами для организации поддержки действий правительства (или, по крайней мере, безразличного отношения к ней)»².

2.

СОДЕРЖАНИЕ И ЦЕЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Правящие круги США рассматривают психологическую войну как важнейшую составную часть своей глобальной военной политики. Вскоре после окончания второй мировой войны вдоль границ СССР и других социалистических государств наряду с военными базами стали спешно сооружаться радиотрансляционные установки для ведения психологической войны. Цели этой войны практически никогда не скрывались: речь шла о «дестабилизации коммунистических режимов», об изменении внутреннего строя социалистических и развивающихся государств в угодном для империализма направлении.

¹ Schiller H. The Mind Managers, p. 186.

² Ibid., p. 168.

Весьма откровенно об этом в свое время говорил один из руководителей «Голоса Америки» Ф. Николайдес: «Необходимо признать, что мы — и это понимают во всем мире — пропагандистское агентство, а пропаганда — это своего рода реклама. Поэтому задача «Голоса Америки» состоит в том, чтобы «продавать свой товар». А это предполагает нечто большее, чем одно только убеждение. Это затрагивает и эмоции тоже».

В том, что идеология тесно связана с социальной психологией, эмоциями, нет, конечно, ничего нового. Весь вопрос в том, какие эмоции стремится возбудить тот же «Голос Америки» или, выражаясь на торгашеском языке его руководителей, какой предлагается «товар». Ответить на этот вопрос нетрудно: свойства «товара» таковы, что они наносят ущерб потребителю к явной выгоде продавца. Это — ложь, клевета, дезинформация, провокационные слухи, подстрекательство, возбуждение паники, идеологические диверсии и другие акции, направленные на морально-политическое подавление и разложение противника. Это отнюдь не честная борьба идей, не столкновение различных мировоззренческих принципов, не поиск истин, а действительно война с применением самых коварных и бесчестных приемов.

Задачи «Голоса Америки» и других пропагандистских средств вовсе не сводятся к идейной борьбе, о чем совершенно откровенно поведал тот же Николайдес: «Мы должны стараться дестабилизировать Советский Союз и его сателлитов, способствуя разладу между народами и правителями... Нам следует постараться вбить клин в виде недовольства и подозрительности между руководителями различных стран коммунистического блока. Мы должны раздувать пламя национализма... Нам следует поощрять возрождение религиозных чувств за железным занавесом». Это язык не борцов за истину, ревнителей демократии и прав человека, а жаргон идеологических диверсантов, не гнушающихся никакими, даже самыми аморальными, средствами.

В 80-х годах ультрареакционные силы в США и других странах НАТО развернули невиданную по своим масштабам

психологическую, или, как они сами иногда говорят, «психополитическую», войну против реального социализма, международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, против всех, кто выступает за мир и разрядку. Но главный удар направляется против Советского Союза, стран социалистического содружества.

Антикоммунисты боятся честного соревнования с социализмом, они стремятся к конфронтации с ним, ратуют за «право» Запада открыто вмешиваться во внутренние дела стран социалистического содружества с целью изменения существующего в них строя.

«Мы находимся в состоянии войны с Советским Союзом», — заявил 23 октября 1981 г. директор Управления по международным связям США (УМС) Чарльз Уик¹. И лишь позднее под напором обескураженных журналистов он уточнил, что имел в виду «войну идей». Но ближе к истине руководитель пропагандистского ведомства США был в первом случае. Речь идет не о борьбе идей, а о грубейшем вмешательстве во внутренние дела суверенных государств, что противоречит общепринятым нормам международного общения, которые зафиксированы не только в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, но и обязательствами о невмешательстве во внутренние дела, принятыми при установлении дипломатических отношений между нашими государствами в 1933 г.

Денег на содержание главного инструмента психологической войны — Информационного агентства США не жалеют. На 1984 финансовый год администрация запросила и получила у конгресса 711,4 млн. долларов (на 113,8 млн. долларов больше, чем в 1983 г.). Только на «техническую модернизацию» «Голоса Америки» предполагается истратить в течение пяти лет 1 млрд. долларов. «Голос Америки» вещает на 42 языках, используя для этого 107 передающих станций в

---

¹ УМС — так с 1977 по август 1982 г. именовалось ЮСИА — Информационное агентство США.

разных частях планеты. Но и этого дирижерам и организаторам психологической войны кажется мало. Втрое увеличилось время вещания на Польшу, активизируется вещание на Афганистан, Индию, страны Ближнего Востока и Африки.

Тон в клеветнических антисоветских кампаниях задают руководящие деятели американской администрации. Так, например, в октябре 1982 г. в госдепартаменте состоялась конференция по проблемам «демократизации в коммунистических странах». Впервые дипломатическое ведомство США открыто собирало, субсидировало и ориентировало на враждебные действия против стран, с которыми Вашингтон поддерживает нормальные дипломатические отношения, бывших граждан этих стран, вроде выдворенного из СССР уголовника Буковского. Обращаясь к ним, госсекретарь Дж. Шульц сказал: «Мы ждем от вас руководящих указаний и творческих идей. Президент и я сам жаждем выслушать ваши рекомендации». Оратор назвал этих отщепенцев «апостолами надежды — провозвестниками новой эры демократии» и обязался оказывать им всяческую помощь. Главное внимание на конференции было уделено в первую очередь проблеме координации антисоциалистических сил вне и внутри стран социализма. Обсуждались мероприятия по оказанию официальной поддержки этим силам со стороны США и их союзников на международных форумах, по активизации психологической войны против социалистических стран с помощью подрывного радиоцентра ЦРУ «Свобода» — «Свободная Европа» (РС — РСЕ).

ЮСИА и ЦРУ пытаются найти пути подрыва социалистического строя. Активное участие в достижении указанной цели принимают спецслужбы стран НАТО, в частности известный своим антикоммунизмом «Германский политический фонд» (ФРГ), пропагандистские службы международного сионизма, а также такие давно опекаемые ЦРУ учреждения, как «архив Самиздата» (филиал РС — РСЕ), парижский польский эмигрантский журнал «Культура», многочисленные реакционные эмигрантские организации.

Особая роль предназначается «диссидентам» вне и внутри социалистических стран. В 1975 г. ЦРУ провело в Женеве первое совещание бежавших из них отщепенцев. Обсуждались возможности проведения в этих странах подрывной деятельности по «демократизации» социализма под предлогом «защиты прав человека». Некоторые из женевских подопечных ЦРУ активно действовали в ходе последующих событий в ПНР.

Еще в 1981 г. в США был разработан план антисоветской подрывной пропаганды и идеологических диверсий, названный (перл лицемерия и ханжества!) проектом «Истина».

Две главные задачи «проекта»: во-первых, создать «правильное представление о Соединенных Штатах и их внешней политике», которая якобы направлена исключительно на сохранение мира, и, во-вторых, противодействовать советской пропаганде, распространяя сведения о «советской угрозе». Заметно возрос поток клеветнических измышлений о советском общественном строе, образе жизни советского народа, злонамеренно фальсифицируется история СССР.

Для осуществления этого «проекта» были брошены все наличные ресурсы и средства: радиостанции, телевидение, газеты и журналы, центры печати за рубежом, используется также культурный обмен, международный туризм.

Идейно-психологическое обеспечение планов на достижение военного превосходства США — такова, бесспорно, главная цель и проекта «Истина», и всей деятельности американских пропагандистских служб. Дезинформировать общественное мнение, оклеветать борцов за мир, сбить нарастающую волну антиядерного движения — вот к чему стремятся руководители пропагандистской машины США. В рамках проекта «Истина» была распространена изготовленная Пентагоном фальшивка «Советская военная мощь».

В ходе объявленного президентом США антикоммунистического «крестового похода» в начале 1983 г. была выдвинута еще одна пропагандистско-диверсионная операция — «Программа демократии» — плод совместных усилий ЦРУ,

ЮСИА, Совета национальной безопасности и госдепартамента США. Главная цель программы — дестабилизация государственного и общественного строя в социалистических странах, дискредитация внешнеполитического курса СССР и его союзников. Был подписан законопроект о выделении 62,6 млн. долларов по бюджету 1984 финансового года на нужды «национального фонда в поддержку демократии». Эти средства направлены на финансирование за рубежом деятельности проамериканских политических партий, подкуп средств массовой информации, профсоюзных, религиозных и иных деятелей, которые действуют в нужном Вашингтону духе. Осуществляется подготовка и обучение в американских учебных заведениях иностранной молодежи, с тем чтобы продвигать ее на руководящие должности в тех странах, куда молодые люди вернутся после американского инструктажа.

На развивающиеся страны нацеливается в основном программа расширения обмена студентами, что, по замыслу Вашингтона, будет способствовать пропаганде американской политической системы и образа жизни.

Принимаются меры по укреплению проамериканских режимов, нейтрализации национально-патриотических движений. С этой целью осуществляются программы помощи действующим в пользу США иностранным политическим, профсоюзным, религиозным и другим организациям. В качестве расширения базы для антикоммунистического «крестового похода» увеличиваются контакты с различными организациями и лицами в Латинской Америке, Африке, Азии, Европе. Все большее значение придается организации выпуска печатных изданий, подготовке радио- и телевизионных передач с целью рекламы «американского образа жизни». Обработка зарубежного общественного мнения в нужном США духе интенсивно производится на всевозможных международных конференциях и встречах.

Психологическая война ведется империализмом не только на внешнем, но и на внутреннем фронте — против коммунистов, демократов, всех левых сил.

Самые изощренные и бесчестные методы психологической войны обращены против сторонников мира, особенно тех, кто выступает против размещения американского оружия первого удара на европейском континенте. Буржуазные средства массовой информации и правительства стран НАТО изображают участников антиядерного движения как экстремистов, действующих по «указке Москвы». В странах НАТО созданы специальные пропагандистские центры, предназначенные для борьбы с антиядерным движением, в рядах которого объединены самые широкие слои населения, проявляющие законную и острую тревогу за будущее человеческой цивилизации, за жизнь на планете.

3.

О МЕТОДАХ БУРЖУАЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ

Пропаганда является важнейшим способом реализации идеологии, необходимым опосредствующим звеном между идеологом и массой. Без пропаганды идеология не может воплотиться в массовое сознание. Поэтому, как правильно замечает Л. В. Скворцов, проблема методов пропаганды является по своему существу не столько технической, сколько идеологической¹.

Не случаен тот пристальный интерес, который проявляют к методам и сферам пропаганды буржуазные обществоведы. Для них это вопрос вопросов. Дело в том, что буржуазная идеология представляет собой, особенно в условиях общего кризиса капитализма, извращенное, превратное отражение общественного бытия, систему мирискажения и мирискривления. Система эта работает по строго заданной программе, имея в качестве главной цели обработку общественного сознания в выгодном для монополистической буржуазии духе. Поскольку классовые интересы буржуазии противоречат классовым интересам трудящихся, делать это отнюдь не про-

¹ См.: Скворцов Л. В. Об особенностях кризиса современной буржуазной идеологии. М., 1970, с. 189.

сто. «Большая ложь», явный обман и надувательство срываются далеко не всегда, хотя от этого приема буржуазия никогда не отказывалась и, видимо, не откажется, особенно сейчас, в условиях резкого обострения идеологической борьбы.

Все чаще не только средства массовой информации, но и руководящие деятели буржуазных государств прибегают к фальсификации фактов, выдумкам, прямой неправде, облыжно обвиняя Советский Союз в агрессивных намерениях. Руководящие лица администрации США, к примеру, пускали в ход измышления о советском химическом оружии, направленные на то, чтобы отвлечь внимание от развернутой самими США широкой подготовки к химической и бактериологической войне.

Однако фальшивки о применении химического оружия советского производства в Афганистане и Юго-Восточной Азии оказались разоблаченными. Даже некоторые буржуазные деятели союзных с США стран вынуждены были признать, что Советский Союз никогда не применял и никому не передавал химического оружия. Более того, наше государство настойчиво добивается того, чтобы все средства химической войны были поставлены вне закона. А всячески препятствует этому правительство США, которое всемерно форсирует разработку и производство химического оружия. Мы уже не говорим о том, что вооруженные силы США широко применяли химическое оружие в период агрессии в Юго-Восточной Азии.

Еще один пример самой беспардонной клеветы. Американские куклуксклановцы накануне Олимпиады 1984 г. в Лос-Анджелесе направили в ряд олимпийских комитетов стран Африки и Азии оскорбительные письма с угрозами расправ в отношении небелых спортсменов. Представитель госдепартамента США, не моргнув глазом, назвал эти письма «делом рук Москвы», поскольку они «содержат грамматические и синтаксические ошибки!» «Аргумент», что и говорить, потрясающий! Всем известно, что в США миллионы малограмотных, а то и просто неграмотных, невежественных людей.

Излюбленным приемом психологической войны является искусственное возбуждение страха и элементов паники, широко практикуемое буржуазными средствами информации. Вот один из примеров. Принадлежащая концерну Шпрингера западногерманская газета «Бильд-цайтунг», выходящая массовым тиражом, заявила, будто советская ракета СС-20 вовсе не средство средней дальности, а межконтинентальная ракета, испытанная на дальность 8000 км. Известно, что советская ракета СС-20 является средством средней дальности и ни при каких обстоятельствах не может достигать территории США. И в этом ее принципиальное отличие от американских средств средней дальности, которые из района Европы достигают территории Советского Союза на большую глубину. Но «Бильд-цайтунг» не ищет истины. Главное для нее — очернить советские предложения, попробовать сбить с толку легковверных или недостаточно осведомленных людей.

Конечно, у лжи короткие ноги. Опровергнуть фальшивку обычно не составляет труда. Солидные органы буржуазной печати дают опровержения подобного рода фальшивок, но где-нибудь на последних страницах, мелким шрифтом. Фальшивки же подаются, как правило, броско, на первых страницах, откладываясь в памяти широкого круга читателей. И это тоже прием психологической войны.

Другой пример искусственного раздувания паники взят со страниц «Вашингтон таймс», где сообщалось, что Советский Союз создал свой плацдарм в Центральной Америке и, подобно испанским конкистадорам, ведет «прямое постепенное завоевание Нового Света». Фактов, подтверждающих этот дикий вымысел, не существует, поэтому газета их просто выдумывает. «Русские офицеры, а не только кубинцы отдают в Никарагуа приказы, которые выполняют вооруженные русскими партизаны. Их задача заключается в покорении не только Сальвадора, но и Гватемалы, Гондураса и Коста-Рики. Захватив Кубу, Никарагуа и Гренаду, русские уже сейчас могут нарушить снабжение нефтью стран — членов НАТО через Карибское море... Насколько же мы можем разрешить

приблизиться к нашим границам этому плохо замаскированному советскому вторжению, прежде чем преградим ему путь?»

Итак, внушается, будто русские на подступах к Новому Свету, а внутри США полно красных агентов, которые проникают даже в состав конгресса. Как пишет «Вашингтон таймс», президент должен принять сейчас столь же важное решение, как в свое время Трумэн в отношении Кореи, Кеннеди — насчет высадки в бухте Кочинос, а те, кто пришел ему на смену, — в отношении Вьетнама. Но действиям Белого дома мешают иностранные агенты, которые мутят воду, формируя по всей стране свое лобби, а также лицемеры, придерживающиеся левых и либеральных тенденций, выступающие за предательство, т. е. за ослабление влияния Соединенных Штатов в Центральной Америке. «Комиссии палаты представителей и сената, которые занимаются внешней политикой, — вещает «Вашингтон таймс», — не следует принимать в расчет, когда речь идет о Латинской Америке, ибо некоторые члены этих комиссий настолько обработаны агентами, выступающими за предательство, что не могут принести никакой пользы».

В духе покойного сенатора Маккарти газета громит «предательскую клику либералов, придерживающихся крайне левой ориентации». Таким образом, психологическая война развернута не только на внешнем, но и на внутреннем фронте: шельмуются те буржуазные политики, которые сохранили элементы реализма и не готовы безоглядно поддерживать авантюристический курс суперястребов.

Буржуазные пропагандисты часто прибегают к методу сокрытия источника информации: ссылаются на «информированные круги», «хорошо осведомленных наблюдателей» и т. п.

Особенно следует выделить метод «утечки» секретной информации, который широко используют организаторы гонки вооружений прежде всего в США. Вот что отмечает политический обозреватель «Правды» Ю. Жуков: «Идет ли речь о разработке новой стратегии, либо о подготовке какой-то далеко идущей политической акции, перечеркивающей ранее

принятые обязательства, либо о постановке на вооружение нового средства массового уничтожения — схема применяется одна и та же:

Этап № 1. До поры до времени все держится в строжайшем секрете. Никто ничего не должен знать, пока замысел не будет отработан до мельчайших деталей и пока не будет завершена подготовка.

Этап № 2. Когда подходит время начать обработку «среднего американца», которому предстоит проглотить очередную горькую пилюлю, организуется пресловутая «утечка» секретной информации. Вдруг «неизвестно как» один из доверенных журналистов получает в свои руки секретнейший документ и публикует его, ссылаясь на анонимный «информированный источник». Если впечатление, произведенное этим сенсационным сообщением, окажется слишком сильным, власти его опровергают, чтобы успокоить людей. Но потом организуется новая «утечка» информации в том же духе — и так до тех пор, пока люди постепенно не привыкнут к очередной «мысли о немыслимом».

Этап № 3. Теперь остается президенту, либо государственному секретарю, либо министру обороны сделать официальное заявление о том, что же в действительности означали сообщения, полученные в результате «утечки» информации¹. Ю. Жуков пишет, что в журналистских кругах Вашингтона в этой связи получил распространение термин «управляемые новости».

Буржуазия, однако, достаточно опытный и искушенный класс, чтобы полагаться только на прямой обман и большую ложь. Находящиеся у нее на содержании теоретики и практики пропаганды разработали сложнейший механизм манипулирования сознанием. К сожалению, этот механизм нами недостаточно изучен, что нельзя признать терпимым в обстановке ожесточенной психологической войны, развернутой против нас империализмом.

---

¹ Правда, 1983, 29 января.

Исследователи данной проблемы обращают особое внимание на идеологизацию, фактологизацию и психологизацию пропаганды. Деидеологизация сводится к маскировке буржуазной партийности, классово-корыстного подхода к оценке общественных явлений под маской объективизма и нейтральности. Если «пещерный», «зоологический» антикоммунизм не может встречать ничего, кроме возмущения у советской аудитории, то при помощи деидеологизации антисоциалистическая пропаганда изображается ее авторами доброкачественным источником удовлетворения потребности социалистической аудитории в информации и развлечении. Деидеологизация, прикрываясь ширмой «внеклассовости», абстрактной свободы личности и гуманизма, призвана внедрять бациллу безыдейности и политического индифферентизма, т. е. в конечном счете деформировать социалистическое сознание слушателей (или читателей).

Тем же целям служит и фактологизация буржуазной пропаганды.

Буржуазные идеологи учитывают, что люди скептически относятся к шумной, псевдопатриотической буржуазной пропаганде и предпочитают видеть факты собственными глазами, делать из них свои собственные выводы. Эту особенность социальной психологии в полной мере учитывают теоретики и практики буржуазной пропаганды. Они считают, что должны говорить факты, а не пропагандист, но говорить таким образом, как это необходимо и выгодно пропагандисту, т. е. тем, кто ему платит.

Для буржуазных пропагандистов задача сводится не к установлению истины, а к распространению иллюзий и достижению заранее заданного типа поведения людей. Поэтому факты они делят на три категории. Одни носят нейтральный характер, другие противоречат интересам пропагандиста, третьи выгодны и представляют особую ценность. Они пытаются дать такую комбинацию из них, чтобы создать впечатление объективности информации и достичь заранее поставленной цели.

Разоблачая буржуазный метод манипулирования фактами, В. И. Ленин предупреждал: «Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого... являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»¹. «Похуже» — это как раз то, что характеризует приемы буржуазной пропаганды.

Н. И. Ермошкин и Е. Н. Мова дали подробный анализ так называемых фактологических методов и приемов, применяемых западными средствами массовой информации с целью идеологической экспансии в других странах². И хотя речь у авторов идет о развивающихся странах, сам анализ механизма психологической войны представляет более широкий интерес.

Американскими специалистами по психологической войне разработан метод, который заключается в отвлечении объекта восприятия от главных фактов и переключения его на второстепенные детали. Последние всячески обыгрываются как нечто из ряда вон выходящее.

Близок к нему метод переноса, т. е. переключение внимания от животрепещущих проблем на маловажные факты, преподносимые в качестве сенсаций.

Метод деполитизации основан на отвлечении внимания объекта информационного воздействия от острых социальных проблем и переключении его на картины насилия, секса и т. п. Внимание приковывается к сфере развлечений и сенсаций, сопровождается «революционными» призывами к «эмансипации полов» и т. п.

Тем же целям служат методы задержки, урезывания и дробления информации.

Широко используются методы извращенной информации и переигровки. Специально подготовленные ЦРУ и другими

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

² См.: Ермошкин Н. И., Мова Е. Н. Духовный колониализм, с. 80—88.

западными спецслужбами материалы, касающиеся внутренних дел какого-либо государства, публикуются в «нейтральных» изданиях третьих стран, а затем распространяются ведущими западными агентствами в качестве «объективной информации».

Применяются и чисто психологические приемы, например эффект наркотизации, основанный на снижении активности внимания и степени критического восприятия информации, что достигается обилием новостей. Ту же роль выполняет и реклама, занимающая в некоторых случаях свыше половины газетной площади и вещательного времени на радио и телевидении.

На особенностях психологии основаны приемы «делай, как все» и «мурлыканья». В первом случае срабатывает эффект подражательства, или расчет на повторение намеренно рекламируемых поступков и взглядов определенных личностей. «Мурлыканье» — нарочито спокойный тон повествования о каких-либо малозначительных событиях. Затем неожиданно в ткань повествования вводится политическая или социальная информация большой взрывчатой силы, оказывающая сильное психологическое воздействие на аудиторию.

Буржуазная теория пропаганды выделяет так называемый «эффект бумеранга». Это особое идеологическое и психологическое явление, возникающее вопреки тем целям, которые ставил пропагандист. Пропагандистские акции приводят к прямо противоположным результатам и бьют по тем, кто их вызвал к жизни. Например, в ходе агрессии во Вьетнаме американские средства информации широко рекламировали на теле- и киноэкранах мощь военной машины США. И здесь возник «эффект бумеранга»: вместо «патриотизма» у широких слоев населения возникали антивоенные чувства, росло возмущение по поводу варварской агрессии против народа, отстаивавшего свою свободу и независимость.

Буржуазные специалисты по пропаганде дотошно изучают условия и причины возникновения подобных явлений. Империалистическая пропаганда пытается навязать нам

полемику такого рода, чтобы наши средства информации попались в ловушку «эффекта бумеранга». Иными словами они провоцируют нас на обсуждение надуманных проблем, с тем чтобы мы перешли в оборону на невыгодных позициях, предоставив им трибуну для протаскивания антисоветских взглядов. Это есть одновременно и метод идеологической провокации, к которому все более охотно и широко прибегают не только буржуазные пропагандисты, но и политические деятели империалистических государств. Фактически против нас развернута информационно-пропагандистская интервенция, направленная против основ социалистического строя. Противник действует не только грубо, но и тонко, дифференцируя свой подход к молодежи, рабочим, интеллигенции, женщинам, представителям различных национальностей, вероисповеданий и т. п. Он стремится возродить бациллу частнособственнической, мелкобуржуазной стихии, вызвать национальную рознь, религиозный фанатизм.

Провоцируется недовольство условиями жизни при социализме, причем чувство неудовлетворенности стараются возбудить не только критикой социалистического общественного строя, но и фальшивой рекламой прелестей западного образа жизни, демонстрацией сильно обветшавшего фасада «общества потребления».

Вообще мелкобуржуазная, мещанская, потребительская психология — это та естественная питательная среда, в которой вырастают микробы буржуазной идеологии.

Психология потребления представляет собой важнейший канал империалистического влияния на широкие слои трудящихся в странах капитала. Эта же психология экспортируется пропагандистской машиной и в социалистические страны.

Психология потребления ориентирует личность на потребление прежде всего и главным образом материальных благ в ущерб удовлетворению культурных и духовных потребностей. Ее идеал — это человек-потребитель, раб нужных, а подчас и ненужных, «престижных» вещей. Буржуаз-

ная пропаганда, широко использующая все средства массовой информации, а также рекламу, сознательно стремится привить трудящимся буржуазно-мещанский культ вещей, «философию вещизма», психологию потребительства и приобретательства. Подпавший под влияние этой «философии» рабочий или служащий вынужден напрягать свои силы, интенсифицировать труд, чтобы иметь возможность приобрести (чаще всего в рассрочку) ту или иную вещь, необходимость которой услужливо подсказана ему рекламой и искусственно подогреваемыми представлениями о «социальном престиже».

Начавшаяся с середины 70-х годов новая кризисная полоса и возникновение новых противоречий во всей системе буржуазных общественных отношений нанесли весьма чувствительный удар по многим апологетическим буржуазным концепциям и мифам пропаганды. В их числе оказался дискредитированным и миф о капитализме как «обществе всеобщего благоденствия», вошли в моду иные — аскетические теории, направленные против потребительства, раздаются настойчивые призывы к экономии и «ограничению потребностей» — разумеется, трудящихся, а не буржуа.

Тем не менее пропаганда буржуазно-мещанского образа жизни остается одним из наиболее действенных средств деполитизации и деидеологизации личности, орудием манипулирования ее сознанием. Цель такого манипулирования — прививать конформистский стиль мышления и поведения, т. е. буржуазное, слепое приспособление к господствующим в буржуазном обществе формам жизнедеятельности, к тем ценностям, в соответствии с которыми происходит «нормальное» функционирование капиталистической системы. Иными словами, ставится цель замкнуть круг интересов личности в тесном мирке вещей, уводя ее от злободневных проблем современности.

В этом же направлении действует и так называемая социологическая пропаганда, т. е. пропаганда при помощи специально отобранных и имеющих рекламный характер атрибутов буржуазного образа жизни. Именно этот вид

буржуазной пропаганды особенно широко применяется империализмом как средство «деидеологизации» и «разрыхления» социализма, причем ставка делается на использование мелкобуржуазных пережитков в психологии определенной части социалистического общества.

Разумеется, мелкобуржуазная, мещанская психология, если подходить к ней с историческими масштабами, представляет собой в условиях зрелого социалистического общества аномалию. Но проявление эгоизма, мещанства, стремление к безоглядному и бессмысленному накопительству, равнодушие к общественным интересам — все это, к сожалению, еще бытует в нашем обществе. «Упрочение социалистического сознания идет в упорном противоборстве с рецидивами мелкобуржуазной психологии, с проникающим по разным каналам идеологическим влиянием империалистической пропаганды на сознание некоторой части населения. Необходимо создавать обстановку нетерпимости к таким явлениям, как использование государственного, общественного имущества в целях личного обогащения, спекуляция, взяточничество, всякого рода паразитирование на гуманизме нашего строя. Последовательно опираться в борьбе с ними на активность масс, на неотвратимую силу закона, вести целенаправленную работу по формированию разумных потребностей, интересов личности»¹, — говорится в постановлении июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС.

Особое место в системе форм и методов пропаганды буржуазия отводит аудиовизуальным средствам массовой коммуникации — телевидению и радио. Они главные проводники не только чисто политической, но также и социологической пропаганды, которая действует методом развлечения, отвлечения и переключения внимания с главных вопросов жизни на второстепенные и десятистепенные. Но связь между политической и развлекательной пропагандой существует, и на нее

---

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 73.

обращают внимание, как мы могли убедиться, даже некоторые буржуазные авторы.

Американские исследователи средств массовой коммуникации отмечают, что телевидение создает тотальную систему мифологического мира. Впервые в человеческой истории телевизионный экран одновременно объединяет вокруг себя всех — от грудных младенцев до глубоких стариков. Индивид не может планировать или выбирать содержание пропаганды, он принимает телевидение как члена семьи, невзирая на его недостатки. Мало кто из родителей, учителей или священников может соперничать с ним по авторитетности.

Некоторые исследователи указывают на иррациональную подоснову телекоммуникации. Дело в том, что большинство людей смотрит телевизор в ситуациях, исключающих рационально-критическую оценку того, что им показывают, и, напротив, вызывающих всеядную восприимчивость самой разнообразной аудитории. Дерационализация зрительского восприятия достигается с помощью тщательно разработанной технологии воздействия на различные уровни сознания. Телевизионные образы то стремительно атакуют чувственно-воспринимающие системы зрителей, то образуют мечтательно-замедленное, затягивающее действие. Перебои ритма, меняющееся музыкальное сопровождение отвлекают от логического осмысления представляемого материала.

Как считает американский социолог Р. Голдсен, телевизионные передачи копируют методы организации таких массовых действий, как карнавал. Создается атмосфера интимной доверительности, домашнего уюта. В таких условиях телевизионные образы и словесные блоки беспрепятственно проникают в сознание. Ведется настоящая атака на людей. Ее организаторы исходят из того факта, что «мы воспринимаем образы, музыку, ритмы без участия сознательной рефлексии, не рассуждая по поводу того, что следовало бы принять, а что отвергнуть»¹. Некоторые исследователи называют телевидение

---

¹ *Goldsen R. Why Television advertizing is deseptive and Unfair. San Francisco, 1978, p. 364.*

ние «образопорождающей» и «анонимно-ритуальной» машиной, работа которой разрушает, казалось бы, нерушимую связь между волей, восприятием и осмыслением. Состояние активного и произвольного внимания для телезрителей исключено. Они жертвы бездумно-карнавального, массово-гипнотического эффекта.

Уже упоминавшийся английский исследователь массовой коммуникации О. Томсон в числе других выделяет эскапистскую, т. е. отвлекающую пропаганду, относя ее к разряду политической пропаганды. Между тем по первому впечатлению здесь политикой, как говорится, и не пахнет. Это пропаганда развлечений, с помощью которой обеспечивается социальное послушание. В качестве примера Томсон называет цирки Древнего Рима, всевозможные представления, современный массовый туризм, телевидение. Эскапистскую пропаганду автор характеризует как непрямую цензуру, преследующую цель забить все каналы коммуникации, вытеснить из них все нежелательные сведения и представления¹.

Близки между собой методы сбалансированной информации, эффект правдоподобия, нейтрального информирования. Факты подаются без оценки и особого комментирования, но их умелый подбор и расстановка дают требуемый идеологический эффект. Изо дня в день передаются сообщения о таких фактах, в достоверности которых не может быть сомнений, что притупляет бдительность аудитории. Кажущаяся объективность позволяет манипулировать фактами, сообщать вымыслы, переходить на метод подтасовки карт, т. е. к обычной дезинформации.

Наиболее распространенным является метод замалчивания, т. е. систематическое игнорирование важных событий в жизни прежде всего Советского Союза и других социалистических стран, а также многих развивающихся стран. Советский журналист Вс. Маринов подсчитал, что за первую

---

¹ Thomson O. Mass Persuasion in History. Eddinburgh, 1977, p. 13.

неделю января 1984 г. в крупнейшей американской газете «Нью-Йорк таймс» (девиз ее — «Все новости, достойные опубликования») была почти тысяча газетных полос и на них всего три материала об СССР, и то злопыхательского толка.

На опасность антисоветизма и засилье искажающей информации в буржуазных средствах массовой информации указывают и отдельные западные исследователи. Профессор журналистики Калифорнийского университета У. Дормэн изучал вопрос о том, как информируют о Советском Союзе своих читателей крупнейшие газеты США и Канады. Вывод его таков: вместо информативной, выдержанной и реалистичной панорамы советской действительности газеты, которые неустанно твердят о важности сбалансированного подхода, потчуют публику мешаниной из искаженных общих мест, скучных стереотипов и откровенной клеветы, подавая все это как новости. Изобилуют анонимные источники информации. Стандартными стали клише вроде «советской угрозы» и «свободного мира». Анализ советской экономики отсутствует (за шесть месяцев в трех газетах на эту тему опубликованы лишь четыре статьи). В конечном счете не получается никакого человеческого образа — сплошная дегуманизованная пропагандистская абстракция. В общей сложности все изученные материалы исключительно неинформативны и, что страшнее всего, опасны, так как подталкивают нас, словно лунатиков, к самой страшной пропасти всех времен — ядерной войне.

Такой субъективизм, по мнению Дормэна, не только неэффективен, но и крайне опасен, если им руководствоваться в отношениях с великой страной.

Реалистически мыслящие политики и ученые на Западе с огромной тревогой отмечают, что главный вред антисоветской клеветы состоит в том, что она, разрушая человеческие связи, надежду и веру в будущее, порождает в конечном счете вражду и смерть. Антисоветская ложь прокладывает дорогу ядерной катастрофе.

4.

СТЕРЕОТИПЫ И МИФЫ В СИСТЕМЕ БУРЖУАЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ

Опираясь на многочисленные теоретические разработки психологов и социологов, буржуазные пропагандисты широко используют некоторые особенности социальной психологии с целью внедрения антикоммунистических предрассудков. Речь идет прежде всего о социальном стереотипе — схематическом, стандартизованном представлении о социальном объекте, представлении, которое обладает большой психологической устойчивостью и определенной эмоциональной окраской (положительного либо отрицательного свойства).

Стереотип не обязательно должен быть истинным, т. е. хотя бы и схематично, но в целом правильно отражать действительность. Он может представлять собой чистую фикцию, но быть полезным для тех, кто его внедряет в сознание людей. Создают же политические стереотипы органы буржуазной пропаганды и соответствующие идеологические центры.

Антикоммунистические стереотипы крайне просты, даже убоги по своему содержанию, но они как раз и призваны вытеснить из сознания людей самостоятельность суждений и критичность оценки социальных явлений и процессов. Источник любого зла, любых коллизий — коммунизм, с ним следует бороться, его надо всячески искоренять, и все будет в порядке. Тот же, кто думает иначе, — пособник красных, враг свободы и демократии. Детерминация социальных фактов носит при этом искаженный, подчас фантастический характер. Причина всех бед и противоречий современного мира заключается в одном-единственном источнике — существовании коммунизма, в кознях Москвы и ее сателлитов.

При всей примитивной глупости, если не сказать, идиотичности таких стереотипов они при массовом и систематическом их применении оказывают соответствующее воздействие на массовое сознание.

Профессор С. Коэн правильно отмечает, что в американских комментариях об СССР используются особые политические термины, которые по своей сути пристрастны. Речь идет о стереотипах пропаганды: Соединенные Штаты имеют «правительство», «систему безопасности» и «союзников», Советский Союз — «режим», «секретную полицию» и «спутников». Лидеры США — «искусные политики», лидеры СССР — «коварные», «хитрые» или еще хуже. Америка «поставляет миру информацию» и «добивается влияния», СССР «распространяет пропаганду и дезинформацию» и «добивается экспансии и господства». Такой унижающий язык несовместим с честным анализом.

С точки зрения буржуазных теоретиков пропаганды, массовое сознание иллюзорно, поскольку состоит из трафаретов-стереотипов, предрассудков, фикций и мифов.

Особое место в системе буржуазной пропаганды отводится мифам. Обычно под мифами понимают всякого рода предания, сказания о чудесах, сверхъестественных событиях и существах и т. п. В широком смысле слова миф — это вымысел, недостоверный рассказ, но, в отличие от сказки, он воспринимается как нечто реальное, имеющее место в действительности. Как известно, мифы составляют важнейший элемент в структуре религиозного сознания. Впрочем, в мифы не обязательно верят их создатели, важно, чтобы в них поверили другие.

Мифология возникает на заре человечества. Миф — многослойное и полифункциональное образование, дающее описание некоторой упорядоченной совокупности фантастических существ, которые осуществляют природно-космические и социальные функции¹.

Мифологическое мышление тесно вплетено в чувственно-аффективную, эмоциональную сферу познания, для него характерно смешение реальности и иллюзий, безразличность к противоречию, алогичность, замена подлинных причин вымышленными.

¹ См.: Богомолов А. С., Ойзерман Т. И. Основы теории историко-философского процесса. М., 1983, с. 95—96.

Буржуазное общество, которое кичится своей цивилизованностью, не может обойтись без мифотворчества, особенно в области политики. К. Маркс, характеризуя буржуазную пропаганду, писал: «До сих пор думали, что создание христианских мифов было возможно в Римской империи только потому, что еще не было изобретено книгопечатание. Как раз наоборот. Ежедневная пресса и телеграф, который моментально разносит свои открытия по всему земному шару, фабрикуют больше мифов (а буржуазные ослы верят в них и распространяют их) за один день, чем раньше можно было изготовить за столетие»¹.

Огромное значение использованию мифов придавала фашистская пропаганда, которая делила весь мир на две части: на «хороших», «нас», и «плохих», «их», куда включались в первую очередь коммунисты, антифашисты, демократы. Нацистская пропаганда стремилась возбудить низменные чувства, злые эмоции, использовала всякого рода эмоциональные эффекты, чувства национализма и шовинизма.

Антикоммунизм и буржуазная идеология широко эксплуатируют политические мифы. Эти мифы делятся на позитивные (например, «демократия», «свободный мир») и негативные (например, «тоталитаризм», «терроризм», «железный занавес»). Первые применяются в целях апологии капитализма, вторые используются для очернения реального социализма, революционного рабочего и национально-освободительного движения.

Профессор Калифорнийского университета Герберт Шиллер достаточно объективно характеризует идеологическую функцию буржуазных средств массовой информации. На примере главным образом США он определяет понятие манипулирования сознанием как систему средств, с помощью которых «правлящая элита» осуществляет контроль над убеждениями и поведением людей путем создания ложных пред-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 215.

ставлений о действительности. Автор приближается к материалистическому объяснению социальных явлений, связывая манипулирование с социальным делением, обусловленным существованием и господством частной собственности и вытекающих из нее принципов жизни.

Манипулятивная деятельность информационного аппарата США приобретает глобальный характер, использует, по словам Шиллера, пять основных мифов.

Первый миф — это существование личной свободы и индивидуального выбора, при этом используются иллюзии, сохранившиеся со времени господства свободного предпринимательства и свободы конкуренции. Миф внушает, что частная собственность является незыблемой основой благосостояния общества и всех его членов. Миф о личной свободе воплощен в «американском жизненном стиле», в так называемой «американской мечте», включающей «личные средства передвижения, индивидуальный дом и собственное дело».

Второй миф — о нейтральности всех ключевых социальных институтов: правительства, средств массовой коммуникации, системы образования, науки, стоящих якобы выше «конфликтующих социальных интересов». В течение полувека, пишет Г. Шиллер, средства массовой коммуникации распространяют миф о «нейтральности», «непредвзятости» правительства, конгресса, юридических учреждений, информационных служб, их «независимости» от интересов каких-либо социальных групп и классов.

Подобно тому как сфера экономики изображается манипуляторами как поле равных возможностей для предпринимателей и рабочих — для тех, кто продает, и тех, кто покупает, — так и рынок идей манипуляторы пытаются представить как широкий спектр разнообразной информации, «пенаправляемый какой-либо идеологией».

Третий миф — о неизменной человеческой природе — основывается на широко распространенных в США теориях об агрессивном характере человеческого поведения и изменности человеческой природы.

Шиллер отмечает, что американское телевидение в течение каждого часа показывает до шести убийств. Демонстрация преступлений, насилий, убийств официально санкционируется манипуляторами, ибо, по их заверениям, соответствует запросам аудитории.

Манипуляторы сознанием, по словам Шиллера, внедряют миф о том, что мир постоянен, что основополагающие общественные отношения останутся неизменными, подобно тому как не меняется самая «сущность человеческой природы».

Четвертый миф — об отсутствии социальных конфликтов: средства массовой коммуникации создают образ социальной гармонии в обществе, где якобы нет ни расовых и социальных конфликтов, ни деления общества на классы, ни проблем голода и нищеты.

Пятый миф — о плюрализме средств массовой коммуникации. Согласно ему наличие большого числа средств коммуникации свидетельствует якобы о разнообразии их содержания. Но при этом средства массовой информации отнюдь не отражают различные мнения или точки зрения на международные и внутренние проблемы.

Фундаментальное единообразие информационного материала, совершенно справедливо считает автор, проистекает из идентичности интересов — материальных и идеологических — владельцев собственности, а также монополистического характера всей индустрии массовой коммуникации. Владельцы средств массовой информации умышленно ограничивают выбор информации, предлагая аудитории лишь один вариант информации событий — свой собственный.

Шиллер пишет, что «цель телевизионных и радиопрограмм в коммерческом обществе заключается не в том, чтобы вызвать интерес к социальной и экономической действительности, а в том, чтобы погасить его»¹.

---

¹ Schiller H. The Mind Managers, p. 31.

Наиболее распространенный и наиболее лживый миф буржуазной пропаганды — это миф о «советской угрозе». С помощью этого мифа в корне искажается существо миролюбивой политики Советского Союза и оправдывается агрессивный курс ультрареакционных кругов империализма.

С конца 70-х годов пропаганда мифа о «советской угрозе» приняла невиданные масштабы. Было бы неправильным закрывать глаза на то, что эта пропаганда достигает в определенной мере поставленных ее организаторами целей. «Масшированная психологическая кампания на тему «советская угроза» сработала, — с дивичным удовлетворением признал заместитель министра обороны США по политическим вопросам Ф. Илке. — Чтобы в дальнейшем сохранять наши интересы, необходимо всеми силами продолжать культивировать этот страх».

Однако все большее число людей на земле, вопреки масштабной пропагандистской обработке, начинают понимать глубину опасности для их будущего, опасности, исходящей не от «безбожного коммунизма», а от ультрареакционных кругов США и других стран НАТО.

* * *

Коммунисты — противники психологической войны. Они за честное соревнование на поприще мировоззрения и общественно-исторической практики. Идеологическая борьба, которую они ведут со своим классовым противником, исключает ложь, обман, провокации, весь тот набор нечистоплотных пропагандистских приемов, о котором говорилось выше. Сила марксизма-ленинизма в его истинности. Поэтому коммунисты считали и считают лучшей, а для себя единственно возможной политику принципиальную, честную, правдивую, поскольку историческая правда на их стороне. В. И. Ленин, заветами которого руководствуются все подлинные коммунисты, требовал строго отличать настоящую политику как дело миллионов народных масс от беспринципного буржуазного политиканства, решительно воевал против «политического

обмана, фокусничества и разврата...»¹. Правдивость, искренность, честность — таковы неотъемлемые черты коммунистической политики, черты, в полной мере относящиеся к сфере идеологической борьбы.

Проблема информации приняла глобальный характер, поэтому она становится предметом обсуждения в ООН, в ЮНЕСКО, в движении неприсоединения. Острейшие дискуссии по этой проблеме имели место на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе и последующих общеевропейских встречах.

«Коммунисты, исходя из своих убеждений, — решительные поборники мира и мирных отношений между народами. Коммунисты, исходя из своих убеждений, — принципиальные противники буржуазной идеологии. Это единая позиция, вытекающая из сути их революционного учения, обусловленная природой социалистического строя. И между двумя сторонами этой единой позиции нет противоречия, которое безуспешно пытаются найти буржуазные социологи.

Различие в идеологиях, несходство в образе жизни не могут служить препятствием для мирного сотрудничества между государствами с различным социальным строем.

Борьба идей должна вестись на основе открытого сопоставления мировоззренческих, идеологических принципов, а не путем диверсий и провокаций, на что делает ставку империалистическая пропаганда»².

Советский Союз, страны социалистического содружества в своей политике строго отделяют идеологические вопросы от проблем межгосударственных отношений, строят свои отношения с капиталистическими государствами на основе мирного сосуществования, последовательно выступают за широкое сотрудничество с развивающимися странами.

Советской печати, радио, телевидению чужды попытки осложнять международную обстановку, усиливать напряжен-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 37.

² Биккенин Н. В. Социалистическая идеология. 2-е изд. М., 1983, с. 342—343.

ность, распространять фальсификации, вмешиваться в чужие дела. Благодаря правдивости советская информация пользуется растущей популярностью в зарубежных странах.

Историческая правда на стороне социализма. И мы должны уметь донести ее до сознания широких народных масс на всем земном шаре. Перед нашей пропагандой стоит задача умело и творчески пропагандировать советский образ жизни, фундаментальные ценности социализма, новое качество жизни трудящихся масс. Следует признать, что противник подчас умело использует наши трудности, отдельные ошибки и недостатки в работе. Поэтому разоблачение буржуазной идеологии, наша контрпропаганда неотделимы от укрепления материальных и духовных основ социалистического строя.

5.

БУРЖУАЗНАЯ «МАССОВАЯ КУЛЬТУРА» И АНТИКОММУНИЗМ

В психологической войне империализм широко использует буржуазную «массовую культуру». «Культура» эта является массовой по своим масштабам, тиражам, числу потребителей. Она действительно предназначена для массы, широкой публики и фактически ею потребляется. Но ее продукты, подчас внешне привлекательные, броские, имеют содержание, которое иначе не назовешь как духовной отравой. И дело не в том, что различные формы «массовой культуры» развлекают и забавляют (это одно из призваний и подлинного искусства), и даже не в том, что отвлекают от социальной действительности. «Массовая культура» деформирует духовный мир человека, прививая ему низменные чувства, вульгаризирует эстетический вкус, приучает к жестокости, неуважению к человеку и его достоинству. Она антигуманна и аморальна.

Буржуазные теоретики твердят об универсальности «массовой культуры», выводят ее основное содержание и специфи-

ку из особенностей научно-технической революции. По их словам, современная техника — необходимое и достаточное условие существования этой культуры, которая якобы не зависит ни от социально-экономического строя, ни от политических институтов, ни от национальных особенностей характера и культурных традиций. Как отмечает А. В. Кукаркин, «игнорирование буржуазными теоретиками классового содержания и классовой направленности распространяемых художественных ценностей или псевдохудожественных эрзацев приводит к тому... что само понятие массовости основывается ими на формальном, чисто количественном признаке — способе производства и потребления. А это «привязывает» культуру лишь к новым средствам тиражирования, будь то репродуцирование, звукозапись, радиовещание или телевидение»¹.

Хотя все эти средства действительно порождены научно-техническим прогрессом, но их содержание и социальная роль определяются характером того общества, где они применяются. По словам А. В. Кукаркина, в буржуазной массовой культуре отражению реальной действительности противопоставляются псевдореалии и всевозможные иррациональные мифы, а жизненно важные проблемы подменяются суррогатами идей и представлений, что на деле оборачивается предательством человека, преднамеренным забвением истинных, гуманистических задач искусства и литературы, информации и эстетического воспитания.

Таланты, попадая в сферу «массовой культуры», неизбежно уродуются и губятся модой, бизнесом, которые глубоко враждебны художественному творчеству.

Явно несостоятельны поэтому попытки некоторых теоретиков связать буржуазную «массовую культуру» с особенностями научно-технического прогресса, со стремительными темпами социальных преобразований, со все возрастающим объемом информации. Бешеные ритмы и невероятная гром-

---

¹ Кукаркин А. В. Буржуазная массовая культура. М., 1978, с. 69.

кость звучания не делают, например, музыку ни современной, ни эстетически прекрасной. Скорее наоборот.

Функции буржуазной «массовой культуры» многообразны. Главная функция — воспитать конформиста-потребителя, полностью интегрированного системой империализма. Дело не сводится только к привитию примитивных эстетических вкусов (о них, в конце концов, можно и не спорить), но к формированию совершенно определенной жизненной позиции, системы ценностных ориентаций и предпочтений.

Бездуховность, беспринципность, жестокость, эгоцентризм, цинизм, престижное поведение и потребление — вот черты «сильной личности» — обобщенного героя «массовой культуры». Это супермен, современный ницшеанец, стоящий по «ту сторону добра и зла», обольстительный ковбой с рекламной улыбкой. Внешний облик его может быть, конечно, различным, но внутренняя суть неизменна и низменна. Существенными его свойствами всегда выступает антиинтеллектуализм, дух наживы и достижение жизненного успеха любыми средствами.

Эталонным героем «массовой культуры» в США выступает, естественно, стопроцентный американец — сильная личность, неизменно побеждающая цветных — черных, желтых и конечно же красных — красных не только по цвету кожи, а главное — по политическим убеждениям. «Массовая культура», особенно в США, густо замешена на дрожжах расизма и шовинизма. Взять хотя бы американские комиксы. Их отрицательными персонажами все чаще выступают «безмозглые негры», «мошенники-латиноамериканцы», «пьяницы-индейцы», «жулики-итальянцы» и т. п.

«Массовая культура» во всех своих формах и проявлениях запрограммирована на воспитание антикоммунизма, милитаризма, воинствующего великодержавного шовинизма, особенно среди американской молодежи. Субсидируют и направляют производство «массовой культуры» монополии, в том числе входящие в военно-промышленный комплекс. Поэтому «массовую культуру» нельзя считать политически стериль-

ной. На деле она несет немалую антикоммунистическую, антисоветскую нагрузку. С кем борются супермены, чьи козни они разоблачают, совершая сверхъестественные подвиги? Чаще всего — с «секретными советскими агентами» или с обольстительными и коварными «красными шпионками». Супермен спасает добродушную и благородную Америку от заговоров, взрывов, похищений и прочих козней «этих проклятых красных».

А чего стоят кинобоевики, прославляющие «подвиги» американской военщины во Вьетнаме! В этом же ряду стоят произведения о подвигах «патриотов-эсэсовцев» и «патриотов-самураев». «Массовая культура» буквально источает трупный яд шовинизма и милитаризма, и от этого никуда не уйти ее западным апологетам.

Примером гнусной идеологической пропаганды, осуществленной средствами кино, является американский фильм «Красный рассвет», в котором показывается, как жители США «героически» борются на своей собственной территории против советско-кубинско-никарагуанской агрессии. «Красные захватчики» изображены наподобие гитлеровских громил и убийц. Бездарная киностряпня призвана сеять злобу и ненависть против Советского Союза, стран социализма, национально-освободительного движения. И на сей раз «массовая культура» служит приводным ремнем политики оголтелого антикоммунизма и антисоветизма.

Итальянская газета «Паэзе сера» опубликовала корреспонденцию Кристины Граэтц из Нью-Йорка об этом фильме: «Я слишком молода для того, чтобы помнить, но мой друг сразу вспомнил шабашу ненависти, которые нацистская пропаганда устраивала незадолго до войны. И этот метод срывается и сейчас: достаточно посмотреть, с каким энтузиазмом реагируют зрители на события, происходящие на экране. Они кричат и аплодируют, когда юные герои, к которым присоединились три девушки (они проявляют еще более зверскую жестокость) расстреливают «злодеев» из автоматов с расстояния в два метра. Во время сцены, когда русские

«варвары» маршируют, распевая «Интернационал», я почти физически ощущала ненависть зрителей. У меня даже мурашки побежали по телу: я уверена, что если бы они знали, что у меня в кармане партийный билет члена Итальянской коммунистической партии, то в ту минуту они линчевали бы меня... Тонкий идеологический подтекст фильма таков: война — это неотъемлемая часть истории человечества. Первая, вторая, третья война... Следовательно: «честь и слава самым доблестным бойцам и давайте готовиться к четвертой войне». Наконец в зале зажигается свет, и я с тревогой смотрю на лица тех, кто сидел в зале вместе со мной и кто аплодировал массовым убийствам на экране, совершавшимся всего несколько минут назад. Самые обычные лица, любезные люди, которые помогли мне сесть в автобус, потому что у меня был с собой слишком тяжелый чемодан».

«Массовая культура» имеет не только героев, но и антигероев, которые пугают и ужасают, а также несут вполне определенную идейную нагрузку. В фильмах ужасов зритель видит монстров, ведьм, вампиров, оборотней, полуразложившиеся трупы, звероподобных чудовищ, пожирающих собственные внутренности. С помощью всей этой гадости зрителя незаметно приучают к каннибализму и вседозволенности. Страхи и ужасы на экране должны сгладить ужасающую жестокость джунглей капитализма.

«Массовая культура» — едва ли не главный инструмент процесса «массификации» трудящихся, т. е. превращения их в политически инертных, дезинформированных, лишенных способности самостоятельно мыслить личностей. «Массовая культура» — это средство отчуждения трудящихся и от подлинной культуры, и от собственной человеческой и классовой сущности. «Массовый человек» лишен своего социального естества, ему привиты чуждые взгляды и пристрастия. Как отмечает А. И. Арнольд, «массовая культура» приспособляет и адаптирует атомизированного человека к государственно-монополистической структуре, глушит его социальную активность. Она усугубляет и обостряет кризисные явления

буржуазного строя как расщепленного общества, в котором люди не только изолированы духовно друг от друга, но и самоизолированы, обречены на социальную робинзонаду. «Массовая культура» загоняет человека в нравственный тупик, лишает личность творческих порывов, играет коварную роль политического наркотика»¹.

Иные теоретики и практики «массовой культуры» выдают ее за некое благодеяние — духовную пищу, которая, дескать, по своим качествам демократична и интернациональна. Ложью является и то и другое. «Массовая культура» антидемократична, представляет собой, по существу, обратную сторону элитаризма. Буржуазные теоретики утверждают, что простой, средний человек не способен постичь высокие образцы подлинного искусства, они-де доступны только избранным, элите. Так пусть же он довольствуется своей порцией зрелищ, которую ему предоставляет «общество потребления». Подобные рассуждения опираются на элитарные теории, с точки зрения которых любое общество извечно и необходимо делится на элиту, т. е. сравнительно тонкий слой избранных, «лучших», и неэлиту, или остальную серую массу, бесконечное количество нулей, неспособных к постижению высоких духовных ценностей.

Социологические и эстетические теории элиты несостоятельны. История мировой культуры убедительно свидетельствует, что источником и творцом подлинно прекрасного в искусстве является народ. Возьмем, к примеру, музыку. Создает музыку народ, а мы, композиторы, ее только аранжируем, — это изречение гениального М. И. Глинки стало крылатым.

Лучшие образцы профессионального искусства остаются недоступными для трудящихся в классово-антагонистических обществах. Эта стена отчуждения ликвидируется лишь в социалистическом обществе, где искусство принадлежит народу.

---

¹ Империализм — враг человечества. М., 1977, с. 294.

Космополитическая по своему существу «массовая культура» антинародна, антинациональна. А ведь только из родников национальной, народной музыки образуется полноводная река классической музыки. Разновидности современной шлягерной музыки, как глухая стена, закрывают от своих многочисленных поклонников бесценный мир музыки классической, музыки народной, наконец, музыки современной, подлинно новаторской, но не укладывающейся в прокрустово ложе шлягерных образцов. Не случайно руководители американских концернов, производящих диски и пленки с музыкальными записями, в свое время заявляли, что они, заполнив весь мир своей продукцией, заставят человечество забыть о существовании Баха, Бетховена, Моцарта, Верди, Чайковского.

Музыка, лишенная содержания, заключающегося прежде всего в мелодии, не может выразить чувств и мыслей передового человека современной эпохи. Она останется в истории культуры печальным памятником антиэстетического примитивизма.

Характерно стремление заправил психологической войны использовать современную музыку в целях антисоветской пропаганды. Практически каждая передача западных радиостанций на нашу страну сопровождается такой музыкой, которая больше всего интересуется определенную часть молодежи, — поп, диско, пан-рок, хард-рок, хеви-металл и т. п. Эта музыка используется прежде всего как приманка: на музыкальной волне легче протаскивать антисоветские измышления. Но дело не только в этом. «Музыкальная политика» антикоммунизма преследует и более фундаментальные цели: привить советской молодежи «рок-эстетику», «рок-мышление», «западный» стиль жизни и даже «западное» (т. е. буржуазное) мировоззрение.

В 60-х годах вошедший в моду рок был объявлен не только необычной манерой поведения на сцене, но и... жизненной философией. Гитарист ансамбля «Ху» Пит Таунсенд, к примеру, заявил: «Рок — это средство сказать о чем-либо,

что-либо создать или же разрушить. Существует культура рока».

Несколько раньше, в 50-х годах, антикоммунисты называли джаз «политической доктриной, которая вызовет политическую трещину в коммунистическом бетоне». В те годы «Голос Америки» широко пропагандировал джазовую музыку. Правящие круги США исходили из предпосылки, что «джаз-бизнес сейчас больше относится к вопросу политическому, нежели культурному».

Попытки политизировать музыку, превратить ее в «стиль жизни» и даже «мировоззрение» абсолютно несостоятельны. Музыка не может подменить политику, она, конечно, не является «стилем жизни». Сама по себе музыка, ее формы, жанры, манеры исполнения не могут быть буржуазными или социалистическими, реакционными или прогрессивными. Музыка может быть плохой или хорошей. В частности, джаз стал любимым и популярным в нашей стране, а произведения И. О. Дунаевского и других выдающихся советских композиторов до сих пор остаются непревзойденными вершинами мирового джаза, и в то же время это часть нашей советской социалистической культуры.

Конечно, музыка всегда имеет какое-то идейное содержание, исходит из определенной мировоззренческой программы, в ней происходит столкновение различных эстетических и вообще идеологических принципов. Музыка бывает связана со словом, в котором иногда прямо выражается политическая программа, выполняется конкретный классовый заказ. Пример антикоммунистического использования музыки — «творчество» ансамбля «Чингис-хан», «Оттаван» и других, участвующих в диверсионном проекте «Диско — против Востока».

Среди музыкальных «боевиков», начиненных антикоммунистическим и великодержавным содержанием, можно назвать «Боже, благослови Америку» и «Во флоте», прославляющий службу в американских ВМС. «Голос Америки» несколько месяцев подряд транслировал эти «произведения искусства».

Нельзя, наконец, не отметить и того, что «звезды» поп-музыки, начинающие с песен протеста против «общества потребления», в своем подавляющем большинстве из бунтарей довольно скоро превращаются в респектабельных буржуа, а некоторые из них становятся миллионерами.

Главной цитаделью и рассадником «массовой культуры» являются Соединенные Штаты. В истории этой страны, как и всякой другой, проявились две культуры: во-первых, культура прогрессивная, демократическая, представленная Т. Драйзером, Марком Твенем, Э. Хемингуэем, Джоном Ридом, и, во-вторых, культура реакционная, антидемократическая, выражающая интересы магнатов капитала, военно-промышленного комплекса. «Массовая культура» и по своему назначению, и по содержанию принадлежит к культуре реакционной.

Против засилья «массовой культуры», ее бездуховности и торгашеского духа выступают многие прогрессивные и реалистически мыслящие люди на Западе. Они довольно объективно характеризуют некоторые элементы «массовой культуры» в США. Реклама, радужные обзоры телевизионных программ, очерки о «звездах» кино и телевидения — все это, по их словам, создает оптимистический, жизнерадостный образ не только коммерческого телевидения, но и вообще всей американской действительности, насаждает в массовом сознании ложные потребительские идеалы, конформизм, некритическое отношение к действительности.

Наиболее распространенные, выходящие огромными тиражами журналы прикрываются маской объективного источника информации. В действительности под вывеской объективности и беспристрастности они дают искаженное представление о жизни в США и в мире, внедряя в массовое сознание веру в капиталистическую систему, рисуя мир без социальных конфликтов, расовых волнений, революций, неравноправных отношений между нациями (за исключением коммунистических государств, которые изображаются как модели угнетения).

Огромную роль в распространении продуктов «массовой культуры» играет телевидение. По данным американской статистики, в среднем взрослый житель США проводит за свою жизнь не менее девяти лет у экрана телевизора и видит примерно 10 тыс. сцен убийств и 300 тыс. — насилия.

По подсчетам социологов Пенсильванского университета, в течение 14 лет проводивших исследование по этому вопросу, каждый час на экране телевизоров показывается по меньшей мере шесть актов насилия, убийств, грабежей. Они содержатся в четырех из пяти идущих в это время передач. Фактически телевидение стало своего рода школой преступности. По некоторым данным, чуть ли не каждое третье преступление в стране совершается по подсказанному той или иной передачей «сценарию».

В Бостоне шесть юношей напали на молодую женщину, которая несла канистру с бензином к своей машине, заставили ее вылить этот бензин на себя, а затем подожгли. Женщина умерла от ожогов. Полиция отмечает, что преступление совершилось после того, как по общенациональной сети ТВ два вечера подряд показывали полицейскую драму, разыгранную в Бостоне. В драме был эпизод, в котором подростки сжигают бездомного ребенка просто «ради забавы».

Старается не отставать от телевидения и кино. Чего стоят хотя бы фильмы ужасов и катастроф — целое направление в современном буржуазном кинематографе, стремящееся ошарашить, ошеломить зрителя всяческими чудесами и необыльцами.

В США действует Национальная коалиция против телевизионного насилия, объединяющая известных ученых и деятелей культуры.

Ее председатель Радецки отмечал: «Америка переживает эпидемию насилия, неслыханную за всю ее историю. Представители нового телевизионного поколения в настоящее время убивают в 3 раза чаще, насилуют в 5 раз чаще, наносят тяжкие телесные повреждения в 6 раз чаще, чем представители поколения их родителей в пересчете на душу население».

ния. Данные за 1983 г. показывают, что положение еще более ухудшилось. У нас сейчас сидит за решеткой больше уголовников на душу населения, чем в любой другой стране мира, каждую неделю открываются все новые тюрьмы, а проблема тем не менее обостряется».

Коалиция располагает документами, показывающими, что в карманы конгрессменов в виде дотаций на избирательные кампании перекочевали сотни тысяч долларов от теле- и кинокорпораций. Пора наконец членам конгресса прислушаться к голосу американского народа и встать на защиту национальных интересов. Нельзя позволить ненасытной алчности горстки крупных компаний возвращать культуру насилия в нашей стране.

Особую опасность представляет разжигание военной истерии и нагнетание шовинистических настроений при помощи средств массовой информации, отмечает коалиция. Однако эти предостережения остаются пока гласом вопиющего в пустыне.

Другое направление «массовой культуры» — порнофильмы. Без определенной доли порнографии сейчас не обходятся и многие серьезные кинофильмы.

Однако обычная порнография в «массовой культуре» уже не вызывает интереса и не приносит ожидаемой прибыли. Последние годы «высококультурный» и «высоконравственный» буржуазный мир обогатил человеческую цивилизацию новыми «духовными ценностями»: серийным производством порнофильмов, главными действующими лицами которых выступают дети.

В центре Стокгольма, недалеко от знаменитой городской ратуши, где происходят торжественные церемонии вручения Нобелевских премий, есть небольшая улочка, сплошь состоящая из магазинчиков по продаже порнографической продукции. И чего только там нет! Инструкция по изнасилованию, журналы, специализирующиеся на способах растления малолетних, журналы для педерастов, журналы, восхваляющие скотоложество...

То же самое происходит и в других капиталистических странах, и конечно же в США. В крупнейшем кинотеатре Сан-Франциско порнофильмы с участием 5—7-летних «звезд» не сходили с экрана шесть недель подряд. В Чикаго, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и других крупных американских городах купить открытку, журнал или фильм с детским порносюжетом так же просто, как приобрести пачку сигарет. Специальные фирмы рассылают их по почте с доставкой на дом. Их рекламируют вполне «пристойные» издания. Запретить физическое и моральное растление практически невозможно.

Специальная президентская комиссия, созданная в США в конце 60-х годов, в своем восьмитомном докладе объявила, что «порнография не представляет опасности для общественной нравственности, и посему ее распространение не является преступлением». Защитники интересов и миллиардных прибылей хозяев индустрии разврата ссылаются на положения американской конституции, в частности на первую поправку, которая будто бы защищает право каждого американца читать все, что ему заблагорассудится. Известный американский философ и проповедник Билли Грехем заявил по этому поводу: «Едва ли можно себе представить более циничное толкование намерений творцов Билля о правах. Кто поверит, что наша конституция способна оправдывать правственную деградацию нации, не говоря уже о растлении малолетних?»

В последнее время у телевидения и кино появился весьма серьезный конкурент — видеоиндустрия, или домашнее кино. Смотреть видеофильмы дома (они выдаются напрокат) и дешевле и удобнее. На деньги, которые семья из четырех человек тратит на коллективный поход в кинотеатр, можно взять напрокат до 10 видеокассет. Что касается репертуара, то он вполне соответствует духу «массовой культуры».

Техническая сторона средств массовой коммуникации и информации непрерывно прогрессирует, а идейно-художест-

венное содержание деградирует. «Массовая культура» отравляет души и сердца сотен миллионов людей.

«Массовая культура» является мощным оружием в идеологической и психологической войне, которую империализм ведет на международной арене. Не случайно госдепартамент и другие ведомства США стремятся насадить американскую кино- и телепродукцию всюду, где только можно.

Буржуазные политики и идеологи пытаются распространить «массовую культуру» в социалистических странах и связывают с этим далеко идущие планы. По их мнению, «массовая культура» будет служить фактором конвергенции двух противоположных социально-экономических систем.

Расчеты антикоммунистов на перерождение зрелого социализма несостоятельны. Однако недооценивать врага не следует. Июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС обратил внимание на необходимость более тщательного отбора зарубежной духовной продукции, получаемой из капиталистических стран по культурному обмену. Ведь наряду с содержательными к нам попадают фильмы, пьесы, издания, музыкальные произведения, для которых характерны безыдейность, пошлость, художественная несостоятельность. Понятно, чисто коммерческий подход к приобретению зарубежной художественной продукции просто недопустим, особенно в современных условиях¹.

---

¹ Стоит прислушаться к мнению писательницы Мариэтты Шагинян: «Мне очень страшно бывает сейчас за нашу молодежь, когда я сижу в кино и смотрю современные, привезенные нам фильмы. Сказано было когда-то: соблазны должны прийти в мир, но жернов на шею тому, кто принесет в мир эти соблазны. Кому падеть жернов на шею, чтобы потопить его, — сценаристу, режиссеру, актерам, когда они чуть ли не в каждом фильме дают поцелуй, имитируют половой акт? Поцелуй, позорящий публично губы, учащий молодежь, школьников и детей своей страшной технике, так легко, через зримое действие, перепиваемой, где на глазах у сотен зрителей происходит убийство любви, перевод возможного личного чувства в возникающее безличное ощущение, а возможного счастья — в легкодоступное самодовлеющее наслаждение» (Шагинян М. Человек и время. М., 1981, с. 172).

Действительно массовая культура без кавычек — это наша общенародная социалистическая культура, в том числе искусство и литература, активно влияющие на идейно-политический, нравственный и эстетический облик личности. Не оценима их роль в воспитании советского человека, в борьбе с растленной псевдокультурой империализма.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА — ПОДЛИННЫЕ И МНИМЫЕ

Одним из основных направлений в психологической войне против реального социализма является проблема прав и свобод личности. Защитниками человека и его прав ныне пытаются изобразить себя, по существу, все буржуазные идеологи и политики, включая самых заядлых антикоммунистов и ультрареакционеров. Они злобно ополчаются на реальный социализм, особенно на советское общество, клеветнически приписывая ему антигуманизм, попрание прав и свобод человека.

В Политической декларации государств — участников Варшавского Договора говорится: «Спекулируя на вопросе о правах человека, реакционные, империалистические круги стремятся таким способом прикрыть свое пренебрежение к элементарным правам трудящихся и жизненным интересам народов. В последнее время ими развязана широкая кампания против социалистических стран, национально-освободительного и других прогрессивных движений, цель которой — оправдать политику конфронтации и гонки вооружений, попрания независимости различных государств, вмешательства в их внутренние дела, осложнения условий их экономического развития, противодействия процессу разрядки. Эта политика идет вразрез с законными, общепризнанными правами всех людей и народов, и прежде всего — их правом на жизнь»¹.

---

¹ Правда, 1983, 7 января.

1.

РЕАЛЬНЫЙ ФУНДАМЕНТ ПРАВ И СВОБОД

Как подчеркивал Р. У. Черненко, «проблемы свободы личности и демократии, прав человека, равноправия и гуманизма относятся к числу важнейших проблем современности. Они находятся на острие идейного противоборства двух систем — социализма и капитализма, нового и старого мира...

Мы, в СССР, включаем в понятие прав гражданина наряду с политическими и личными — права социально-экономические. Для социалистической демократии характерно отношение к правам человека как к единому комплексу, составляющему содержание правового положения личности в обществе». Мы исходим из того, что именно социально-экономические права и свободы составляют реальный фундамент для осуществления политических и личных прав и свобод человека¹. Историческое развитие все ярче и нагляднее обнаруживает гуманистический характер идеалов научного коммунизма, их притягательную силу для широких масс. Социалистический строй практически осуществил принцип равноценности каждой человеческой индивидуальности вне зависимости от социального положения, пола, образования, расовой или национальной принадлежности. С победой и упрочением социализма достигается та ступень социального равенства, которая характеризуется отсутствием эксплуатации, политического, национального и иного гнета, равными правами личности на труд, образование, отдых, на обеспечение в случае болезни или старости, свободой совести, неприкосновенностью личности и т. п.

Социализм многое сделал для улучшения жизни трудящихся. Целью его является непрерывное повышение материального благосостояния и культурного уровня людей, и это коренным образом отличает его от буржуазного общества. Отставая пока в силу исторически обусловленных причин по

---

¹ См.: Черненко Р. У. КПСС и права человека. М., 1982, с. 5, 8.

некоторым количественным показателям образа жизни от высокоразвитых капиталистических стран, социалистическое общество обеспечивает качественно иной, более гуманный образ жизни трудящейся личности.

Речь идет о целой системе реальных социальных прав, которыми фактически, на деле пользуются труженики социалистического общества. Эти права закреплены юридически, конституционно, они обеспечиваются всей общественно-экономической и социальной системами социализма.

Но заправилам психологической войны и профессиональным лжецам из органов буржуазной пропаганды нет дела до этих социальных прав, которые реальны для стран социализма и практически полностью отсутствуют в странах капитализма. Взять, например, право на жилище, закрепленное в Советской Конституции. Мы еще не можем считать полностью решенной жилищную проблему, но у нас нет и не может быть бездомных людей, нет людей, которые не имеют крыши над головой. Между тем самые богатые капиталистические страны не могут похвастать решением жилищного вопроса в интересах масс трудящихся. В середине 80-х годов XX в. в США насчитывается 2 млн. человек, лишенных крова. Эту потрясающую цифру даже буржуазная печать вынуждена квалифицировать как показатель провала социальной системы страны.

Вот картина из жизни современной Америки, увиденная и описанная буржуазным журналистом. Говорит 30-летняя Джози Холт — обитательница одной из ночлежек Нью-Йорка. «Я не хочу никому показывать, насколько бедна, потому что стыжусь этого. Бесплатного питания не хватает, жилье получить невозможно, работы нет, молодые люди копаются в отбросах на свалках. Я не хочу быть для общества чужой. У меня одно желание — иметь работу и дом для своей семьи. Я ненавижу эту жизнь. Я потеряла способность чувствовать и больше не плачу. Это ад. Но идти мне отсюда некуда, и не знаю, сколько здесь еще придется мучиться. Если тебя сюда затащит, очень трудно вырваться». Джози рассказывает, что

в ночлежке молодые девушки становятся проститутками, появляется все больше больных раком, распространяются другие болезни.

Буржуазный журнал «Тайм» так описывает образ жизни бездомных американцев: «Людей, у которых нет работы и определенного адреса, нередко считают чуть ли не романтиками: они ни от кого не зависят, их жизнь безмятежна и свободна. На самом деле все обстоит иначе. Подобный образ жизни избирают отнюдь не по своей воле. Наступление зимы делает жизнь бездомных еще более тяжелой. Только за последние два года в Нью-Йорке погибли от мороза 29 человек, живших на улице... Рузвельт Ричардсон из Атланты устроился на ночлег в покинутой машине. Обморозился. В результате у него началась гангрена.

Однако жизнь бездомных представляет собой сплошной кошмар и в другие времена года. Они страдают от туберкулеза, дизентерии и прочих болезней. Власти штатов и благотворительные организации тратят слишком мало денег на оказание им помощи. Официальные лица пытаются всячески отмахнуться от этой проблемы. А советник президента Эдвин Миз вызвал всеобщее возмущение, заявив: «Люди посещают пункты раздачи бесплатных обедов лишь потому, что не желают платить за свое питание».

Была создана специальная комиссия по изучению проблемы голода, которая опубликовала доклад, где говорится, что «утверждения о широко распространенном голоде невозможно ни категорически отвергнуть, ни со всей определенностью подтвердить». Столь двойственный вывод вызвал волну негодования у американской общественности. Кто они, эти многочисленные бездомные? Среди них выселенные из своих квартир семьи, которые не в состоянии найти работу и потому платить за жилье; много женщин и молодежи; средний возраст обитателей семи ночлежек в Сан-Франциско составляет 35 лет. Немало среди них неграмотных, но, как показывают результаты недавних исследований, все больше становится бездомных людей и со средним образованием.

Для тех, кто обитает на улице, жизнь становится настоящим кошмаром: почти на холодных ступенях лестниц, постоянные издевательства со стороны полицейских, нападения бандитов. Треть семей, живущих на улицах Нью-Йорка, были выброшены из своих квартир за неуплату.

В Лондоне, по свидетельству британской прессы, ныне бездомных не меньше, чем в начале века. На каждого бездомного приходится по несколько незаселенных квартир, пустующих только потому, что плата слишком велика для них. Бездомные люди и пустующие жилые дома — таков один из убийственных парадоксов буржуазного образа жизни! В Англии и других капиталистических странах существует целое движение сквоттеров, т. е. людей, самовольно вселяющихся в незаселенные жилые дома и живущих там до тех пор, пока их не выселят с помощью полиции. Некоторые авторы, специально исследующие проблему бездомности, приходят к выводу о необходимости возрождения ночлежных домов, существовавших в XIX в. Кое-где такие дома существуют. Но большая часть бездомных ютится по ночам, где только может, устраивая временные «жилища» из ящиков, полиэтиленовых мешков и т. п.

Квартирная плата обычно съедает не менее 40% заработка трудящихся. Вообще же жилище — товар, который продается и покупается по законам капиталистического рынка. И цена этого товара год от года растет. Поэтому-то плотность заселения в кварталах бедноты в США в десятки раз выше, чем в престижных буржуазных районах. Наряду с комфортабельными коттеджами «средних слоев», которые так часто попадают на страницы журнала «Америка», существуют многочисленные гетто трущобного характера, лишенные элементарных удобств. Там, где живет цветное население, доля ветхих жилищ и доля переуплотненных квартир в несколько раз больше, чем в остальных городских кварталах.

Автору этих строк пришлось наблюдать, как бездомные люди в центре сверкающего огнями реклам Парижа устраивались на ночь у входов в станции метро перед их закрытием,

делая себе ложе из газет. Эта тяжелая и унижающая человеческое достоинство картина никак не вписывалась в пропагандируемую в то время на Западе концепцию «государства всеобщего благоденствия». Хорошее «благоденствие» — спать, укрывшись газетами, холодной осенней ночью на улицах хотя бы и в Париже!

В 1984 г., согласно заявлению мэра Парижа, в Парижском районе насчитывалось около 50 тыс. бездомных людей. 50 тыс. бездомных семей было на этот год в Риме.

Бездомность — это прямое следствие безработицы.

Остановимся подробнее на праве человека на труд. История в полной мере подтвердила предвидение основоположников марксизма: победивший социализм навсегда ликвидирует безработицу, которая является имманентной чертой капиталистического способа производства, поскольку наличие постоянной резервной армии труда составляет необходимое условие самовозрастания капитала. Безработица в этом смысле — нормальное состояние буржуазного строя. Иными словами, капитализм уже в силу своей природы не может гарантировать право человека на труд, хотя труд есть источник существования пролетария, живущего за счет продажи единственного товара, который ему принадлежит, — собственной рабочей силы. В массовой безработице и выражается прежде всего необеспеченность существования рабочего класса независимо от уровня заработной платы. «...По мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата»¹.

Поэтому даже в самые лучшие свои времена, в периоды высокой экономической конъюнктуры, капитализм не был избавлен от безработицы. Но времена эти прошли и вряд ли когда-нибудь вернуться. Капитализм лихорадит, он вступил в полосу новых трудностей, общий его кризис принял необычные, ранее не встречавшиеся формы. 80-е годы XX столетия характеризуются таким уровнем безработицы, который даже

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 660.

буржуазные политики и идеологи вынуждены называть национальным бедствием. Если в середине 70-х годов, т. е. в разгар экономического кризиса, численность официально зарегистрированных безработных составляла в странах развитого капитализма 15,3 млн. человек, то в 1982 г. она достигла 30 млн., а в 1983 г. превысила 32 млн. человек.

Подобного явления не наблюдалось со времен «великой депрессии» конца 20 — начала 30-х годов. Следует учитывать, что приведены данные официальной статистики, которая занижает действительную величину армии безработных примерно на 45—50%. Но даже официальная цифра безработных на 1983 г. — 32 млн. — превысила самый высокий в истории «рекорд» 1932 г., когда число полностью безработных составило 24 млн., а вместе с частично безработными — 30 млн. человек.

Сами по себе «рекорды» подобного рода свидетельствуют, причем самым драматическим образом, о несостоятельности капитализма как общественной системы, о его неспособности обеспечить элементарные жизненные права человека. Безработица лишает людей труда уверенности в завтрашнем дне, заставляет их соглашаться на унижительные условия найма. К материальным лишениям она добавляет страдания нравственные.

Массовая безработица, наступление монополистического капитала на социальные позиции трудящихся приводят к такому позорному явлению, как недоедание миллионов граждан самых богатых стран мира, как бродяжничество и пауперизм.

Склады и магазины США ломятся от зерна, сыра, сухого молока и других продовольственных товаров, которые не находят сбыта. В то же время миллионы людей этой самой богатой страны мира недоедают, а то и просто голодают. Как и во время «великой депрессии», голод превратился в острейшую социальную проблему американского общества.

Американская конференция мэров выпустила в 1983 г. доклад, в котором отмечалось, что число голодающих в США приобрело поистине «астрономические размеры» и стало

самым большим за последние 50 лет. По свидетельству медиков, растет число пациентов с такими симптомами истощения, как патологически низкий вес, морщинистая кожа, диарея, обезвоживание организма. Увеличивается число детей, страдающих от недоедания. Однако большая часть страдающих от болезней, связанных с недоеданием, остается без врачебной помощи — она им просто не по карману. Администрация США ведет постоянную войну против бедняков. По официальным данным, в 1983 г. ниже официального уровня бедности жило 34,4 млн., или 15% граждан. Среди негритянской части населения доля бедняков составляет 36%, среди выходцев из латиноамериканских стран — 30%.

Иные буржуазные деятели, признавая определенные достижения социализма в сфере науки, культуры, образования и т. п., весьма скептически относятся к достижениям нового общества в области материального благосостояния. Буржуазная пропаганда концентрирует свои усилия на том, чтобы принизить, оболгать экономические и социальные успехи реального социализма, распространяя всякие домыслы о неэффективности социалистической системы народного хозяйства. Так, например, помощник президента США по национальной безопасности Макферлейн заявил, что за годы Советской власти в России развитие получила только военная промышленность, а что касается жизненного уровня населения, то он нисколько не повысился. Но даже по весьма заниженным данным ЦРУ, о которых не может не знать помощник президента, реальные доходы советских людей за последние три десятилетия увеличились в 3—4 раза. Только с начала 70-х годов реальные доходы на душу населения возросли более чем в полтора раза.

Наш опыт полностью подтвердил предвидение классиков марксизма-ленинизма о путях и методах решения жилищной проблемы — одной из самых сложных социальных проблем, которую приходилось к тому же решать в исторически неблагоприятных условиях. Не следовало бы забывать, например, таких фактов: большинство населения Москвы до революции

проживало в условиях крайней скученности и антисанитарии — подвалах, рабочих казармах и т. п. Такая же картина наблюдалась и в других российских городах. «...Только уничтожение частной собственности и устройство дешевых и гигиеничных квартир может разрешить жилищный вопрос»¹, — указывал В. И. Ленин. Справедливость этого вывода подтверждается, можно сказать, каждодневно.

Исторические обстоятельства сложились таким образом, что широко развернуть массовое жилищное строительство нам удалось с середины 50-х годов. Начиная с 1956 г. за четыре пятилетки было введено в строй свыше 2 млрд. кв. м полезной жилой площади, и это позволило улучшить жилищные условия более 200 млн. человек. В одиннадцатой пятилетке запланировано строительство жилых домов полезной площадью 530—540 млн. кв. м, или около 10 млн. квартир и односемейных домов. Всего же за все годы существования Советской власти (по 1983 г. включительно) было построено 3831,8 млн. кв. м жилой площади. Значительная часть этой площади построена за последнюю четверть века. Заметно улучшились благоустройство и планировка, санитарно-гигиенические показатели и комфортабельность жилья. По масштабам жилищного строительства и темпам решения жилищной проблемы Советский Союз занимает первое место в мире. Ежегодно улучшают жилищные условия свыше 10 млн. человек. Мы близки к достижению важного социального рубежа — обеспечению каждой семьи благоустроенной квартирой.

Государство совместно с общественностью контролирует справедливость распределения и использования жилого фонда. Большая часть жилищного строительства, как и эксплуатации жилого фонда, финансируется государством. Квартирная плата и цены за коммунальные услуги у нас одни из самых низких в мире. Они не составляют и трети реальных затрат на эти цели. Остальное покрывается за счет государства.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 159.

Таким образом, конституционное право на жилище гарантируется у нас не только юридически, но и реально, практически.

Огромное значение социалистическое общество придает воспитанию и обучению подрастающего поколения. Важным этапом на пути реализации выдвинутой КПСС стратегической программы совершенствования всего дела воспитания и образования юной смены стала реформа общеобразовательной и профессиональной школы. Она исходит из ленинских идей о единой трудовой, политехнической школе и ее роли в формировании нового человека применительно к условиям зрелого социалистического общества и продолжающейся научно-технической революции.

На осуществление реформы государство выделяет немалые средства. В двенадцатой пятилетке предусматривается строительство новых школ на 7 млн. ученических мест, почти вдвое больше, чем в предыдущей, около 800 комплексов профтехучилищ, много внешкольных учреждений. Заметно повышается заработная плата учителей. Вложения в дело образования партия и Советское государство рассматривают как самое ценное «помещение капитала», имея в виду не только и не столько экономическую отдачу, сколько всестороннее развитие человека, рост его культуры и сознательности.

Марксизм-ленинизм учит, что общественный прогресс может быть измерен с достаточной степенью точности по общественному положению женщин. «Пролетариат,— писал В. И. Ленин,— не может добиться полной свободы, не завоевываемая полная свобода для женщин»¹.

Ныне ни одна капиталистическая страна мира не может сравниться с нами и по уровню женской образованности, и по реальному участию женщин во всех сферах экономики, культуры, управления делами государства и общества. В 38 буржуазных государствах женщины лишены избира-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 158.

тельных прав. Там же, где не лишены, их доля в выборных органах крайне незначительна. Например, в США она составляет только 5%. Только в Верховном Совете СССР треть депутатов — женщины (по количеству их больше, чем в парламентах всех капиталистических стран, вместе взятых).

В социалистическом обществе действует стройная система мер по охране труда и здоровья женщин, включающая как правовую защиту, так и материальные условия, обеспечивающие сочетание материнства с трудом в общественном производстве. Советское государство осуществляет крупные социальные мероприятия по оказанию помощи работающим матерям и семьям с детьми. Забота о здоровье женщин и детей возложена на специальные медицинские учреждения. Действует широкая сеть детских дошкольных и внешкольных учреждений. Из общей суммы, расходуемой на содержание ребенка в детских яслях или садах, родители выплачивают только 20%, остальные расходы государство берет на себя.

Выплачиваются пособия работающим женщинам по беременности и родам в размере полного заработка независимо от трудового стажа, увеличено число оплачиваемых дней по уходу за больным ребенком.

Введены частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года, дополнительный отпуск без сохранения заработной платы до достижения им полутора лет и выплата государственного единовременного пособия по случаю рождения ребенка.

Классики марксизма-ленинизма предвидели, что для достижения полного равноправия женщин необходимо также постепенно превратить домашнее хозяйство в отрасль общественного производства, максимально освободив женщину от домашней работы. Социализм планомерно и целенаправленно решает эту программную задачу. «Государство, — говорится в Конституции СССР, — проявляет заботу о семье путем создания и развития широкой сети детских учреждений, организации и совершенствования службы быта и общественного

питания, выплаты пособий по случаю рождения ребенка, предоставления пособий и льгот многодетным семьям, а также других видов пособий и помощи семье».

Конечно, даже развитое социалистическое общество еще не решило всех вопросов, связанных с положением женщины. Ей и сейчас нелегко сочетать производственные функции с материнскими обязанностями, которые для общества не менее важны, чем все прочие.

Буржуазные идеологи издавна эксплуатируют грубую ложь о том, будто коммунисты хотят в конечном счете ликвидировать семью, ввести общность жен и т. п. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс опровергали эти гнусные выдумки. Правда истории состоит в том, что именно социализм очищает семейные отношения от скверны торгашества в самой интимной и сокровенной сфере человеческих отношений. Только социализм кладет конец существованию проституции, этой «древнейшей профессии», которая оскорбляет достоинство человека, но без которой, увы, не мыслит себе существование свободная буржуазная личность в не менее свободном обществе, где женское тело такой же товар, как и все прочее.

Социализм освобождает брачные отношения от собственных мотивов и меркантильных интересов. Социалистическая семья, конечно, еще является хозяйственно-потребительской ячейкой общества, но она уже утратила функцию приобретения, накопления и наследования частной собственности. А как отметил К. Маркс, «на высшей ступени своего развития принцип частной собственности противоречит принципу семьи»¹. Принцип семьи в его антибуржуазном, социалистическом понимании — это семья, основу которой составляет брачный союз мужчины и женщины, свободных от частнособственнических и иных утилитарных побуждений, от сословно-классовых, национальных, религиозных и иных предрассудков, от посторонних давлений и т. п. В этом

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 334.

также проявляется важнейшая из человеческих свобод, завоеванных социализмом.

Советский Союз и другие страны социализма развиваются не в безвоздушном пространстве, а в весьма неблагоприятной международной обстановке, которая по вине империализма обнаруживает тенденцию к опасному обострению. Понятно, что наши успехи в области решения социальных проблем и материального обеспечения социальных прав были бы весомее, если бы не приходилось заботиться об укреплении своей безопасности. Это суровая, но абсолютная необходимость нашего времени. Империалистические хищники слабости не прощают. Ход событий в мире поворачивается таким образом, что приходится всерьез и основательно заботиться не только об уровне и качестве жизни, но и о сохранении самой жизни советских людей, об их безопасности.

Но, несмотря на это, КПСС намерена продолжать совершенствование развитого социализма на благо советских людей. В своей речи на внеочередном мартовском (1985 г.) Пленуме ЦК Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ М. С. Горбачев говорил: «Партия будет неуклонно проводить разработанную ею социальную политику. Все во имя человека, на благо человека — это программное положение должно наполняться все более глубоким и конкретным содержанием. Понятно, что улучшение условий жизни человека должно основываться на его возрастающем вкладе в общее дело»¹.

2.

ГДЕ И КАК ОБЕСПЕЧИВАЮТСЯ ЛИЧНЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА

Из всего комплекса проблем, связанных с правами человека, современные антикоммунисты избрали только один — формально-юридический аспект, отражающий некоторые исторические особенности буржуазной демократии. Абсолютизируя и идеализируя эти особенности, превратно толкуя

¹ Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС 11 марта 1985 года. М., 1985, с. 10.

истинное положение дел с соблюдением прав человека в буржуазном обществе, они развернули провокационную политическую и идеологическую кампанию, имеющую цель расшатать политические и правовые основы социалистического общества.

Вопреки лживой антикоммунистической пропаганде именно коммунисты являются наиболее последовательными борцами за осуществление личных прав и свобод трудящихся.

Уже в Декларации прав народов России, в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа были провозглашены полное социальное равенство, равенство и право народов на самоопределение, на свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, отмена всяких национальных и религиозных привилегий и ограничений. Это получило отражение в Конституции РСФСР 1918 г., а также Конституциях Союза ССР 1924 г. и 1936 г. Конституция СССР 1977 г. формулирует важнейшие принципы взаимоотношения государства и личности, дополняет и расширяет ранее зафиксированные права, провозглашает ряд новых прав, свобод и обязанностей.

В действующей Конституции СССР нашли свое выражение всемирно-исторические достижения и основные черты развитого социалистического общества, гуманистический характер государства, высшим принципом которого является защита интересов трудящегося человека и всего советского народа. В ней зафиксированы свободы — слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и др.

Граждане СССР имеют право участвовать в управлении государственными и общественными делами. Жизнь полностью подтвердила положение В. И. Ленина о том, что при социализме «впервые в истории цивилизованных обществ масса населения поднимется до самостоятельного участия не только в голосованиях и выборах, но и в повседневном управлении»¹. В. И. Ленин видел в Советах политическую основу

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 116.

пового строя, такие органы руководства всеми делами государства, которые работали бы не только для трудящихся, но через трудящихся.

У нас принимаются последовательные меры по дальнейшему совершенствованию социалистической демократии, всей политической системы общества. Расширяются полномочия Советов всех ступеней, их роль в развитии экономики и культуры, в решении социальных проблем, затрагивающих повседневную жизнь миллионов людей.

Развитое социалистическое общество полностью реализует личные права и свободы человека. Конституция СССР гарантирует неприкосновенность личности и жилища, защиту семьи, охрану личной жизни и собственности граждан, право на судебную защиту, свободу совести.

Неприкосновенность личности является важнейшей правовой нормой. Никто не может подвергаться административному преследованию или аресту иначе как на законном основании, т. е. согласно решению суда или санкции прокурора. В советском уголовном законодательстве установлена строгая ответственность за незаконный арест или задержание, за вынесение неправомерного приговора, за ложные доносы и необоснованные обвинения в совершении преступления.

Без законного основания никто не имеет права войти в жилище против воли и согласия проживающих в нем лиц. Советское государство гарантирует тайну переписки, тайну и сохранность денежных вкладов в сберегательных кассах.

Принципиальное значение имеет норма, согласно которой уголовной ответственности и наказанию подлежат лица, виновные в совершении предусмотренного законом общественно опасного деяния. Преследуются по закону только преступные действия, а не мысли, сколь бы предосудительны, с точки зрения общественного мнения, они ни были. Следовательно, никому не запрещается «мыслить иначе», чем большинство. Инакомыслие в прямом и точном смысле этого слова у нас

неподсудно. В Советском Союзе неукоснительно соблюдается седьмой принцип, как, впрочем, и все 10 принципов, сформулированные в Заключительном акте Хельсинкского совещания 1975 г. Этот принцип гласит о необходимости уважения прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений.

Стремясь отвлечь внимание мировой общественности от грубейшего нарушения прав человека в странах капитала и одновременно оклеветать социалистический строй, антикоммунисты затеяли крикливую провокационную кампанию по поводу мнимого нарушения прав человека в Советском Союзе.

При этом международный империализм использовал антисоветскую деятельность нескольких оторвавшихся от народа лиц, получивших наименование «инакомыслящих» или «диссидентов». Но дело здесь вовсе не в инакомыслии, а в нарушении законов, в сотрудничестве с пропагандистскими и разведывательными органами империалистических государств, в действиях, направленных на подрыв советского государственного строя. Пособники и агенты империализма — вот кто эти «узники совести», как именует «диссидентов» буржуазная пропаганда. Все судебные процессы над так называемыми диссидентами были проведены в полном соответствии с действующими в нашей стране нормами уголовного судопроизводства при соблюдении всех процессуальных гарантий правосудия.

Величайшее лицемерие буржуазных идеологов — фактических защитников диктатуры монополий — проявляется в том, что они встают в позу поборников демократии и свобод личности, пытаясь вмешиваться во внутренние дела Советского Союза и других социалистических государств. Пропагандистский шум и гам, поднятый в ходе этой провокационной кампании, свидетельствует не о силе, а о слабости позиций империализма, грубо попирающего элементарные политические и социальные права миллионов трудящихся.

Подняв и заострив в свое время вопрос о правах человека, президент Картер и его администрация пытались создать видимость объективности и на словах критиковали некоторые профашистские диктаторские режимы, повинные в массовых репрессиях. Конечно, фактическая поддержка этих режимов продолжалась и тогда. Администрация президента Рейгана отбросила этот камуфляж и перешла к демонстративной поддержке всех самых реакционных, самых кровавых режимов, рассматривая их как оплот в борьбе против «коммунистической угрозы».

В то же самое время официальный Вашингтон не отказался от обвинений Советского Союза и других социалистических стран в мнимом нарушении прав человека. Госдепартамент США в соответствующем меморандуме даже потребовал от нас «движения в сторону большей свободы», т. е. к капитализму, без чего-де не может быть и речи об улучшении советско-американских отношений. Это не что иное, как бесцеремонная попытка вмешательства во внутренние дела суверенной страны, попытка, заведомо обреченная на провал.

Фарисейство и лицемерие вашингтонских защитников прав человека ярко проявляются и в их отношении к событиям в Польше. Оказывая всяческую поддержку контрреволюционным элементам, в том числе из «Солидарности», власть США самым бесчеловечным образом подавляет стачки и забастовки у себя дома. Чего стоит, например, судебное преследование и фактический разгон профсоюза авиадиспетчеров.

В феврале 1983 г. госдепартамент США сфабриковал фальшивку о «принудительном труде» в СССР. Эта провокация была задумана также и для того, чтобы убедить страны Западной Европы отказаться от поставок природного газа из СССР. Фальшивка была разоблачена, не повлияв на позицию стран Западной Европы в отношении получения газа из СССР. Тогда ее использовали в резолюции, принятой конгрессом США.

Антисоветская провокация конгрессменов имеет и внутривнутриполитический аспект — попытку замаскировать вопиющие нарушения прав человека в тюрьмах самих США.

В США был опубликован сборник писем из тюрьмы, написанных американским заключенным Джеком Эбботом известному писателю Норману Мейлеру. Последний систематизировал их и издал отдельной книгой под названием «В утробе зверя».

Как пишет Эббот, «жестокие и варварские» наказания официально запрещены, но фактически применяются¹. Он их испытал на себе. Это камера одиночного заключения с абсолютным затемнением и приковыванием цепями, пытка голодом. «В любой момент дверь камеры может распахнуться, и надзиратели могут войти и бить вас об пол, если вы даже спите. В любой час, в любой день... ни один заключенный не может ни словом, ни каким-либо действием воспротивиться этому террору»².

Посмотрим повнимательнее на цитадели буржуазной демократии. Следует напомнить, что буржуазная демократия — и в этом ее основная социально-политическая функция — обеспечивает основную классовую свободу буржуазии — свободу эксплуатации наемного труда, опирающуюся на частную собственность на средства производства. Буржуазное государство было и остается орудием эксплуатации рабочего класса, всех лиц наемного труда. И любая государственная форма господства буржуазии, будь то буржуазная демократия или откровенная террористическая диктатура фашистского типа, призвана защищать и проводить в жизнь эту классовую свободу буржуазии.

Буржуазное общество объективно невозможно без классовых антагонизмов и противоположностей. В нем идет открытая или приглушенная, но всегда непримиримая, неуставная борьба между трудом и капиталом. И как раз 80-е годы

---

¹ *Abbot J. In the Belly of the Beast.* New York, 1981, p. 24.

² *Ibid.*, p. 54—55.

текущего столетия самым наглядным образом подтверждают эту истину, обнаруженную в свое время марксизмом и тысячу раз «опровергнутую» апологетами капитализма. Самым наглядным и драматическим образом жизнь подтверждает и ту истину, что история не знала и не знает буржуазной демократии, которая не была бы диктатурой буржуазии. Не только где-нибудь в Чили или Парагвае, но и в странах, изображаемых в качестве образцовой модели западной демократии, полиция жестоко избивает женщин, протестующих против установки ядерных ракет, ведутся настоящие военные действия против бастующих шахтеров.

Буржуазная демократия не может обеспечить самых элементарных социальных прав, например права на труд. Но она создает лишь видимость и политического равноправия граждан.

Буржуазная пропаганда назойливо выдвигает в качестве решающего критерия демократизма политический плюрализм, конкуренцию политических партий в борьбе за власть. Но на деле плюралистическая демократия, предполагающая существование минимум двух буржуазных партий, попеременно сменяющих друг друга у кормила власти, также остается диктатурой буржуазии. «Олигархия увековечивает себя не при помощи постоянного сохранения власти в *одних и тех же* руках, но тем, что она попеременно выпускает власть из одной руки, чтобы подхватить ее тут же другой»¹ — эта характеристика, данная К. Марксом механизму буржуазной демократии, нисколько не устарела. Более того, в наши дни она звучит не менее актуально, чем в прошлом веке. Она не в бровь, а в глаз попадает апологетам «американской модели демократии». И в самом деле, какая бы из двух партий ни победила на выборах, президент США в любом случае будет выражать интересы и осуществлять волю монополистического капитала. Различие существует лишь в нюансах, которые зависят от того, какая группировка или фракция монополисти-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 11, с. 372.

ческой буржуазии будет иметь своего ставленника в Белом доме.

В западном «демократическом обществе» с железной необходимостью пробивает себе дорогу закон-тенденция: больше голосов получает тот, кто больше платит. Ведь для успеха на выборах нужна реклама, а она стоит дорого. Средства массовой информации — а в основном при их помощи осуществляется манипулирование общественным мнением — фактически принадлежат крупному капиталу. Поэтому так трудно подлинно демократическим силам обеспечивать победу своим кандидатам на выборах в буржуазные парламенты.

Как отмечает Г. Холл, сотни реакционных, антикоммунистических законов делают фактически невозможным проведение коммунистами избирательной кампании во многих штатах страны. Дискриминационные барьеры препятствуют регистрации кандидатов компартии, предоставляя практически монопольное право на это лишь двум ведущим буржуазным партиям — республиканской и демократической. Коммунисты не могут рассчитывать на получение от правительства финансовых средств для проведения своей кампании, а их доступ к средствам массовой информации США крайне ограничен¹.

Буржуазия прибегает к целой системе юридических уловок, при помощи которых ее представители проходят в депутаты парламента и еще выше, даже не собрав и простого большинства голосов. В соответствии с так называемой мажоритарной системой, действующей в США, Англии, ФРГ, Франции и других странах, избранным считается тот из кандидатов, который получил относительное большинство хотя бы в один голос.

Такую избирательную систему многие на Западе считают политическим мошенничеством. Не случайно все большее число избирателей не желает участвовать в выборах, не видя в них никакого прока. Во многих буржуазных странах

---

¹ См.: Правда, 1984, 15 апреля.

на выборах практикуется подкуп избирателей, прямое давление, полицейский террор.

К оценке любой демократии марксисты-ленинцы всегда подходят с классовых, конкретно-исторических позиций. Им чуждо анархистское отрицание всякой ценности буржуазно-демократических институтов. Провозглашая формальное равенство, буржуазная демократия тем не менее представляет собой реальную ценность для рабочего класса, трудящихся масс и их политических организаций, борющихся против всевластия монополий. Эта демократия все же сохраняет минимальные условия для легальной борьбы прогрессивных сил, для организации масс и распространения правдивой информации. Поэтому трудящиеся во главе с рабочим классом выступают в защиту буржуазных демократических свобод, против всевластия монополий.

Однако ценность буржуазной демократии для рабочего класса относительна. Действительно, в определенных условиях буржуазия может позволить себе такую «роскошь», как легальное существование оппозиционных политических партий, в том числе коммунистических. Но при этом существуют вполне определенные, жесткие пределы их деятельности. Как только развитие классовой борьбы начинает всерьез угрожать политическим и экономическим основам господства буржуазии, последняя без всяких колебаний идет на смену одной формы своего классового господства другой, от буржуазной демократии переходит к террористической диктатуре. К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» на этот счет саркастически замечает: буржуазия делает парламентские каникулы непрерывными и заменяет свой девиз: Свобода, Равенство, Братство — недвусмысленными словами: Пехота, Кавалерия, Артиллерия¹.

Современный этап развития капитализма характеризуется прогрессирующим кризисом системы политического господства буржуазии, деградацией буржуазной демократии.

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 155.

Во многих кичащихся демократическим образом жизни капиталистических странах усиливаются антидемократические, авторитарные тенденции, действует антирабочее законодательство, преследуются коммунисты, подлинные демократы.

Можно на время оставить в стороне неоднозначные оценки таких явлений, как свобода, демократия, права человека, которые даются с различных классовых позиций. Возьмем феномен уголовного насилия, который, бесспорно, серьезно угрожает правам человека, где бы он ни жил и каких бы взглядов ни придерживался.

Насилие стало одной из доминирующих черт образа жизни людей в капиталистических странах. Масштабы насилия растут там с пугающей скоростью, а лидерство в этом позорном росте прочно удерживают Соединенные Штаты, претендующие на эталон всемирной добродетели и порядка.

В 1982 г. в США было совершено 13 млн. тяжких уголовных преступлений, в том числе 22 тыс. убийств (из них только в Нью-Йорке — 1900). В том же году в ФРГ было совершено свыше 4 млн. тяжких уголовных преступлений, во Франции — 2,6 млн. и т. п. Счет, таким образом, идет на миллионы, а убийства исчисляются десятками тысяч, что вполне сравнимо с потерями в результате какой-либо военной кампании.

В США с тревогой говорят о высоком уровне преступности. Но подлинные ее причины, как правило, не вскрывают. Культ насилия стал важнейшей чертой американского образа жизни, насилием насквозь пропитана вся продукция «массовой культуры». Безработица, особенно среди молодежи, обнищание трудящихся и другие социальные тяготы способствуют росту преступности.

Наконец, существует основанный на насилии бизнес гигантских размеров. Ежегодный оборот капитала, связанного прямо или косвенно с уголовной преступностью, составляет в США около 50 млрд. долларов! Сюда относится производство личного оружия и свободная торговля им. Запретить это

не может никто: интересы монополий, производящих оружие, превыше всякой законности, морали и просто здравого смысла.

Насиллие порождает атмосферу страха, причем страха, так сказать, бытового, повседневного, неотступного, назойливого, отравляющего существование. И это тоже черта «свободного мира», где свободно убивают неповинных людей и свободно продают необходимое для этого оружие.

Представители верхов капиталистического общества подчас склонны винить «низы» в анархии, утрате уважения к закону, порядку, нормам морали. Но ведь в этом повинны прежде всего сами верхи, зараженные политическим цинизмом, коррупцией, взяточничеством и другими пороками преступного свойства. Именно они первые и нарушают законы, причем это им обычно легко сходит с рук.

Грязными аморальными методами действуют и крупнейшие корпорации, затрачивая миллионы долларов на взятки и подкуп «нужных людей». Подкупаются правительственные чиновники, государственные деятели, представители делового мира, целые политические партии и группировки — все, от кого зависит сбыт продукции. Коррупция — и это открыто признается буржуазными публицистами — разъедает, подобно раковой опухоли, всю политическую и деловую жизнь «свободного мира». Нарушение юридических норм стало повседневной практикой большого бизнеса.

Кризис буржуазной демократии находит соответствующее отражение в общественном сознании, в идеологии и психологии различных классов и социальных групп капиталистического общества. Антинародный и антигуманный характер политической системы капитализма, выступающей в респектабельной форме «чистой демократии», уже давно глубоко осознан и прочувствован на собственном жизненном опыте многими миллионами трудящихся, и прежде всего той частью рабочего класса, которая идет за коммунистами. Но и та еще довольно значительная часть рабочего класса, трудящихся масс, которая в силу различных исторических,

социальных и экономических причин не доросла до понимания правоты научного социализма, все в большей мере теряет доверие к политическим институтам и пропагандистским штампам «западной демократии».

С другой стороны, многие представители капитала с тревогой констатируют неспособность традиционных политических институтов справиться с углубляющимися социально-экономическими, политическими и идеологическими противоречиями буржуазного строя. Кроме, так сказать, функциональной неэффективности их тревожит тенденция упадка политического и морального авторитета этих институтов.

Стала обычной критика «избытка демократии», от которого якобы страдает «западное общество». Реакционные буржуазные идеологи при этом софистически противопоставляют свободу демократии. По их словам, расширение демократии означает ущемление свободы. Широкое участие населения в политической жизни грозит, по мнению этих идеологов, установлением тоталитаризма и уничтожением «свободы». Под свободой в данном случае, бесспорно, понимается свобода владения частной собственностью, т. е. свобода эксплуатации человека человеком, которая возводится в ранг высшей ценности «свободного мира» и именуется гарантией свободного развития личности.

Непрерывно выдвигаются предложения ограничить прессу, урезать ассигнования на систему просвещения, поскольку демократизация в этой области, сколь бы ничтожной она ни была, порождает слишком радужные надежды на будущее. Значительно активизирована пропаганда «ценностей» буржуазного образа жизни среди трудящихся — ведь враждебное отношение к буржуазной политической системе зарождается именно в их среде. Предлагаемые меры нацелены на ограничение и даже полное свертывание остатков буржуазно-демократических свобод. Мечта о стабильности, о сохранении социально-классового статус-кво неизбежно связывается у защитников старого строя с тоской по сильной личности и авторитарной власти.

Ограниченность и формализм буржуазной демократии наиболее ярко демонстрируются тем фактом, что она бес- сильно останавливается перед воротами капиталистического предприятия. Там, за этими воротами, нет даже формально провозглашенной свободы и демократии, там безраздельно господствует воля хозяина. А ведь сфера труда — это главное социальное поле жизнедеятельности, важнейший компонент образа жизни человека, разумеется человека трудящегося, а не эксплуататора и тунеядца. Мы уже не говорим о том, что капитализм лишает миллионы трудящихся такого жизненно необходимого, насущного права, как право на труд.

В буржуазно-реформистской литературе нет недостатка в теориях и концепциях, провозглашающих принципы «производственной демократии», «социального партнерства», «человеческих отношений», «соучастия» трудящихся в управлении капиталистическим производством. Но все эти принципы остаются на бумаге.

В сфере трудовых отношений капиталистического общества неустанно и непрерывно ведется упорная и изнурительная борьба рабочего класса за лучшие условия продажи им своей рабочей силы. Эта борьба особенно обостряется в связи с углублением общего кризиса капитализма, усилением его нестабильности. Исход этой борьбы зависит не от принципов «чистой демократии», а от соотношения классовых сил, от степени организованности и боевитости трудящихся и их политических организаций.

Империалистическая пропаганда пытается замолчать тот несомненный факт, что во внутренней и во внешней политике Советское государство исходит из самых высоких принципов гуманизма. Ведь именно по предложению Советского Союза в Уставе ООН записано положение о решимости народов «вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и равенство прав больших и малых наций», «содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе», положение

Известный американский реакционер Барри Голдуотер, к примеру, писал: «Язык насилия и тотального протеста, к которому все чаще обращаются различные социальные группы и слои, национальные и государственные общности,— это язык марксизма, он создан и привнесен в современный мир коммунистами...

Поэтому едипственный язык, который хорошо понимают коммунисты,— это язык, диктуемый и поддерживаемый превосхождением в силе. Любые переговоры с коммунистами являются ошибкой, если мы вступаем в них, не оставаясь на позициях силы»¹.

Насилие не просто «повивальная бабка истории», как на самом деле учили классики марксизма, а якобы конечная цель классовой борьбы пролетариата. Террор и вооруженная борьба — это, дескать, альфа и омега всей стратегии и тактики коммунистов. Не моргнув глазом, антикоммунистические «теоретики» приписывают научному коммунизму авантюристическую политику «левого» экстремизма, с которым подлинные марксисты всегда вели и ведут непримиримую борьбу.

1.

МАРКИЗМ-ЛЕНИНИЗМ О РОЛИ НАСИЛИЯ В ИСТОРИИ

Уже в первых трудах и документах научного социализма его основоположники заняли совершенно четкую позицию по отношению к заговорам и заговорщической деятельности. В «Принципах коммунизма», написанных Ф. Энгельсом в 1847 г., указывается: «Коммунисты очень хорошо знают, что всякие заговоры не только бесполезны, но даже вредны. Они очень хорошо знают, что революции нельзя делать предумышленно и по произволу...»²

---

¹ *Goldwater B. The Conscience of a Majority. Prentice-Hall, 1970, p. 2, 94.*

² *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 331.*

В 1871 г. мировая буржуазия бесновалась, обвиняя Генеральный Совет I Интернационала в том, что он якобы инспирировал появление Парижской коммуны. Была развернута целая пропагандистская кампания, в печати многих стран велась травля К. Маркса и Ф. Энгельса, их соратников по Международному Товариществу Рабочих. В ряде речей и выступлений того периода К. Маркс и Ф. Энгельс разоблачают клеветников, разъясняя сущность своего учения и подлинные причины появления Парижской коммуны, которая была непосредственным результатом развития классовой борьбы во Франции, детищем французского пролетариата. К. Маркс, в частности, решительно отверг попытку царского правительства связать проходящий летом 1871 г. судебный процесс участников подпольной анархической группы Нечаева с деятельностью Интернационала ¹.

В. И. Ленин, как и его великие учителя, строго придерживался принципа исторического детерминизма, решительно боролся с волюнтаризмом и субъективизмом, с идеалистической теорией насилия. Подлинные марксисты-ленинцы исходят из того, что насилие не может быть первичной, основополагающей причиной общественного развития. Оно есть лишь особая форма и способ реализации экономической необходимости в условиях антагонистических формаций и при переходе от капитализма к социализму. Любое насилие, идущее вразрез с экономической необходимостью, с объективными законами исторического развития, потерпит в конечном счете неминуемый крах. Марксизму-ленинизму чужда тактика искусственного подталкивания революции, абсолютизация вооруженных форм борьбы, военизация внутренней жизни. Теория насилия на практике ведет к авантюризму, к провалам во внутренней и внешней политике, к моральной дискредитации того, кто ею руководствуется.

Благородная цель всей деятельности коммунистов — построение такого общества, в котором не будет места полити-

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 643.

ческому, социальному и вообще всякому насилию. Как писал В. И. Ленин, «в нашем идеале нет места насилию над людьми», и «все развитие идет к уничтожению насильственного господства одной части общества над другой»¹.

На пути к достижению этой цели не обойтись, однако, без революционного насилия, которое служит орудием борьбы против защитников старого строя. Но насилие и насилию рознь. «Социализм вообще против насилия над людьми. Однако, кроме христианских анархистов и толстовцев, никто еще не выводил отсюда, что социализм против *революционного* насилия,— писал В. И. Ленин.— Значит, говорить о «насилии» вообще, без разбора условий, отличающих реакционное от революционного насилия, значит быть мещанином, отрекающимся от революции, или это значит просто обманывать себя и других софистикой»².

Революционное насилие есть закономерный и нравственно оправданный ответ на насилие со стороны эксплуататоров, на контрреволюционное насилие, которое нередко приобретает самые жестокие, зверские формы. Вместе с тем марксизм-ленинизм выступает против абсолютизации насильственных, в особенности военных, методов борьбы. В. И. Ленин считал, что революционное насилие представляет собой необходимый и законный прием революции лишь на определенных этапах ее развития. Сущность социалистической революции сводится отнюдь не к насилию, а к позитивной созидательной работе, к организации пролетарских масс и всех трудящихся в их борьбе за утверждение новых, несравненно более гуманных и справедливых форм человеческого общежития, чем это было во всей предшествующей истории.

Длительный исторический опыт свидетельствует о том, что первыми прибегают к насилию эксплуататорские классы. И тогда становится необходимым «*применение народом насилия по отношению к насильникам над народом*»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 122.

² Там же, т. 37, с. 296.

³ Там же, т. 12, с. 318.

Великая Октябрьская социалистическая революция была сопряжена со сравнительно незначительными жертвами, а само вооруженное восстание в Петрограде было практически бескровным. Арестованные вожаки контрреволюции были освобождены под честное слово, что они не будут выступать против победившего народа. Хорошо известно, что стоило на деле их «честное слово». Диктатура пролетариата обнажила свой карающий меч в порядке необходимой самообороны против белого террора, контрреволюционных мятежей, саботажа, иностранной интервенции.

Применявшийся в ходе социалистической революции и гражданской войны в России красный террор представлял собой, таким образом, вынужденную меру. «...Обвинение в терроризме, поскольку оно справедливо, падает не на нас, а на буржуазию. Она навязала нам террор. И мы первые сделаем шаги, чтобы ограничить его минимальнейшим минимумом, как только мы покончим с основным источником терроризма...»¹ — говорил В. И. Ленин в 1919 г. Так это и случилось, когда основные противники Советской власти оказались разгромленными.

В одной из своих работ В. И. Ленин приводит красноречивые данные, опубликованные в американском буржуазном журнале «Новая Республика», о белом терроре в Финляндии за 1918 г. и о красном терроре за тот же период в России. При подавлении революционного движения в Финляндии только за несколько дней было казнено 16 700 человек и заключено в концлагеря свыше 70 тыс. человек. И это при населении в 3 млн. человек. В России тогда проживало 150 млн. человек, и за первый год революции было казнено 3800 человек из числа активных контрреволюционеров, с оружием в руках выступивших против Советской власти. Американский журнал констатировал: «Финское правительство было бесконечно более террористическим, чем русское»².

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 355.

² Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 186.

Пролетарская революция не может победить без подавления сопротивления эксплуататорских классов. Когда К. Каутский в книге «Терроризм и коммунизм», опубликованной в 1919 г., осудил подавление большевиками контрреволюционных выступлений, В. И. Ленин в ответ писал: «Мыслима ли революционная партия рабочего класса, которая бы не карала за такие выступления смертью в эпоху самой ожесточенной гражданской войны и заговоров буржуазии о вторжении иноземных войск для свержения рабочего правительства? Ни один человек, кроме безнадежных и смешных педантов, не мог бы ответить на эти вопросы иначе как отрицательно»¹.

Ответить на контрреволюционное насилие насилием революционным — это святой долг истинных пролетарских революционеров. Да и сама буржуазия широко применяла террор против аристократов в ходе буржуазных революций. По этому поводу В. И. Ленин замечал: «Английские буржуа забыли свой 1649, французы свой 1793 год... Террор был справедлив и законен, когда его применяли в интересах замены одного эксплуатирующего меньшинства другим эксплуататорским меньшинством. Террор стал чудовищем и преступен, когда его стали применять в интересах свержения *всякого* эксплуататорского меньшинства, в интересах действительно огромного большинства, в интересах пролетариата и полупролетариата, рабочего класса и беднейшего крестьянства!»²

Антикоммунизм пытается внушить массам, будто переход от капитализма к социализму всегда связан с вооруженной борьбой, кровопролитием, террором. При этом сознательно замалчивается или извращается мирный путь развития социалистической революции, на возможность которого указывали основоположники нашего учения и который реализовался на практике в ряде стран Восточной Европы после окончания второй мировой войны. Но значительно раньше, в 1919 г., в Венгрии была установлена диктатура пролетариата

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 184.

² Там же, т. 37, с. 59—60.

без вооруженного восстания, поскольку в условиях тяжкого национального кризиса буржуазия сама сдала власть рабочему классу¹.

Конечно, любой путь развития социалистической революции связан с ожесточенной классовой борьбой, причем всегда существует реальная возможность ее обострения вплоть до вооруженной борьбы. Так это и произошло в Венгрии в 1919 г., когда силы внутренней и внешней контрреволюции разгромили Венгерскую советскую республику, буквально потопив ее в крови.

Пролетарский, социалистический гуманизм не приемлет философию непротивления злу насилием, но он против ненужной жестокости, напрасных человеческих жертв. На эту особенность пролетарского движения, проходящего под знаменами научного социализма, пророчески указывали К. Маркс и Ф. Энгельс.

Предвидение основоположников марксизма полностью оправдалось. Не выдерживает серьезной критики отождествление диктатуры рабочего класса с пресловутым «тоталитаризмом», т. е. со строем, осуществляющим насилие к большинству населения, подавляющим свободу и права личности. На деле насилие применяется по отношению к эксплуататорским классам или к их остаткам, т. е. к меньшинству населения. По отношению к трудящимся массам подлинные марксисты-ленинцы применяют только убеждение, силу примера.

Сила примера, писал В. И. Ленин, есть главный метод пропаганды преимуществ социализма и в международном масштабе. Ленинскому завету всегда были и остаются верны советские коммунисты.

Сохранение мира и коммунистическое созидание — таковы две взаимосвязанные главные задачи, которые решают КПСС, весь советский народ. Именно в этом глубже и полнее всего раскрывается гуманистическая природа политики нашей партии, на которую ложится огромная политическая

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 233.

и нравственная ответственность перед трудящимися массами, не только перед настоящим, но и будущими поколениями.

Злобствующие антикоммунисты пытаются изобразить марксистов-ленинцев коварными обманщиками и грубыми насильниками, т. е. перебросить на них свои собственные пороки.

Опыт истории свидетельствует, что империализм использует любую возможность для того, чтобы подорвать изнутри социалистический строй, опираясь для этого на внутреннюю контрреволюцию (там, где она есть), просчеты и ошибки руководства.

Реакционные силы для достижения своих целей широко используют аморальные средства их осуществления. Они руководствуются иезуитским правилом: «Цель оправдывает средство», прибегают к вероломству, лицемерию, лжи. Империализм как внутреннюю, так и внешнюю политику строит на обмане, прибегает к насилию, использует шантаж, угрозы, диктат, прямую агрессию. И в то же время идеологи империализма обвиняют коммунистов в том, в чем они грешны сами.

На деле коммунисты считают лучшей, а для себя единственно возможной принципиальную, честную политику, ибо историческая правда на их стороне. В. И. Ленин строго отличал настоящую политику как дело миллионов масс от беспринципного буржуазного политиканства, решительно разоблачал политическое фокусничество и обман. Он учил, что недостойно «опускаться до уровня буржуазных политиканов и обманывать массы»¹. Руководствуясь этим принципом, коммунисты говорят народу правду, какой бы суровой она ни была, называют вещи своими именами: победу — победой, поражение — поражением, компромисс — компромиссом. Они не преуменьшают трудностей и опасностей, тающихся на революционном пути, смело вскрывают, критикуют и ис-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 180.

правляют допущенные ошибки. В отношении к допущенным ошибкам В. И. Ленин видел один из важных критериев серьезности партии, действительного ее служения рабочему классу.

Политика Коммунистической партии, руководствующейся ленинизмом, соответствует самым высоким требованиям гуманизма и этики. Слова В. И. Ленина о том, что партия — ум, честь и совесть нашей эпохи, находят свое каждодневное подтверждение. Коммунистическая партия не только политический руководитель и идейный вдохновитель трудящихся масс, но и непререкаемый нравственный авторитет, носительница гуманистических идеалов рабочего класса. Без нравственного авторитета нет и политического авторитета — этот принцип является для партии незыблемым.

2.

КТО ЖЕ НА ДЕЛЕ ПРАКТИКУЕТ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ

Старый антикоммунистический вымысел о «красном терроризме» в начале 80-х годов был поднят до уровня государственной политики США и ряда других государств — членов НАТО. При этом реакционные круги империализма ставят знак равенства между терроризмом и законной борьбой народов за свое политическое, национальное и социально-экономическое освобождение. Получается, что десятки новых государств Африки, Азии и Латинской Америки, возникших в результате борьбы народов за свою свободу и независимость, являются не чем иным, как порождением терроризма. Более того, если следовать логике империалистов, то тогда к террористам должны быть отнесены и Дж. Вашингтон и другие «отцы-основатели» США, руководившие борьбой американских колоний за независимость.

Так классовая ненависть к процессу социальных перемен в мире доводит их до явного абсурда. Антикоммунистический абсурд становится крайне опасным, когда кладется в

основу внешней политики крупнейшего капиталистического государства мира и используется в качестве предлога для всемерного форсирования гонки вооружений, вмешательства во внутренние дела других стран, в том числе и вооруженным путем.

«Капитализм не имеет исторической перспективы. И не случайно общественное развитие в изображении буржуазных идеологов останавливается на его тупиковой черте, как бы замораживается. В этом не только идейно-теоретическое бессилие, но и большая практическая опасность. Система, не имеющая будущего, не ценит ни прошлое, ни настоящее. Именно здесь — источник авантюристической политики империализма...

Экономическая экспансия сопровождается политической и военной агрессией. То, что творит империализм в Никарагуа и Сальвадоре, на Ближнем Востоке, в Афганистане и на юге Африки, нельзя охарактеризовать иначе, как государственный терроризм, грубейшее нарушение норм международного права, как проявление современного неокOLONIALИЗМА»¹.

Победу кубинской революции, свержение кровавого режима Сомосы в Никарагуа, борьбу народов против проамериканских режимов империализм США расценивает как угрозу «национальной безопасности всех стран Америки». Извращая подлинные цели национально-освободительного движения, в Вашингтоне утверждают, будто они состоят в том, чтобы дестабилизировать весь регион, начиная с Панамского канала и кончая Мексикой. К тому же все представляется так, будто это дело рук горстки «партизан-профессионалов», обученных на Кубе и в Советском Союзе.

Правящие круги США всегда рассматривали Центральную Америку в качестве своей вотчины, где интересы американских монополий надежно обеспечивали продажные террористические режимы. А когда доведенные до отчаяния народы

---

¹ Горбачев М. С. Живое творчество народа, с. 36—37.

этих стран поднимаются на борьбу за свое социальное освобождение, из Вашингтона раздаются вопли о происках Москвы и Гаваны.

Аппетиты монополий США носят глобальный характер. Они протягивают свои щупальца ко всем континентам. В опубликованном индийском еженедельнике «Линк» секретном документе под названием «План Киркпатрик» излагаются цели и средства политики Вашингтона в отношении развивающихся государств. Подчеркивая возрастающую роль сырьевых и энергетических ресурсов развивающихся стран для Соединенных Штатов, автор документа считает, что 80-е годы будут годами конфронтации и конфликтов из-за доступа к этим ресурсам. Главной помехой здесь считается «экономический национализм» — так империалистическая пропаганда называет стремление молодых независимых государств защитить свои природные богатства от разграбления, поставить их на службу национальным интересам.

В достижении поставленной цели главный упор делается на применение силы. «Использование силы,— говорится в документе,— всегда было частью исторического процесса, и мы не должны бояться этого... Американские интересы необходимо защищать с помощью решительных действий. Если мы уверены, что принимаемые меры выгодны нам, необходимо доводить дело до конца, не считаясь с возражениями европейских союзников, не говоря уже о странах третьего мира». В качестве рычагов давления на развивающиеся страны, помимо угрозы применения силы, предлагается использовать экономическую и военную помощь, предоставление кредитов, таможенные барьеры, поставки продовольствия и т. д. «Необходимо убедить наиболее влиятельные группы в развивающихся странах, так же как и мировое общественное мнение, в том, что любые тенденции в социальном развитии стран третьего мира, которые идут вразрез с нашим историческим опытом,— говорится в документе,— являются результатом международного терроризма и несут с собой угрозу установления советского господства».

Опекуны и кураторы диктаторских режимов действуют соответствующими методами. Индийская газета «Пэтриот» писала, что ЦРУ приступило к проведению специальных операций, особенно в развивающихся странах. Под «специальными операциями», поясняет газета, подразумевается физическое устранение важных политических деятелей, подстрекательство к локальным вооруженным конфликтам, организация этнических, религиозно-общинных и расовых конфликтов, экономического саботажа и политических переворотов. Как явствует из планов, разработанных в Вашингтоне, среди стран, выбранных в качестве объекта американского вмешательства, кроме Индии значатся также Куба, Никарагуа, Ливия, Южный Йемен, Эфиопия, Ангола и ряд других.

Происходит крупнейшее с 50-х годов наращивание сил и развертывание деятельности американской разведки по всему миру. В конце 1975 г. был опубликован доклад специальной сенатской комиссии по расследованию деятельности разведывательных органов США, из которого следовало, что ЦРУ занималось организацией заговоров и убийств видных зарубежных государственных и политических деятелей, включая Патриса Лумумбу, Сальвадора Альенде. При этом ЦРУ прибегало к услугам мафии — разветвленной и могущественной организации гангстеров, глубоко проникшей в политическую и экономическую сферу американского общества и обладающей миллиардными средствами.

Конечно, такие комиссии и расследования не могли всерьез поколебать всевластия репрессивно-разведывательных органов США. Но с приходом к власти администрации Рейгана со всякими расследованиями было покончено, игра в демократию прекращена, а перед ЦРУ и ФБР был открыт «зеленый свет»: во имя «борьбы с коммунизмом» им было разрешено делать все, что заблагорассудится. Возможности ЦРУ по ведению секретных операций за рубежом были резко усилены. В 1983 финансовом году бюджет ЦРУ вырос на 25% и превысил, по некоторым оценкам, 1,5 млрд. долларов. Число сотрудников ЦРУ значительно увеличилось.

Было бы неправильно думать, что ЦРУ действует только за пределами США. Как пишут американские журналисты Уайза и Росс, «сейчас в Соединенных Штатах два правительства. Одно из них видимое, другое невидимое. Первое — это правительство, о котором американские граждане читают в газетах, а дети узнают из учебников. Второе, невидимое правительство, собирает информацию, занимается шпионажем, планирует и выполняет секретные операции на всем земном шаре». Добавим: и в самих Соединенных Штатах.

А вот хроника (разумеется, неполная) преступлений ЦРУ начиная с 1953 г.:

1953 г.: заговор, приведший к свержению премьер-министра Ирана М. Мосаддыка.

1958 г.: неудавшиеся планы убийства президента Египта Г. Насера.

1961 г.: убийство премьер-министра Республики Конго Патриса Лумумбы.

1966 г.: заговор, в результате которого был свергнут президент Ганы К. Нкрума;

попытка скомпрометировать Андреаса Папандреу, лидера в то время крупнейшей оппозиционной партии ПАСОК, затем премьер-министра Греции.

1967 г.: убийство в Боливии кубинского революционера Че Гевары.

1973 г.: фашистский переворот и убийство президента Чили Сальвадора Альенде.

С 1974 г.: активная подрывная деятельность в Португалии.

1975 г.: убийство прогрессивного деятеля Кении М. Кариуки; непосредственное участие в свержении лейбористского правительства Г. Уитлема в Австралии.

1976 г.: убийство бывшего министра правительства Народного единства Чили О. Летельера.

1977 г.: убийство президента Народной Республики Конго М. Нгуаби.

1979—1981 годы: планы убийства руководителя Ирана аятоллы Хомейни.

1980 г.: планы убийства президента Народной Республики Мозамбик С. Машела.

С 1960 г. неоднократные попытки организовать убийство Первого секретаря ЦК Компартии Кубы Ф. Кастро.

1981 г.: планы убийств лидера ливийской революции М. Каддафи, председателя Военного комитета национального спасения Мавритании М. Х. ульд Хейдалла, бывшего главы правительства Панама Омара Торрихоса, погибшего при загадочных обстоятельствах в авиационной катастрофе;

заговор против премьер-министра Индии Индиры Ганди;
организация покушения на президента Замбии К. Кунду;

участие в нападении южноафриканских наемников на Республику Сейшельские Острова.

80-е годы: враждебные происки против Польши;
необъявленная война против Демократической Республики Афганистан;

вмешательство во внутренние дела Сальвадора;
подрывная деятельность против Никарагуа;
участие в военных действиях в Ливане, вторжение и оккупация Гренады.

25 октября 1983 г. США совершили нападение на суверенное государство Гренаду. В 1979 г. в этом небольшом островном государстве произошла революция, которая смела реакционную диктатуру ставленников американских монополистов. Народ Гренады вступил на путь демократических преобразований. Новое государство стало активно участвовать в движении неприсоединения, выступало за создание в Карибском бассейне зоны мира и независимости. Этого оказалось достаточным, чтобы вызвать гнев вашингтонских правителей. Под лживым предлогом, будто Гренада превращается в «советско-кубинскую военную базу», вооруженные силы США захватили этот остров. Никакой базы, естественно, на острове не оказалось.

Разбойничье нападение на Гренаду вызвало значительную волну шовинизма в США. Подумать только: это первая «шо-

беда» армии США после поражения во Вьетнаме. Раздались лишь отдельные голоса протеста со стороны не потерявших еще здравого рассудка буржуазных деятелей. Среди них можно отметить известного историка профессора Артура Шлезингера, выступившего 16 декабря 1983 г. в газете «Уолл-стрит джорнэл»: «Наше нападение на Гренаду было нападением без всякого предупреждения на этот несчастный остров с населением 110 тыс. человек, не имеющий ни армии, ни флота, ни авиации. Судя по торжествующей реакции общественности на эту славную победу, по самодовольству правительства и позорному молчанию демократической оппозиции, за исключением всего нескольких смельчаков... вторжение на Гренаду было расценено как один из тех моментов в американской истории, которыми можно гордиться. Неужели нас хотят убедить в том, что перл-харбор — это благо, когда подобные вещи совершаем мы, и зло, когда мы становимся жертвами подобных акций?»

Вторжение на Гренаду было предпринято под фальшивым предлогом обеспечения безопасности находящихся на Гренаде граждан США, хотя им там никто не угрожал. Было вытасчено на свет божий и еще одно обоснование — забота о «правах человека». Вряд ли можно было найти более гнусный и унижительный предлог. О каких правах и каких людей шла в данном случае речь? Американская военщина путем прямой и неспровоцированной агрессии навязала жестокий оккупационный режим малому народу, который никому не угрожал и не мог угрожать. Может быть, речь идет о праве одного человека или узкой группы людей — президента и правящей элиты США — творить международный разбой.

Мировая общественность, в том числе абсолютное большинство государств, представленных в ООН, единодушно осудили агрессию американского империализма против Гренады.

Крайне опасна новая версия пресловутой концепции защиты прав человека в ее американском понимании. Речь, оказывается, идет о защите «прав» подданных США, где бы

они ни находились. Если где-либо заезжему американцу будет что-то угрожать или такая угроза возникнет в воспаленном воображении власть имущих в США, то против данной страны немедленно совершится агрессия, силы быстрого развертывания наведут «порядок», уничтожая и заключая в концентрационные лагеря тысячи и тысячи мирных жителей этой злосчастной страны.

Правда, когда, например, в Сальвадоре контрреволюционеры убили американских монахинь-католичек, то правительство США и усом, как говорится, не повело. Убили и убили. Незачем им было туда ехать с миролюбивой миссией. Правящий сальвадорский режим по-прежнему получает военную и прочую помощь правительственного Вашингтона.

Между тем на Гренаде никого из американских граждан не убивали. А вот гренадцев во имя «умиротворения» по-вашиingtonски убивают, пытаются, запугивают. Гангстерское нападение на Гренаду официальные деятели США пытались не просто оправдать, а возвести в некий принцип, в государственную доктрину. Как сообщала американская печать 3 апреля 1984 г., президентом была подписана директива № 138, в которой формулируется «принцип нанесения упреждающих ударов» якобы для борьбы с террористами за рубежом. Государственный секретарь США публично заявлял о правомерности нанесения превентивных ударов по тем странам, государственный и общественный строй которых не нравится Вашингтону. В числе их Никарагуа, Ливия, Сирия, КНДР, Организация освобождения Палестины.

В апреле 1982 г. Совет национальной безопасности США выработал документ «Американская политика в Центральной Америке и на Кубе в период по 1984 финансовый год включительно». В документе говорилось: «В стратегическом плане мы кровно заинтересованы в том, чтобы не допустить появления в Центральной Америке государств по образцу Кубы... В долгосрочной перспективе мы должны создавать стабильные с политической точки зрения правительства, способные воспротивиться советско-кубинскому влиянию».

Наиболее реакционные круги американского империализма пытаются присвоить себе право карать и миловать в глобальном масштабе: смещать силой неугодные правительства, создавать угодные и т. п. Они были бы рады объявить вне закона Советский Союз, страны социалистического содружества, стереть их силой с лица земли. Но Советский Союз и его союзники — не беззащитная Гренада. Они не поддадутся ни на какие запугивания международных террористов, они всегда готовы дать достойный отпор агрессору.

Политика международного терроризма чревата серьезными опасностями для дела мира. Но она не может отменить объективных законов истории, не в состоянии приостановить антиимпериалистической борьбы народов, потушить их стремления вырваться из тисков неоколониализма, сбросить ярмо кровавых и продажных антинародных диктатур.

ЦРУ ведет свои террористические операции и в стане союзников США по НАТО. Об этом говорят многочисленные факты. Наиболее примечательный из них — разоблачение антиконституционной деятельности тайной масонской ложи «П-2» в Италии. В ее состав входили министры, члены парламента, судьи, крупные чины армии, полиции, спецслужб, а главарь этой ложи фашист Джелли был послушным исполнителем воли ЦРУ и Пентагона. Тайная организация, замаскированная в форме масонской ложи, оказалась могущественным центром реальной власти в стране. Те, кто направлял деятельность ложи, вынашивали далеко идущие замыслы — создать с помощью террора и провокаций обстановку хаоса, благоприятную для фашистского путча и установления военной диктатуры.

В одном из протоколов ложи прямо говорилось о необходимости создать «сильное правительство» и «спасти» Италию, которой-де угрожает Россия, вступившая в сговор с Итальянской компартией. Ложа направляла деятельность террористов, которые взорвали железнодорожный вокзал в Болонье, организовали крушение пассажирского экспресса «Италикус», взорвали бомбу в сельскохозяйственном банке

Милана и т. п. Жертвами пали сотни ни в чем не повинных людей, создавалась обстановка паники и политической неустойчивости. Благодаря случайному стечению обстоятельств заговор был раскрыт, тайная деятельность лжи стала достоянием мировой общественности. Главарям, однако, удалось бежать из Италии. Это только один из примеров коварной деятельности американских рыцарей плаща и кинжала, рыскающих по всему свету.

Поборниками прав человека и борцами против терроризма изображают себя и британские консерваторы. Заместитель министра иностранных дел Великобритании в мае 1983 г. выступил в защиту одного отщепенца, осужденного в СССР за шпионаж в пользу США. И тогда член британского парламента А. Льюис поставил ему резонный вопрос: «Не намерено ли британское правительство выпустить из тюрем пять тысяч англичан, содержащихся в заключении более двух лет без судебного разбирательства?» Заместителю министра нечего было ответить на этот вопрос, и он лишь беспомощно пробормотал, что этот парламентарий оказывает своей стране «плохую услугу». Консервативная газета «Дейли мейл», откликаясь на эту перепалку в парламенте, озабоченно заявила: «Было бы ужасно подумать, если бы Министерство иностранных дел СССР вызвало английского посла и потребовало освободить эти пять тысяч человек».

Понятно, что Министерство иностранных дел СССР этого не сделало, так как наша страна исходит из принципа невмешательства во внутренние дела других государств, подтвержденного, кстати, в Заключительном акте общеевропейского совещания в Хельсинки, под которым стоит и подпись Великобритании.

Однако советская общественность солидарна с протестами английской и мировой общественности по поводу грубейших нарушений прав человека в этом государстве. Возмущение всех честных людей в мире вызывают жестокие репрессии, чинимые британским правительством в Северной Ирландии. Под так называемый закон «О предотвращении терроризма»

британские власти подводят любое выступление в защиту гражданских прав и политических свобод в Северной Ирландии, да и не только там. Этот закон дает полиции право задерживать «подозреваемых» (!) без всяких к тому оснований даже не в целях судебного преследования, а... «для получения информации». Лишь в октябре, ноябре и декабре 1982 г. на основании закона «о предотвращении терроризма» полицией было схвачено 233 англичанина, причем обвинения предъявили лишь 83 из них.

О том, как там пытаются «получить информацию», рассказал на пресс-конференции в Белфасте председатель местного отделения Ирландской республиканской социалистической партии Дж. Браун, которого в марте продержали шесть дней в «центре задержания» Каслри и за это время допрашивали 22 раза (практически почти непрерывно!). Ему постоянно угрожали физической расправой, если он не даст нужных охранке лжесвидетельств.

Британские «силы безопасности» убивают ни в чем не повинных безоружных людей, в тюрьмах Северной Ирландии царит варварский режим. Протестуя против этих унижающих человеческое достоинство условий, пятеро заключенных борцов за права человека в Северной Ирландии объявили голодную забастовку и умерли один за другим. За их агонией с полнейшим равнодушием следили члены английского консервативного кабинета, которые с таким рвением выступают против мнимого нарушения прав человека в Советском Союзе. Был достигнут, без сомнения, один из рекордов всемирно известного лицемерия и ханжества, присущего господствующему классу британского общества.

* * *

Мы привели лишь некоторые факты, свидетельствующие о коварной тактике современного антикоммунизма. Под фальшивым предлогом борьбы против «международного терроризма» и «советской угрозы» империализм США пытается идти напролом, применяя все средства, вплоть до прямого

вмешательства в дела суверенных государств. Сферой «американских жизненных интересов» объявлены многие районы планеты, где пытается закрепиться военная машина США и их союзников.

Политика международного терроризма поднята в США до государственного уровня, поэтому ее с полным основанием называют государственным терроризмом.

Источником международной напряженности, угрозы миру и свободе народов является империализм в целом. Политика воинствующего агрессивного антикоммунизма все шире использует террор против свободолюбивых сил планеты. В современных условиях требуется сличение рядов антиимпериалистического и антивоенного движений, высокая бдительность народов перед лицом происков международной реакции.

Исходя из этого, СССР в сентябре 1984 г. внес на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН в качестве важного и срочного вопрос «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах».

ПРОБЛЕМА МИРА И ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

Милитаризм в современных условиях неотделим от антикоммунизма. Можно сказать, что это две стороны одной и той же медали. Без идеологии и психологии антикоммунизма, без мифа о «советской угрозе» было бы невозможно оправдать усиление гонки вооружений. С другой стороны, грубая военная сила, ядерный шантаж, угроза войны — это главный и «аргумент», и инструмент политики и идеологии антикоммунизма.

Милитаризм имеет два основных проявления: это, во-первых, «военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях», и, во-вторых, «оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата»¹.

В эпоху империализма милитаризм разрастается, подобно раковой опухоли. Ленин отмечал, что империализм по его коренным свойствам отличается наименьшим миролюбием и свободолюбием, наибольшим и повсеместным развитием военщины.

Опыт нашей эпохи учит, что империализм — это главная причина войн, источник гонки вооружений. Империализм

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 187.

был и остается величайшей угрозой для мира, для существования сотен миллионов людей.

В самом общем плане нарастание агрессивности империализма является признаком его ослабления, следствием утраты им господствующих позиций в мире, обострения общего кризиса капитализма. Это судорожная попытка переиграть, перехитрить историю, повернуть вспять ход социального прогресса, прибегая для этого к крайним средствам, включая военный разгром основных носителей этого прогресса. Поскольку Советский Союз и его союзники выступают главной опорой мира на земле, против них в первую очередь направлена классовая ненависть империализма, острое его агрессивной политики.

Огромное беспокойство вызывают у империалистов и те необратимые изменения, которые происходят в «третьем мире», в частности выбор многими освободившимися от колониального гнета странами социалистической ориентации развития, крепнущий союз мирового социализма и национально-освободительного движения.

Помещик из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» с горечью вспоминал о недалеких временах крепостного права:

Ни в ком противоречия,
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
Закон — мое желание!
Кулак — моя полиция!

Ностальгия по колониальному прошлому, по временам карательных экспедиций и дипломатии канонеров обуревают и современных империалистических оболт-оболдуевых. И если некрасовский помещик уповал на «кулак зубодробительный, кулак-скуловорот», то империалисты видят в ядерном кулаке главное и едва ли не единственное средство достижения своих глобальных целей.

Проблема мира и войны всегда занимала важное место в идейно-политической борьбе. Но в наше время ее значение

неизмеримо возросло. Она стала не просто важной, но важнейшей, наипервейшей, проблемой номер один. Именно здесь, на этом направлении прежде всего необходимо остановить антикоммунизм, защитить дело мира и тем самым обеспечить будущее человечеству.

1.

АПОЛОГИЯ ВОЙНЫ

Буржуазные идеологи пытаются представить войны неизбежным спутником всей истории человечества. Причины войны коренятся в свойствах неизменной человеческой природы, в особенностях психологии людей, в их врожденной агрессивности — таковы расхожие штампы буржуазной социологии, политологии, истории и других буржуазных общественных наук, с той или иной стороны изучающих войну.

Содержание войны обычно сводится к насилию, война есть высшая, наиболее развитая, тотальная форма насилия. А насилие — исконная черта человеческих взаимоотношений.

Н. М. Кейзеров, характеризуя так называемую вайоленсологию, или буржуазную «науку» о насилии, отмечает, что феномен социального насилия трактуется буржуазными социологами, как правило, с позиций субъективного идеализма и волюнтаризма¹. Они оправдывают рост насилия и авторитарных, гегемонистских стремлений как некую фатальную неизбежность в эпоху обострения глобальных проблем. В числе глобальных причин роста насилия буржуазные идеологи называют «моральное истощение» индустриальной цивилизации, «невротические влечения века насилия», стрессовые ситуации «технотронной эры», демографический взрыв и его последствия, обострение национальных и расовых конфликтов. Широкое распространение получают псевдонаучные биологизаторские теории, говорящие о «генах агрессии и насилия», якобы открытых современной генетикой.

¹ См.: Кейзеров Н. М. Идеологические диверсии. М., 1979, с. 67—68.

Причин насилия называют много, но умалчивают, как правило, о главной — о военно-промышленных комплексах, об империализме в целом и его политике агрессии и диктата.

Французский историк Жан Бакон в книге «Корни войны» полагает, что детерминация войны носит социально-антропологический и идеологический характер. Войны вызываются, во-первых, врожденной агрессивностью человека как вида, его стремлением к безопасности, которую нельзя обеспечить, не уничтожив предварительно противника; и, во-вторых, идеологическими факторами, в числе которых он на первое место ставит патриотизм, отождествляя его при этом с национализмом и шовинизмом. С позиций оголтелого космополитизма автор называет понятия «патриотизм» и «родина» идолами, «любовь к которым исключительна, слепа и фанатична»¹.

По его словам, нет четких критериев агрессивной и оборонительной политики народов и государств. В качестве примера он берет ситуацию на Ближнем Востоке: «Если считать агрессором того, кто первым прибегает к оружию и проникает на территорию противника, то виновен Израиль. Если же, напротив, такового видеть в том, кто вынуждает другую сторону к военным действиям серией провокаций и угроз, тогда действительным агрессором нужно называть коалицию арабских государств»².

Книга Бакона написана до кровавой агрессии Израиля в Ливане, агрессии, которую заклеямили даже многие буржуазные политические деятели, справедливо сравнив ее с гитлеровским разбоем. Но немало еще и таких «релятивистов», которые, подобно Бакону, готовы признать одинаково правыми и одинаково виновными и агрессора, и его жертву.

В том же духе релятивизма автор трактует вопрос о виновниках гонки вооружений. Ведущей силой этой гонки выступает, по его мнению, Советский Союз, а Запад-де лишь

---

¹ Bacon J. Les Salgneurs du la Guerte. Paris, 1981, p. 98.

² Ibid., p. 34.

выпущден «догонять русских». Прикрываясь маской объективности, щеголяя леворадикальной фразой, автор настойчиво защищает НАТО и клеветает на миролюбивую внешнюю политику Советского Союза.

Известный американский специалист в области теории международных отношений, профессор Принстонского университета Роберт Гилпин предлагает «новую концепцию» международных политических изменений, основанную, в противоположность марксизму, на «недетерминистском подходе» к политике и войне как ее продолжению. Однако «новый подход» Гилпина не идет дальше эклектической «теории факторов» и исторического агностицизма. «Хотя существуют многочисленные факторы, которые создают предпосылки для изменения международной системы, когда они произойдут и произойдут ли вообще, остается пока неясным»¹, — заявляет автор.

Одним из главных факторов изменения международных отношений он называет «гегемонистскую войну» и «гегемонистский конфликт», которые существуют издревле и будут существовать, «пока человечество не уничтожит себя полностью или пока не научится создавать эффективный механизм для изменения своего окружения мирным путем»².

Через призму неизбежности «гегемонистского конфликта» автор рассматривает современные международные отношения, и прежде всего советско-американские. В духе известной концепции о двух сверхдержавах он вводит понятия «*Pax Sovietica*» и «*Pax Americana*», выдавая их за научные категории теории международных отношений. Главный вывод книги: «Самой большой опасностью для международной стабильности является советско-американская конфронтация» и «советский вызов» международной стабильности³.

От этого абсолютно ложного, по сути дела, клеветнического антисоветского штампа не свободны многие написан-

¹ *Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge, 1981, p. 47.*

² *Ibid., p. 210.*

³ *Ibid., p. 229.*

ные в академической манере объективистские труды буржуазных ученых, не говоря уже о пропагандистском уровне буржуазной идеологии.

Угроза войны исходит из Советского Союза, а гарантом мира являются «военно-оборонительные союзы» — НАТО, СЕАТО и им подобные, «сдерживающие коммунизм», уверяют в своей книге «Мир или война. Может ли человечество сделать выбор?» американские политологи Лео и Марион Бресслеры. Авторы отмечают, что упорные поиски мира в течение бурного XX в. определенно сдвигают общественное мнение и взгляды политиков на войну в сторону необходимости ее недопущения. Задача книги, как формулируют ее авторы, состоит в том, чтобы помочь широкому кругу читателей глубже задуматься над сущностью войны и ее альтернативами. «Люди, — пишут Бресслеры, — уникальны тем, что они — единственные на планете живые существа, которые объединяются в группы, чтобы убивать себе подобных на войне»¹. С 3600 г. до н. э. на земле лишь 294 года не было войн; между 1480 и 1964 гг. велось 284 войны; за всю историю в войнах погибло 3,5 млрд. человек. Война воспевалась всеми народами, превозносилась как «высокое занятие». К нашему времени, подчеркивают авторы, «война превратилась в особое искусство, которое может привести к невообразимым разрушениям... Это «искусство» должно напугать людей и заставить их сделать все для усовершенствования другого искусства — сохранения мира». Авторы напоминают, что это второе «искусство» не менее древнее: оно известно со времен Ахейского союза в Древней Греции. В Северной Америке ирокезский Союз шести племен сдерживал конфликты на протяжении 200 лет. Особо отмечается роль США в сохранении мира в XIX—XX вв. Этой цели якобы служили доктрина Монро, панамериканизм, Организация американских государств, НАТО, а также «инициативы США по разрядке напряженности с СССР, Китаем и Кубой».

¹ Bressler M., Bressler L. Peace or War, Can Humanity Make the Choice? Prentice-Hall, 1977, p. 7.

Причины войны стали настолько разнообразными, что пет возможности даже перечислить их, пишут авторы. К главным причинам войны они относят «такие условия, которые вызывают у наций стресс и несогласие между ними в течение долгого времени».

В книге дается классификация войн: «войны за власть», религиозные войны (в том числе идеологические), колониальные войны (их разновидность — «неоколонизаторские войны» при явном или неявном участии великих держав), войны, возникающие из-за столкновения «жизненных интересов наций». Последняя категория конфликтов характеризуется так: «Если какая-то нация преграждает другой нации доступ к такому современному продукту, как нефть, какими-то резкими мстительными действиями, то при этом глубоко затрагиваются жизненные интересы последней»¹. Бресслеры считают, что предпочтительней защищать «жизненные интересы» средствами дипломатии. Однако, говоря о мирном урегулировании, они пишут: «Воля к применению силы при условии наличия такой силы всегда негласно присутствует на любых переговорах по поводу конфликтных ситуаций. Следовательно, в переговорах просматривается и возможность вооруженного нападения... Поэтому и угроза войной оказывается действенным инструментом национальной политики».

В военном плане главной причиной развязывания войны авторы называют «неспособность начинающей войну державы правильно оценить возможность территориальной обороны противника».

«Животную агрессивность» человека как причину войны авторы ставят под сомнение на том основании, что животные не убивают себе подобных без крайней необходимости. Животное только угрожает противнику, и, если тот подает сигнал покорности, атаки, как правило, не бывает. Человек же «придумывает» разные «способы оправдания убийства» — от религиозных (идеологических) до физических (расизм)

---

¹ Bressler M., Bressler L. Peace or War, p. 35.

мотивов. «Войну, — пишут Бресслеры, — облегчают с помощью пропаганды и военной техники, которые играют роль «дегуманизаторов» человеческих отношений. Современная война ликвидировала большую часть той обратной связи, благодаря которой мы больше знали о страданиях противника, и поэтому стало легче продолжать войну. Летчики-истребители, преследуя друг друга в бою, полагают, что ведут огонь по самолету, а не по человеку, сидящему в нем. Стрелок-бомбардир нажимает кнопку бомбосбрасывателя, не видя тех, кого он уничтожает этим жестом... Когда страдания отодвинуты от людей, причиняющих их, ослабевают и их ответственность за это. Сегодня война более привлекательна именно тем, что люди, которые управляют ею, уже не участвуют в ней прямо, а только посылают на нее других»¹.

Военная техника в своем развитии, считают авторы, делает войну «все более абстрактной для ее участников». «В будущем войны станут еще более абстрактными, причем даже принятие решений будет делом лишь немногих. Динамика термоядерной войны требует немедленных решений, поэтому вся ответственность будет возложена на безликую электронно-вычислительную технику. Теоретически некто (видимо, президент) будет «ответствен» за использование ядерного оружия, но на самом деле все звенья командования окажутся включенными в компьютеры, и таким образом война будет вестись почти автоматически. Думать будет некогда, а компьютеры выполнят любую программу, какой бы самоубийственной она ни была»².

Книга Бресслеров представляет собой типичный образец объективистской, квазинаучной апологии войны. Авторы вроде бы не призывают к войне и ее не поэтизируют. Напротив, глава о сущности и характере войны начинается словами генерала Шермана: «Война — это ад!» Это они иллюстрируют примерами из художественной литературы (в частности, из

---

¹ Bressler M., Bressler L. Peace or War, p. 49.

² Ibid., p. 50.

романа Ремарка «На западном фронте без перемен»), цитируют мемуары участников второй мировой войны, ссылаются на письма американских солдат, посланные из Вьетнама. Они констатируют, что война и подготовка к ней пожирают огромные средства. За 200 лет истории США все расходы подобного рода, включая войну во Вьетнаме, составили 1 трлн. 292 млрд. долларов¹.

Авторы доходят до такой смелости, что прямо называют в качестве «одной из производных войны военно-промышленно-конгрессовский комплекс», «объединенные усилия военного истеблишмента, военной индустрии и политиков в укреплении военной организации», причем эти усилия зачастую не обусловлены ни необходимостью, ни заботой об общественных интересах, ни даже требованиями национальной обороны.

Однако военно-промышленный комплекс под пером авторов оказывается не фактором милитаризма, а его «производным», т. е. следствием. Понятно, что здесь все поставлено с ног на голову.

Но каковы же альтернативы, или «заменители», войны? Таковых, по словам авторов, не существует, и можно говорить лишь о «попытках» отдельных лиц или групп людей найти такие альтернативы. В книге приведены отрывки из Библии, из «Дхаммапады» (учение Будды) о «преодолении вражды любовью к ближнему» и т. п. Авторы полагают, что наиболее действенной альтернативой может стать «ненасильственное сопротивление», теорию которого создал Ганди, а практически пытался реализовать Мартин Лютер Кинг.

Другой путь «устранения насилия» лежит в «управлении поведением». Авторы пропагандируют модель «идеального общества», где все физические, интеллектуальные, эмоциональные и эстетические потребности людей удовлетворяются посредством «систематического изменения их взглядов, мотивов и желаний, с помощью поощрения и наказания»².

---

¹ Bressler M., Bressler L. Peace or War, p. 71.

² Ibid., p. 103.

Разумеется, полное разоружение, считают авторы, было бы наилучшим способом сохранения мира. Однако такая акция, по их словам, «не одобряется ни одной нацией». О настойчивых усилиях Советского Союза добиться полного или хотя бы частичного разоружения авторы не говорят.

В заключение авторы утверждают, что с агрессивностью должна-де справиться сама природа, которая в последнее время будто бы усиленно способствует росту тех разделов мозга человека, которые заведуют чувствами сохранения вида.

Итак, авторы все же приходят к стандартному для буржуазного обществоведения выводу об агрессивности человеческой природы как конечной причине войн. Однако этот вывод не вяжется с главной, стержневой идеей книги об «агрессивных устремлениях коммунизма». В самом деле, выходит, что только коммунистам свойственна эта «агрессивная природа», а те, кто направляет политику блока НАТО, созданы из другого теста, обладают какой-то иной, неагрессивной человеческой природой. Ученые авторы из Пенсильванского университета явно не в ладах с элементарной логикой, — это самое малое, что можно сказать по поводу их опуса.

Как отмечают авторы марксистского труда «Проблемы мира и социального прогресса в современной философии», идеи животной агрессивности человека очень часто используются для оправдания социального неравенства, насилия, войны, терроризма. «Понятие животной агрессивности играет при этом исключительно важную роль, хотя оно, строго говоря, некорректно. «Агрессивность» — социально-культурная (прежде всего правовая и этическая) квалификация и применительно к формам животного поведения обладает переносным, метафорическим смыслом»¹.

Буржуазные идеологи совершают двойной перенос: во-первых, они наделяют поведение животных чисто человеческими чертами, а во-вторых, возведя «биологическую агрессивность» в ранг всеобщего закона, переносят ее вновь

¹ Проблемы мира и социального прогресса в современной философии. М., 1983, с. 202.

на человеческое общество. В условиях оскудевающих ресурсов Земли агрессия сильнейших государств объявляется необходимой для выживания лучших и наиболее приспособленных сообществ. Агрессивность — благо для индивида, поскольку она позволяет ему выявить свои генетические возможности, способствует в конечном счете прогрессу рода человеческого. Гибель более слабых и менее удачливых — плата за подобный «прогресс». Такова каннибальская философия этих идейных прислужников милитаризма и международного разбоя.

Но на Западе, и этого мы, конечно, не можем не замечать, есть немало честных, реалистически мыслящих политиков и идеологов, которые все более задумываются о пагубности наговской «философии».

Один из них — французский политолог Тьерри де Босе. Анализируя факторы возникновения войны, он наряду с объективными указывает на субъективные. Источником патологического соблазна превентивной войны, который может испытывать «изолированная элита», по мнению автора, является «самоубийственная недостаточность богатых обществ», порождающая «инстинкт смерти». По его словам, имеет место желание «радикального решения» тяжелого бремени проблем, желание вызвать своего рода «очистительный всемирный потоп».

Автор считает ядерный конфликт возможным, но не неизбежным. Практическая неприменимость ядерного оружия из-за его разрушительной мощи, говорит он, фактически нейтрализует военные потенциалы ядерных держав.

Де Босе, несмотря на ряд оговорок, признает миролюбивый характер военной доктрины Советского Союза и высказывает сомнения в целесообразности следования «атлантической дисциплине», оспаривает концепцию «глобальной ответственности» США за судьбы Запада. Для обоснования необходимости американского лидерства в западном мире используется «аксиома» о «советской угрозе», пишет автор. Однако жизнь опровергает эту «аксиому» и свидетельствует о готов-

ности СССР к мирному сосуществованию с Западом, — таков конечный и чрезвычайно важный вывод автора.

Можно спорить и расходиться во мнениях по проблемам философии или социологии войны и мира. Можно по-разному объяснять происхождение и сущность войн, по-разному оценивать историческое значение тех или иных конкретных военных соглашений и акций государств и народов. Подобные споры могут и, очевидно, должны продолжаться. Но есть вопрос, по которому мнение должно быть единодушным: война с применением термоядерного или другого, например бактериологического или химического оружия, — такая война уже не может решить ни одного политического, идеологического и любого другого вопроса, не принесет экономических выгод, территориальных приобретений и т. п.

Следовательно, речь идет о качественно новой, в истории доселе не встречавшейся ситуации, которую не может не учитывать любой не потерявший элементарного рассудка человек.

2.

АНТИКОММУНИЗМ И МИЛИТАРИЗМ

Основным и наиболее опасным носителем милитаризма ныне является империализм США. Милитаризм давно уже проник во все поры американского общества.

По данным американского института Брукингса, за 30 лет — с 1946 по 1975 г. — США 215 раз прямо или косвенно прибегали к использованию вооруженных сил, высшие правительственные и военные инстанции 19 раз обсуждали вопрос о применении ядерного оружия. США были инициаторами или участниками большинства военных конфликтов после 1945 г., в которых погибло более 10 млн. человек.

Глядя 9 мая 1945 г. из окна на праздничную толпу москвичей, советник посольства США Дж. Кеннан бросил запомнившуюся присутствующим многозначительную фразу: «Ликуют... Они думают, что война кончилась. А она еще только

начинается»¹. В то время Кеннан выражал взгляды реакционных империалистических кругов США, готовивших планы конфронтации с Советским Союзом. И если президент Рузвельт не прислушивался к рекомендациям Кеннана и ему подобных, то обстановка резко изменилась при президенте Трумэне. В тот период Кеннан зарекомендовал себя отменным «ястребом». Большой шум, в частности, вызвала его статья, опубликованная в 1947 г. в журнале «Форин афферс», подписанная одной буквой «Х». В ней Кеннан формулировал стратегию «сдерживания» СССР путем «искусного и бдительного применения контрсилы в ряде постоянно меняющихся географических и политических точек, соответствующих изменениям и маневрам советской политики»².

Тогда Советский Союз изображался Кеннаном государством, руководители которого не допускают мысли о мирном сосуществовании с капиталистическими странами и стремятся к их «тотальному уничтожению». Исходя из этих заведомо ложных предпосылок, президент Трумэн и те круги, чьи интересы он выражал, поставили своей целью не просто «сдерживание», а уничтожение нашего государства. Эта цель и определила внешнеполитическую стратегию США и их союзников, породив «холодную войну»³.

¹ Цит. по: *Бережков В. М.* Путь к Потсдаму. М., 1979, с. 200.

² Там же, с. 201.

³ Дж. Кеннан позднее существенно пересмотрел свои взгляды и перешел на позиции реализма. Не переставая быть противником социализма, он вынужден был признать жизненную необходимость мирного сосуществования США с Советским Союзом и другими социалистическими государствами. В вышедших в конце 60-х годов мемуарах Кеннан нашел в себе мужество критически отнестись к своей деятельности в конце 40 — начале 50-х годов. «Самый серьезный недостаток статьи мистера «Х», — по его словам, — заключается в неясности относительно того, что, говоря о сдерживании советской мощи, я имел в виду не сдерживание военными средствами военной угрозы, а политическое сдерживание политической угрозы». Возможно, это и так. Но в то же время Кеннан признает, что провозглашенный им курс на «сдерживание» имел целью не сохранение статус-кво, сложившегося после окончания второй мировой войны, а его изменение в ущерб социализму. Проще говоря, речь шла о попытке реставрировать капита-

Необходимо в связи с этим напомнить, что, создав и применив атомное оружие, США попытались сделать все возможное для сохранения атомной монополии. С этой целью в 1946 г. ими был внесен в ООН проект, получивший название «плана Баруха», который предусматривал создание «международного органа по атомной энергии», полностью контролируемого США. Под их эгидой оказалась бы атомная промышленность всего мира.

При подготовке «плана Баруха» госдепартамент подчеркивал: «План вовсе не требует, чтобы США прекратили производство атомных бомб ни после того, как он будет предложен, ни после учреждения международного органа». Объединенный комитет начальников штабов США оговаривал свое согласие на «план Баруха» следующим условием: «Атомная бомба должна оставаться сердцевиной американского арсенала, и система контроля должна быть разработана таким образом, чтобы предотвратить разработку атомного оружия русскими». Требования военщины были подкреплены президентом Трумэн: «Ни при каких обстоятельствах мы не должны выбрасывать за борт свое оружие до тех пор, пока не будем уверены, что весь остальной мир не может вооружиться против нас».

Вскоре после окончания второй мировой войны в США был разработан «документ № 329», подготовленный объединенным разведывательным комитетом. В нем объектами американских атомных бомбардировок назывались 20 советских городов с населением в 13 млн. человек.

В США были опубликованы секретные директивы американских администраций за период между 1945 и 1960 гг. Четко прослеживаются зловещие цели правящих кругов США — обеспечить себе ядерное превосходство не просто с целью шантажа и получения каких-то преимуществ, а с целью нанесения массированного ядерного удара по СССР и другим странам социализма.

лиам хотя бы в ряде стран социалистической системы (*Kennan D. Memoris. 1925—1950. London, 1968, p. 358*).

Историк Дэвид Розенберг из Хьюстонского университета, в распоряжение которого попали эти документы, писал, что в соответствии с заложенными президентом Трумэном основами американской ядерной политики «нанесение первого ядерного удара по Советскому Союзу» провозглашалось «первоочередной задачей» Соединенных Штатов. Уже в 1946 г. Пентагон разрабатывал планы осуществления наиболее эффективной атомной бомбардировки СССР. К осени 1947 г. американские стратеги наметили 100 городов в СССР в качестве мишеней для ядерных ударов.

В апреле 1950 г. Совет национальной безопасности (СНБ) США разработал специальный документ под названием «Эн-эс-си-68», который прямо предусматривал развязывание войны против СССР, чтобы «раз и навсегда покончить с коммунизмом». В целях создания наиболее благоприятных для США условий для начала такой войны документ предписывал предпринять самые энергичные усилия по сохранению за США монополии или же значительного превосходства в ядерных арсеналах.

Начатое при президенте Трумэне «наращивание ядерных возможностей США» было продолжено последующими американскими администрациями. В частности, в начале 50-х годов президент Эйзенхауэр в меморандуме государственному секретарю Даллесу писал, что американское руководство при определенных обстоятельствах «может быть вынуждено» рассмотреть вопрос о том, «не состоит ли наш долг перед грядущими поколениями в том, чтобы начать войну в самый удобный для нас момент». В 1955 г. Пентагон потребовал удвоения количества стратегических бомбардировщиков — в ту пору основных доставщиков ядерного оружия.

По данным того же института Брукинга, в 1946 г. Вашингтон угрожал сбросить атомную бомбу на Югославию после того, как над территорией этого суверенного государства был сбит американский военный самолет. Атомный шантаж неоднократно пускался в ход, чтобы воспрепятствовать демократическим преобразованиям на немецкой земле. В 1953 г.

председатель комитета начальников штабов США генерал Бредли сообщил сенатской комиссии: «Мы много раз обсуждали возможность тактического применения атомной бомбы в корейской войне». В 1956 г. Вашингтон вновь использовал атомную угрозу — во время суэцкого кризиса. Двумя годами позже состоялась известная американская «экспедиция в Ливан», в которой участвовали и тактические ядерные ракеты. В 1954 и 1958 гг. Соединенные Штаты готовились к нанесению ядерного удара по Китаю в связи с тайваньским вопросом. В 1962 г. Вашингтон угрожал применением ядерного оружия во время карибского кризиса. В 1968-м — комитет начальников штабов вынес рекомендацию о применении термоядерной силы во Вьетнаме. В 1980 г. в число объектов ядерного нападения был внесен Иран... Государственный секретарь США Дин Раск утверждал, что под мирным сосуществованием Советский Союз «подразумевает решительное усилие распространить свою систему принуждения на весь мир». Таких заявлений в 50—60-е годы было сделано множество. Но верили ли вдохновители и организаторы антикоммунистического похода в те годы в «агрессивные намерения Советов»? Есть неопровержимые факты и свидетельства, говорящие, что по крайней мере некоторые, а может быть, и многие из них не верили.

Большой резонанс имела вышедшая в конце 50-х годов в Швейцарии книга американского антикоммуниста В. Шламма «Пределы чуда». Автор не скрывал ни своей ненависти к новому строю, ни желания его уничтожить. Но он без всяких обиняков признавал то, что не желали открыто признавать подавляющее большинство буржуазных идеологов, — коммунисты хотят мира. «Суть конфликта между коммунизмом и Западом (а она настолько чудовищна, что никто не осмеливается взглянуть правде в глаза) заключается в том, что коммунизм хочет мира и в условиях мира процветает»¹. Мир, мирное сосуществование государств невыгодно и даже

¹ *Schlamm W. S. Die Grenzen des Wunders. Zürich, 1959, S. 185.*

смертельно опасно для Запада. «Коммунизм,— признавал Шламм,— приближается к своей цели с невиданной в истории точностью»¹. Что же в таком случае остается делать? Как должен поступать Запад? Ответ Шламма таков: «Едиственная имеющая смысл стратегия Запада должна состоять в решимости держать коммунизм под угрозой войны; другого способа воздействия на него не существует»².

Шламм, бесспорно, выразил сокровенные идеи антикоммунизма без всяких пропагандистских ухищрений и камуфляжа. Не военной силы, а силы примера реального социализма боятся заправила современного капитализма. Ради сохранения этого исторически изжившего себя строя они готовы пойти на риск атомной войны. А басни насчет «агрессивности коммунизма» и «руке Москвы» — это лишь оружие в психологической войне и не более того. Верить в такие басни вовсе не обязательно, особенно людям, обладающим достаточно полной информацией. В начале 70-х годов Шламм повторил свой тезис: «Коммунизм хочет мира, он процветает и побеждает в условиях мира. Запад же, если он хочет выжить, должен быть преисполнен решимости воевать. Быть только подготовленным к войне — недостаточно»³.

Д. Эйзенхауэр в прощальной речи 17 января 1961 г. предупреждал народ США о «катастрофическом росте» и «тотальном влиянии — экономическом, политическом, духовном — военно-промышленного комплекса, которое ощущается в органах власти каждого города, каждого штата и каждого учреждения федерального правительства». Он также говорил о наличии «опасности того, что государственная политика может оказаться пленницей научно-технической элиты»⁴. Влияние «научно-технической элиты» Эйзенхауэр явно

---

¹ *Schlamm W. S. Die Grenzen des Wunders*, S. 200.

² *Ibid.*, S. 201.

³ *Twer, Hamburg, 1971, 1 Februar.*

⁴ *Katz J. E. Presidential Politics and Science Policy. New York — London, 1978, p. 99.*

преувеличил, а что касается зловещей роли «военно-промышленного комплекса», то тут он был абсолютно прав. Слова его оказались пророческими, и это становится особенно очевидно в наше время. Именно военно-промышленный комплекс США — главный фактор гонки вооружений, инициатор подрыва разрядки и нового издания «холодной войны» с перспективой перехода к войне «горячей».

Антикоммунизм как политика и как идеология есть выражение и отражение соответствующих материальных общественных отношений, продукт экономического базиса буржуазного общества. Собственно, любая система производственных отношений, основанная на частной собственности и эксплуатации человека человеком, порождает остро негативную реакцию на социалистические и коммунистические взгляды и тем более на связанные с ними практические действия. Под черным знаменем антикоммунизма в свое время, как известно, объединились папа и царь, помещики и капиталисты всей Европы. И поныне те социальные и политические структуры, в которых сильны феодальные пережитки, характеризуются особенно злым, фанатичным антикоммунизмом. Но все же в современных условиях антикоммунистическая идеология и политика порождаются и направляются крупным капиталом. Поэтому антикоммунизм как политика представляет собой в конечном счете концентрированное выражение экономики современного монополистического капитализма, и в первую очередь тех ее структурных подразделений и частей, которые связаны прямо или косвенно с производством вооружений.

Современный капитализм характеризуется необычайно возросшей ролью военно-промышленных комплексов, многие из которых превратились в транснациональные, а входящие в них концерны срачиваются как с собственной военщиной, так и с верхушкой аппарата НАТО. В гонке вооружений непосредственно заинтересованы не только гигантские американские военные концерны, но и концерны других стран НАТО.

Военные концерны США все шире внедряются в акционерный капитал западноевропейских стран и Японии, между ними развивается тесное научно-техническое сотрудничество, специализация и кооперирование. Следует отметить, что ФРГ вышла на второе место среди стран НАТО по размеру и доле военных расходов на душу населения, а по производству, например, танков обогнала США, снабжает ими армии других стран Западной Европы. Поэтому в гонке вооружений, в частности в размещении «евроракет», материально заинтересованы не только американские, но и западноевропейские монополии.

Транснациональная финансовая олигархия, связанная с производством вооружений, является главной экономической базой воинствующего антикоммунизма и антисоветизма, источником гонки вооружений и растущей военной опасности во всем мире. Несмотря на внутренние противоречия, ничем не устранимое соперничество и конкуренцию, финансовая олигархия, руководители транснациональных военно-промышленных комплексов, эти «сильные мира сего», на тайных совещаниях вырабатывают решения, определяющие политический курс ведущих буржуазных государств. Именно на этих сборищах были приняты в свое время решения о «довооружении» НАТО, о срыве разрядки, о новом туре гонки вооружений с непредсказуемыми последствиями.

Именно эта часть монополистической верхушки материально заинтересована в бесконечной гонке вооружений, в балансировании человечества на грани термоядерной войны. Она является мощным генератором антикоммунистического и антисоветского психоза, инициатором авантюристической политики силового давления и диктата.

В погоне за сверхприбылью монополистический капитал не останавливается ни перед чем. Ненасытная жадность монополистов, производящих оружие, доходящая до безумия классовая ненависть реакционных политиков, авантюризм и амбиции военщины — вот та «гремучая смесь», которая готова взорвать мир не только в переносном, но и в прямом смысле.

В обострении международной напряженности кровно заинтересован международный сионизм, который имеет весьма прочные позиции в экономике, политике и идеологии США. Известный американский политический деятель У. Фулбрайт пишет, что в США «есть круги, кровно заинтересованные в том, чтобы сорвать разрядку. Это прежде всего группы, связанные с Израилем. Сторонники Израиля преобладают в конгрессе. Эти люди рассматривают разрядку в отношениях с русскими как нечто угрожающее их интересам. Ведь, установив нормальные отношения с Советским Союзом, им было бы пелегко выколачивать в конгрессе колоссальные суммы для Израиля. А сейчас, чтобы обосновать «необходимость» этой «помощи», выдвигается множество причин: Израиль-де «бастион на пути советского влияния» на Ближнем Востоке, «защитный вал» против распространения коммунизма в Африке. Если ознакомиться с документами о ходе голосований в конгрессе, в особенности в сенате, то нетрудно заметить, что те, кто поддерживает Израиль и голосует против разрядки в отношениях с СССР, одни и те же люди».

Даже в мирных условиях человечество вынуждено платить огромную цену за существование военно-промышленных комплексов, за его милитаристскую продукцию.

Частная американская исследовательская организация «Уорлд утч» опубликовала доклад «Состояние мира в 1984 г.». В нем говорится, что военные расходы на планете достигли 663 млрд. долларов. Это приблизительно в 20 раз больше по сравнению с 30-ми годами. Начиная с 1978 г. военные расходы возрастают в среднем на 4% в год, в то время как ежегодный рост мировой капиталистической экономики составляет всего 1,7%, отмечают авторы доклада. Растущая милитаризация, указывается в документе, подрывает экономическую структуру капиталистического мира.

Одним из «аргументов» в пользу гонки вооружений является утверждение, будто военное производство благотворно влияет на экономику, а разоружение немедленно вызовет экономический спад и безработицу. Но на деле все обстоит как

раз наоборот. Гонка вооружений баснословно обогащает только военно-промышленный комплекс, но тяжелым бременем ложится на народное хозяйство в целом, являясь одной из главных причин не только инфляции, но и безработицы. Определенная сумма, вложенная в военное производство, создает меньшее количество рабочих мест, чем та же сумма, вложенная в гражданское производство. Это и понятно: современное военное производство наиболее капиталоемкая и наименее трудоемкая отрасль промышленного производства в силу своей особо высокой научно-технической вооруженности.

Значительная доля трудовых ресурсов развитых капиталистических стран исключается из воспроизводства еще и потому, что она находится непосредственно в составе вооруженных сил и никаких материальных ценностей не создает, а другая, не менее значительная доля занята в военной промышленности и в связанных с ней сферах научного и технического обслуживания.

Гонка вооружений поглощает огромные материальные, в том числе энергетические, ресурсы, которые так необходимы для решения неотложных общечеловеческих проблем — для борьбы с голодом, болезнями, для создания принципиально новой технологии, соответствующей требованиям экологии.

Качественное развитие военной техники требует расходования наиболее ценных и редких материалов — титана, серебра, алюминия и т. п.

Средние нормы и темпы роста расходования энергии в большинстве военных отраслей значительно выше, чем в гражданских. Одновременное действие этих тенденций приведет в ближайшее время к обострению энергосырьевого кризиса капитализма, а в более длительной перспективе ускорит сроки исчерпания мировых ресурсов.

Военные расходы, по словам К. Маркса, «в непосредственно экономическом отношении это то же самое, как если бы нация кинула в воду часть своего капитала»¹. Такое «кидание»

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 67.

материальных и интеллектуальных ресурсов, такая непроизводительная трата человеческого труда безнаказанно не проходят. Гонка вооружений обогащает военно-промышленный комплекс, но разоряет общество в целом. Больше всего и прежде всего страдают, конечно, трудящиеся.

Гонка вооружений сопровождается другой гонкой — безработицы и инфляции, превратившихся в подлинный бич капиталистического общества. Первая гонка порождает вторую. Беспрецедентное увеличение военных расходов приводит к громадному бюджетному дефициту, препятствует нормальному функционированию гражданских отраслей экономики. Создаётся опаснейший перекос, который может опрокинуть весь корабль капиталистической экономики. Это начинают понимать все больше людей на Западе, в том числе и некоторые представители монополистической верхушки США.

В отличие от США и других капиталистических стран, где на гонке вооружений баснословно наживаются монополии, в Советском Союзе нет ни отдельных лиц, ни социальных групп, которые получали бы прибыли от военного производства и были заинтересованы в его расширении. Для СССР расходы на оборону — вынужденная мера. Их сокращение позволило бы направить дополнительные средства на выполнение социально-экономических программ, на улучшение жизни советского народа, против чего и выступают империалисты. Однако им никогда не удастся добиться экономического истощения и краха социалистической системы.

3.

«ЛЕТАЮЩИЕ ЯЩЕРЫ» АНТИКОММУНИЗМА

Политиков и идеологов, безоговорочно отстаивающих интересы военно-промышленного комплекса и во имя этих интересов не останавливающихся ни перед чем — вплоть до ядерной войны, называют «ястребами». Один из таких «ястребов», Й. Лунс, в ходе своего визита в Вашингтон 26 апреля 1983 г.

(он в то время был генеральным секретарем НАТО) заявил, что движение против размещения ракет в Западной Европе «способствует возникновению войны»! Антикоммунистический фанатизм принял у Лунса особо опасные формы. Подумать только! Миллионы честных людей, стремящихся не допустить нового, несравненного по масштабам издания Хиросимы на своей земле, оказались... пособниками поджигателей войны. О деятелях, подобных Лунсу, журнал «Африк-Ази» писал, что они даже не «ястребы», а «летающие ящеры», способные отбросить остатки человечества, если таковые окажутся после ядерной войны, к доисторическим пещерным временам.

У этих господ антикоммунизм принимает прямо-таки клинические формы. Их периодически охватывают приступы классовой ненависти, доходящей до безумия. Известный английский ученый и выдающийся борец за мир Дж. Бернал в своей книге «Мир без войны», вышедшей в 1958 г., писал, что страх перед войной растет со всех сторон, и растет вполне обоснованно, так как запасов атомных бомб становится все больше. «Однако среди приверженцев «холодной войны» этот страх принимает все более и более патологическую форму... Фраза, брошенная лордом Н.: «По мне, лучше быть атомизированным, чем коммунизированным», нашла отклик во многих консервативных сердцах. Бертран Рассел, возражая лорду, согласился с его светлостью, поскольку речь идет о выражении личного мнения: он тоже предпочел бы быть атомизированным, чем коммунизированным, но он не понимает, как можно оправдать атомизацию всех народов мира, которые могли бы сделать и иной выбор»¹.

Эти мрачные, поистине самоубийственные мысли получили в те годы, как свидетельствует Дж. Бернал, довольно широкое распространение. За четверть с лишним века стало гораздо больше бомб, возросла и реальная угроза их применения.

---

¹ Бернал Дж. Мир без войны. М., 1960, с. 340—341.

Выступая в августе 1979 г. на XXII национальном съезде Коммунистической партии США, Г. Холл предупреждал о зловещих замыслах «новой ультраправой клики сторонников «холодной войны», которая бросила все свои силы против ратификации Договора ОСВ-2. Эти люди, говорил Г. Холл, заражены «джонстаунскими настроениями» и предпочли бы гибель всего человечества разрядке в военной сфере¹. Понятие «джонстаунские настроения» связано с трагическими событиями, разыгравшимися 18 ноября 1978 г. в местечке Джонстаун в Гайане, где более 900 человек — фанатичных последователей религиозного вождя Д. Джонса — по его призыву покончили с собой.

Империализм готов пожертвовать сотнями миллионов, миллиардами жизней, дабы продлить свое существование. Классовый эгоизм, историческая слепота, сатанинская злоба, изуверство в глобальном, космическом масштабе — какие бы мы выражения и эпитеты не применили по сему случаю, все будет мало, чтобы достойно оценить такую «жизненную позицию» и «ценностную ориентацию» империалистов-некрофилов!

Но есть среди «ящеров антикоммунизма» завзятые «оптимисты» — они надеются выйти сухими и невредимыми из всепожирающего ядерного потопа. Искренне ли они верят в возможность такого спасения или нет, неизвестно, но пропаганду подобного рода или, можно сказать, рекламу ядерной войне ведут с большим размахом. Им все нипочем. На обломках сгоревшей цивилизации они мечтают возродить обповленную «американскую мечту», воссоздать тысячелетнее царство капитала.

На рубеже 70-х и 80-х годов резко активизировали свою деятельность проимпериалистские политические организации: Комитет по существующей опасности, Коалиция за мир с позиции силы и др. Стали множиться так называемые «комитеты политических действий» — лоббистские организации во-

---

¹ См.: Проблемы мира и социализма, 1979, № 12, с. 28.

енных концернов. Их усилия концентрировались на том, чтобы сорвать советско-американские переговоры об ограничении стратегических вооружений. Вопрос о ратификации ОСВ-2 стал тем рубежом, на котором они решили дать смертный бой разрядке. Уже администрация Картера полностью подчинилась их нажиму. В ходе внутривластной борьбы примерно к осени 1979 г. шовинистические, гегемонистски настроенные круги правящей верхушки США одержали верх, оттеснив деятелей так называемого «политического центра», обладавших здравым смыслом, чувством меры и ответственности в международных делах.

Реалистически мыслящие круги, потерпев поражение, перешли в оборону, но борьбу не прекратили, поскольку ясно представляют, что авантюризм внешней и внутренней политики республиканской администрации может причинить непоправимый ущерб прежде всего самим Соединенным Штатам.

Провал вооруженной интервенции США во Вьетнаме оказал серьезное воздействие на американское общественное мнение. Рухнул миф о непобедимости американской военной машины, на какое-то время наступила полоса отрезвления и в правящих кругах страны. Американские ястребы стали делать все возможное и невозможное, чтобы избавиться, по их выражению, общественность от «комплекса Вьетнама». Как пишет заместитель руководителя Центра по международным отношениям Гарвардского университета М. Нахт, уроки Вьетнама способствовали подрыву внутренней поддержки политики «сдерживания коммунизма», которую США проводили с 40-х до 60-х годов. Эти уроки, по мнению автора, будут в значительной мере влиять на подходы американцев к внешней политике еще долгие годы, пока новое поражение такого же масштаба или же, напротив, яркая победа не затмят память о вьетнамской катастрофе. Вьетнам, по словам автора, останется для будущего поколения политических лидеров тем, что Мюнхен или Перл-Харбор для предыдущего. К началу 80-х годов, утверждает Нахт, США пришли «раненой нацией»,

а «раненые нации» ищут выходов в простых решениях — в шовинизме и ура-патриотизме. Накопление негативных эмоций в сознании правящих кругов, а также у широкой общественности может быть остановлено только каким-либо крупным успехом, например выигрышем в кризисной ситуации, заявляет политолог¹.

Идеологи и пропагандисты ультраправого толка, выражая интересы военно-промышленного комплекса, сделали все возможное, чтобы преодолеть «комплекс слабости» на базе шовинизма, идей «американской исключительности». Они всемерно использовали возмущение широких слоев американского общества задержанием персонала посольства США в Иране в качестве «заложников». Умело играя на ущемленном национальном самолюбии, американская пропаганда призывала «сильной рукой» восстановить «былую мощь» и «величие» США.

Пропаганда ядерной вседозволенности приняла в США и во многих других странах НАТО необычайно широкие масштабы.

Восхваление грубой военной силы и международного разбоя прикрывается высокопарными рассуждениями о национальных интересах Америки, об американских идеалах и американском образе жизни, которые-де надлежит внедрить на всем земном шаре. Поджигательский зуд заставляет иных американских деятелей открыто проповедовать необходимость атомного нападения на Советский Союз. Сотрудники Гудзоновского института Колин Грей и Кейнт Пейн писали: «Соединенные Штаты должны разработать план разгрома Советского Союза, причем ценой таких жертв, которые не помешали бы восстановлению нашей страны. Вашингтону следует четко определить цели войны, которые предусматривали бы в конечном счете уничтожение Советской власти и установление послевоенного мирового порядка, совместимого с западными ценностями».

---

¹ Daedalus. Boston, 1981, vol. 110, N 1, p. 8.

Ричард Пайпс заявил: «Война с СССР неизбежна, если только он не откажется от коммунизма». А. Хейг в бытность свою государственным секретарем говорил, что «есть вещи поважнее, чем «мир». Министр обороны К. Уайнбергер эту чудовищную идейку выразил следующим образом: «Есть вещи похуже войны». В сущности, это вариация на старую тему: «Лучше быть мертвым, чем красным».

Политическая философия ультраправых характеризуется воинствующим гегемонизмом и шовинизмом, выступающими в форме мессионизма. США изображаются государством, призванным «спасти» человечество от «безбожного коммунизма» и руководить всеми народами земли. Повторяется формула американских шовинистов: «Бог вручил Америке пострадавшее человечество». Одновременно выражается убеждение в «недолговечности коммунизма». В тогу спасителей «западной цивилизации» рядятся многие руководящие деятели США.

Одна из важнейших причин усиления агрессивности империализма заключается в обострившейся борьбе за рынки сырья в условиях серьезного энергетического и сырьевого кризиса. Поскольку монополиям нужны нефть, уран, цветные металлы, то сферой «жизненных интересов» США объявляются обширные районы мира: Ближний Восток, Африка, Индийский океан. Империалисты, и прежде всего американские, стремятся не только завладеть чужими природными богатствами, но и чужими территориями для реализации агрессивных стратегических замыслов.

Не ограничиваясь изощренными экономическими и политическими методами неокOLONиалистского господства, американский империализм хватается за чисто военные методы, за «большую дубинку» мирового полицейского, за «силы быстрого развертывания», угрожая применить против непокорных ядерное оружие, нейтронную бомбу и т. п.

Идеологическое и политическое «обоснование» этих хищнических притязаний весьма убого. Во-первых, облыжно утверждается, будто «Советы» непременно хотят захватить

нефтеносные районы вокруг Персидского залива, прорываются в Африку и т. д. Эта наглая ложь, сфабрикованная по мошенническому рецепту — «держи вора», не нуждается в особых опровержениях. Советский Союз никогда не зарился и не зарится на чужие территории и сырьевые ресурсы. Политика колониальных захватов и грабежа несовместима с принципами марксизма-ленинизма и законами развития реального социализма. Полностью обеспечивая потребности в сырье и энергии за счет собственных ресурсов, Советский Союз надежно обеспечивает значительную часть сырьевых и энергетических потребностей своих союзников и ряда других стран.

Во-вторых, провозглашается «особое право» США во имя «национальной безопасности» распоряжаться по своему усмотрению энергетическими и сырьевыми ресурсами суверенных государств. Но это «особое право» такого же рода, как «право» волка в крыловской басне, где ягненок виноват только в том, что волку хочется кушать.

И в-третьих, ставится знак равенства между национально-освободительной борьбой народов и «международным терроризмом». Трудно сказать, чего больше в этой «доктрине»: классовой ненависти к восставшим «рабам», исторической слепоты или солдафонской наглости.

Вышеупомянутый Нахт призывает к «предварительному сдерживанию» возможных противников, в первую очередь Советского Союза, для чего американские вооруженные силы должны первыми войти в угрожаемые регионы. Из-за экономических и политических ограничений США не смогут в одиночку «защищать» различные регионы мира, поэтому надо привлечь к этому делу ФРГ, Японию и других союзников.

С начала 80-х годов в США высказывается особенно много рекомендаций и приглашений к превентивной интервенции в богатые сырьем и важные в стратегическом отношении районы мира. «Развитие событий в третьем мире представляет для нас наибольшую непосредственную опасность. Соединенные Штаты и, в еще большей степени, их западноевропейские союзники и Япония зависят от нефтяных богатств и природ-

ных ресурсов третьего мира. Советская политика в Южной Африке и особенно в зоне Персидского залива угрожает нашему доступу к этим ресурсам. Активность советской политики будет расти с ростом экономических трудностей в Советском Союзе в 80-е годы»¹, — пишет Э. Замуолт — адмирал в отставке, бывший начальник штаба ВМС США. И это типичные, производимые, как на конвейере, пропагандистские утки, нужные для оправдания гонки вооружений и агрессии США против суверенных государств «третьего мира».

Надо сказать, что зона Персидского залива не случайно привлекает к себе такое пристальное внимание не только политологов и отставных военных, но и правящих кругов крупнейших империалистических государств. «Для Запада Персидский залив является самым важным из всех регионов мира»², — заявляет Ш. Чубин, директор программы по региональной безопасности Лондонского международного института стратегических исследований. «Негативные изменения» в этом районе могут, по его словам, иметь разрушительное воздействие на западную экономику.

Стремление овладеть нефтяными источниками Ближнего Востока, а также сырьевыми ресурсами многих суверенных государств представляет собой, бесспорно, одну из главных, если не самую главную стратегическую задачу империализма США на современном этапе. «Обоснованием» этих разбойничьих планов заняты целые легионы идейных прислужников американского милитаризма.

Типичным образчиком пропаганды империалистической агрессии и диктата может служить книга американского политика и бывшего руководящего деятеля ЦРУ Р. Клайна «Тенденции мирового развития и внешняя политика США в 80-е годы». Для укрепления позиций США в мире в 80-е годы Клайн предлагает создать всеокеанский альянс, юридической основой которого должна стать серия двусторонних

¹ National Security in the 1980's: from Weakness to Strenyht. Inst. for Contemporary Studies. San Francisco, 1980, XI, p. 50—51.

² Daedalus, 1980, vol. 109, N 4, p. 31.

соглашений США со странами, желающими «защитить свои национальные интересы от посягательств извне». Альянс должен охватить три океана — Атлантический, Тихий, Индийский. Клайн проводит псевдоисторическую аналогию: в V в. до н. э. существовал Афинский морской союз для борьбы против нашествия персов. При помощи этой «анalogии» Клайн стремится приписать Советскому Союзу не только агрессивные намерения, но и изобразить его государством варваров, посягающих на свободу «западной цивилизации». Политический альянс, вещает Клайн, должен следовать задачам НАТО. Он предлагает рассматривать три океана как «единую водную систему», жизненно необходимую для существования «свободного мира» и находящуюся под контролем объединенного морского и воздушного флотов. Альянс должен обеспечивать политическую стабильность против внутривнутриполитических катаклизмов и выполнять «важную идеологическую роль», демонстрируя преимущества капитализма в «третьем мире».

Эта гегемонистская программа прикрывается все теми же вымыслами о «коммунистической угрозе», о возможной «интервенции тоталитарных государств в районы жизненно важных интересов ключевых государств американской союзной системы»¹.

Все это диктует, по мнению Клайна, необходимость «контроля над Мировым океаном», для чего он рекомендует, во-первых, резко увеличить военно-морские и военно-воздушные силы США, во-вторых, расширить военное присутствие США в Индийском океане и Персидском заливе, в-третьих, привлечь к выполнению полицейских функций на океанических коммуникациях страны НАТО и ряд других стран и т. п.

Правящие круги США и других стран Запада вряд ли верят в возможность «советской агрессии». Но им необходимо фальшивое пропагандистское прикрытие гегемонистских, имперских амбиций и планов американского империализма на

---

¹ *Cline R. World Power Trends and US Foreign Policy for the 1980's.* Boulder. Westview Press, 1980, p. 194.

монопольное обладание нефтяными ресурсами Ближнего Востока и других районов земного шара. Боятся империалисты не «советской угрозы», а национально-освободительного движения народов развивающихся стран, все более активно и настойчиво требующих перестроить систему экономических взаимоотношений с развитыми капиталистическими странами. Эти взаимоотношения основаны не на эквивалентном обмене, а на экономическом ограблении развивающихся стран империалистическими государствами, чье благополучие в значительной мере строится на эксплуатации трудящихся и ресурсов стран «третьего мира».

Если следовать логике разума, то надо нормализовать отношения с государствами — поставщиками нефти, разрешать мирным путем возникающие там кризисы и конфликты, налаживать взаимовыгодные торговые отношения и т. п. Если следовать «логике» империализма, то надо прибегать к шантажу, давлению, диктату, уповать на грубую силу и т. п.

4.

С ПОЗИЦИЙ РЕАЛИЗМА

Зловещие замыслы и приготовления атомных маньяков вызывают нарастающий протест со стороны широких слоев населения Западной Европы, Северной Америки, Японии, Австралии. Мощное антивоенное движение включает в себя представителей самых различных политических течений и партий, идеологических и религиозных убеждений. Не «рука Москвы», а авантюристическая политика Вашингтона послужила стимулом этого движения, масштабы которого превосходят все, что знала до сих пор новейшая история. Различия в политических, идеологических, мировоззренческих и любых иных взглядах не мешают тем, кто хочет продолжения жизни на земле, объединиться на единственно возможной позиции — позиции реализма.

Здравый смысл, элементарное чувство самосохранения заставляют крупнейших политических деятелей, всемирно

известных ученых, бывших военных все решительнее возражать против наиболее опасных аспектов внешней политики США. Так происходит не только в США, но практически во всех странах НАТО.

Как считает опытный специалист в области внешней политики Л. Гелб, главная причина поражения американских вооруженных сил в Индокитае — неправильные ориентиры внешней политики и в первую очередь миф о советской угрозе. Вьетнамская война преподносилась как вынужденная, которую надо вести, чтобы «остановить коммунизм» и предотвратить большую войну. Никто не хотел понять, пишет Гелб, что во Вьетнаме идет «гражданская война за национальную независимость и что у вьетнамцев больше причин для проявления упорства, чем у Соединенных Штатов»¹. Американский народ был лишен правдивой информации о событиях в Юго-Восточной Азии. Высшее военное командование постоянно фальсифицировало факты и цифры. Обобщая эти наблюдения, автор говорил, что концепция «сдерживания коммунизма» довлела над каждым творцом внешней политики США, заслоня перспективу реальных событий в мире. «Антикоммунизм, — утверждает Гелб, — выродился в религиозное наваждение».

Сотрудник Бруклинского института, бывший консультант министра обороны США У. Кауфман с тревогой отмечает, что раздувание мифа о «советской угрозе» служит целям преднамеренного искажения Пентагоном реального соотношения военных сил между США и СССР и доказательством «слабости» Америки. Кауфман предостерегает правящие круги США от преувеличения советских военных возможностей и преуменьшения собственных. Соединенные Штаты — «не пигмей в военной области», подчеркивает он. Кауфман признает беспредметность попыток обосновать возможность ведения «ограниченной» ядерной войны. «Любой обмен ядер-

---

¹ *Gelb L., Betts R. The Irony of Vietnam: the System Worked.* Washington, 1979, p. 343.

ными ударами — на тактическом или стратегическом уровне — чреват эскалацией к глобальной ядерной войне и беспрецедентными жертвами среди гражданского населения»¹. Расчеты военных лидеров США на то, что им удастся найти стратегию, позволяющую достичь превосходства над СССР в ядерной сфере, иллюзорны и опасны. Кауфман призывает руководство США «подняться над сиюминутными соображениями политики», устоять перед соблазном «вернуться к силовой конфронтации» с СССР.

Здравые соображения высказывают профессор Массачусетского технологического института Джордж Ратжен и Джек Руин. Они считают, что США и СССР достигли состояния паритета и никакие усилия или технические новшества не смогут в обозримом будущем его нарушить. Попытки лишить противника способности «гарантированного уничтожения» (что потребует либо уничтожения всех стратегических систем, либо жесткой обороны против всех средств нападения) бессмысленны, будут лишь вести к дальнейшей гонке вооружений и увеличивать угрозу ядерной катастрофы. Авторы выступают против концепции «ограниченной ядерной войны». Способы «управления» ядерной войной никогда не были опробованы на практике, а предугадать возможные ситуации во время ядерного конфликта довольно трудно. «Демаркационные линии между различными уровнями конфликта едва видимы и будут еще более трудно различимы в условиях кризиса,— пишут авторы.— Наиболее ясной и, возможно, единственной реальной «противопожарной полосой» является различие между использованием неядерного оружия и использованием оружия ядерного. Ядерный взрыв — это ядерный взрыв независимо от того, насколько он «мал» или «чист». Многие военные руководители согласны с тем, что ограниченные ядерные войны малоконтролируемы»².

¹ Pechman J. (ed.). Setting national Priorities. Agenda for 1980's. Washington, 1980, p. 294.

² Daedalus, 1981, vol. 110, N 1, p. 85.

Авторы выступают за продолжение процесса ОСВ, считая, что он является полезным каналом для связи и информации и способен привести к ограничению особенно опасных, бессмысленных и дорогостоящих систем. И хотя ОСВ не способно исключить опасность ядерной катастрофы, оно может способствовать «улучшению политического климата, который, в свою очередь, может означать уменьшение вероятности конфронтации»¹.

К более трезвой внешней политике, соответствующей объективному соотношению сил и возможностям США, призывают бывший государственный секретарь США Сайрус Вэнс и профессор Гарвардского университета Стенли Хоффман в совместно написанной книге. «История человечества покрыта обломками политики тех лидеров и тех стран, которые действовали на основе своих иллюзий, а не реальностей». Авторы выдвигают три постулата, которыми должны руководствоваться творцы внешней политики США: видеть мир таким, каков он есть на самом деле; четко представлять себе, где имеются американские интересы, а где их нет; соразмерять выдвигаемые политические цели с экономическими, военными и социальными возможностями страны. «Наша главная задача — повернуть американский народ и нашу политическую систему в сторону такой стратегии, которая стоит лицом к лицу с реальным миром, а не с миром 50-х годов и которая трезво и реалистически определяет наши цели». Авторы призывают начать переговоры о сокращении ядерных арсеналов.

Выступают против гонки вооружений и некоторые генералы. Группа генералов в отставке из стран — членов НАТО — Г. Бастцан (ФРГ), М. Харботтл (Англия), Н. Пастри (Италия), А. Сангинетти (Франция), Ф. Кошта Гомеш (Португалия) указывают, что «размещение на территории Западной Европы нового поколения американского ядерного оружия — крылатых ракет и «Першингов-2» — повлечет за

---

¹ Daedalus, 1981, vol. 110, N 1, p. 187.

собой невиданную по своим масштабам гонку ядерных вооружений и резко уменьшит возможность достижения соглашения на переговорах по контролю над вооружениями».

Пытаясь оправдать так называемое двойное решение НАТО, некоторые деятели на Западе утверждают о мнимом «превосходстве» СССР над западными странами в области ядерных вооружений. «Воображаемой пропасти между Востоком и Западом в этой области не существует», — подчеркивают бывшие натовские военачальники.

Члены организации «Генералы за мир и разоружение» считают, что новый виток гонки ядерных вооружений, в частности развертывание в Западной Европе «Першингов-2» и крылатых ракет, лишь увеличивает опасность возникновения ядерного конфликта. Они предупреждают, что, если НАТО попытается нарушить существующее в Европе примерное равенство вооруженных сил и вооружений, Советский Союз в свою очередь будет вынужден принять ответные меры, необходимые для обеспечения собственной безопасности.

О бессмысленности и крайней опасности политики США и их союзников в области вооружений во весь голос говорят ученые, крупные специалисты в военных вопросах.

Лорд Солли Цукерман в течение 16 лет был заместителем председателя консультативного совета по научной политике английского правительства. В книге «Ядерная иллюзия и действительность» он опирается на исследования специалистов и собственные выводы. А выводы таковы: использование ядерного оружия в любой войне делает ее участников мишенями и не приведет к победе ни одной, ни другой стороны. Жертвами станут не только участники конфликта, но также и нейтральные стороны. Поэтому Цукерман отвергает любую аргументацию в пользу дальнейшего развертывания ядерного оружия и увеличения ядерных потенциалов в мире. Никакая реорганизация натовских стратегических сил не в состоянии обеспечить этому блоку военное преимущество¹.

¹ *Zukerman S. Nuclear Illusion and Reality. New York, 1982, p. 89.*

Дитер Лутц, директор Института исследований проблем мира и безопасности при Гамбургском университете, в книге «Мировая война вопреки желаниям» дает в целом объективный анализ соотношения ядерных сил и средств, размещенных в Европе и нацеленных на нее. Опираясь на бесспорные факты, автор приходит к выводу, что именно США в течение всего послевоенного периода выступали инициатором модернизации вооружений, а НАТО постоянно совершенствует свое ядерное вооружение в Европе, причем размещение новых видов вооружений осуществляется до выдвижения предложений начать переговоры о их сокращении. Переговоры в Вене и Женеве неопровержимо свидетельствуют, что образ действий НАТО характеризуется девизом «Вооружаться, чтобы вести переговоры»¹.

Подробно рассматривает Лутц качественные и количественные показатели ядерных вооружений НАТО и Варшавского Договора к началу 80-х годов в Европе и приходит к выводу о приблизительном их равенстве. Соотношение ядерных сил и средств на основе качественных параметров не подтверждает тезиса об отставании НАТО, а, напротив, говорит о наличии некоторого преимущества этого блока в области технологии вооружений еще до принятия «решения о довооружении». По словам автора, модернизация советских ракет не приведет к изменению соотношения сил, в то время как новые ракеты НАТО нарушают существующий баланс и создают дополнительную угрозу СССР.

Нежелание НАТО серьезно относиться к проблеме ослабления военного противостояния в Европе, стремление США во что бы то ни стало добиваться военного превосходства приведут в 80-е годы к усилению конфронтации и гонке вооружений.

Автор приходит к обоснованному выводу, что политике разрядки нет разумной альтернативы. Он предостерегает страны НАТО от попыток создать односторонние преимуще-

---

¹ Lutz D. Weltkrieg wider Willen. Rowohlt, 1981, S. 51.

ства, справедливо полагая, что СССР этого не допустит. Автор выступает с призывом, обращенным к США и НАТО, отказаться от «готовности к риску войны и заменить ее готовностью пойти на риск во имя мира».

Идейные установки антиядерного движения формулируются в книге Дж. Шелла «Судьба земли». Согласно Библии, когда Адам и Ева вкусили плод от дерева познания, бог наказал их, лишив привилегии на бессмертие и обрекая на смерть их самих и их потомков, пишет Шелл. Сейчас человек вкусил еще больше от плода дерева познания и поставил себя лицом к лицу со второй смертью — смертью всего человечества. Поступив так, мы коренным образом изменили условия, в которых мы родились, а это означает, что мы изменили условия существования человека.

Те, кто рассуждает о «восстановлении» после катастрофы или о «выигрыше» в ядерной войне, витают в облаках. Они живут в прошлом, которое навсегда отменено ядерными вооружениями, пишет автор. Ядерная война не будет простой суммой ядерных взрывов, предупреждает Шелл. Она ведет наступление на человеческую жизнь на трех уровнях: уровне жизни отдельного индивида, уровне существования человеческого общества и уровне существования окружающей среды. Может быть род человеческий после ядерной катастрофы не исчезнет совсем. Вместе с тем эту возможность исключать нельзя. Поэтому надо относиться к проблеме ядерного оружия так, как если бы мы четко знали, что его использование положит конец нашему биологическому виду.

«Ядерное побоище, если принять во внимание его уникальную комбинацию масштабности и внезапности, представляет угрозу, не имеющую себе равных; и в то же время это лишь одна из бесчисленных угроз, нависающих над естественным миром в результате деятельности человека и его растущей мощи, созданной на основе знаний»¹, — пишет Шелл.

---

¹ Schell J. Fate of the Earth. New York, 1982, p. 115.

Профессор психологии Вашингтонского университета Дейвид Бэрш и его жена Джудит Липтон — президент вэшингтонского отделения общества «Врачи за социальную ответственность» — обращаются в своей книге со страстным призывом к мировой общественности: «Мы должны работать как безумные, чтобы обеспечить выживание всех детей мира. Ничто другое в действительности не имеет значения. Не имеет значения, будем ли мы уверены, что наши дети чистят зубы и что мы даем им хорошую пищу, если в действительности они не переживут следующие 20 лет. Вопрос состоит теперь не в том, выживу ли я, а в том, дадут ли мне возможность выжить... Другие катастрофы имеют период назревания: перенаселенность, голод, отравление окружающей среды, даже эпидемия чумы. Но ядерная война может случиться через тридцать минут без всякого предупреждения, без передышки, без времени на то, чтобы приспособиться к ней. Цивилизация будет разрушена в одной вспышке»¹.

Ядерные вооружения неприемлемы в медицинском, общественном, биологическом, моральном, политическом и даже военном отношении. Ядерная война не может быть ни ограничена, ни выиграна. Обладание большим количеством ядерного оружия или оружия большой точности не дает стране большей безопасности, а лишь увеличивает опасность ядерной войны.

Но ядерное оружие — не предел в развитии средств уничтожения. В печать время от времени проникают сведения о ведущихся в странах НАТО засекреченных разработках качественно новых видов оружия — лазерного, ускорительного, радиологического, радиационного, инфразвукового (акустического), генетического, демографического, геофизического и т. п. Мы уже не говорим о том, что империалисты усиленно форсируют развитие давно знакомых человечеству химического и бактериологического оружия. Параллельно качест-

---

¹ Barash D., Lipton J. Stop nuclear War. New York, 1982, p. 10, 13—14.

венно совершенствуются и увеличиваются в числе обычные виды оружия.

Осенью 1984 г. в Вашингтоне состоялась II конференция «О судьбе Земли». В ней участвовали лидеры практически всех миролюбивых, антивоенных организаций США, видные политические и общественные деятели, крупнейшие ученые, в том числе 19 лауреатов Нобелевской премии. Представительный характер конференции отразил широкий масштаб борьбы всех людей доброй воли за спасение планеты от пламени термоядерной войны.

Выступая на конференции, сенатор Эдвард Кеннеди осудил республиканскую администрацию, по вине которой усилилась гонка вооружений и разваливается процесс контроля за ядерными вооружениями. «Советский Союз — это страна, с которой нам нужно жить в мире. Альтернативы этому не существует», — заявил Э. Кеннеди, призвав отказаться от политики в духе «холодной войны», от попыток угрожать СССР.

В принятой декларации 200 виднейших деятелей США предупреждают: «Недавние исследования американских, европейских и советских специалистов доказывают, что даже ограниченная ядерная война с использованием лишь небольшой части существующих арсеналов повергнет планету в беспросветную, смертельную ядерную зиму. Мы призываем все правительства признать факт, что рациональная политика в области национальной безопасности должна включать замораживание смертоносных запасов средств массового уничтожения, ограничение гонки вооружений, подготовку экономики к выпуску мирной продукции. Полное и всеобщее разоружение должно стать конечной целью всего человечества».

Крупномасштабные внешнеполитические инициативы Советского Союза, конструктивный подход к сложнейшим международным проблемам, спокойный, разумный, сдержанный тон его руководителей помогают понять все более широким слоям населения капиталистических стран, откуда на самом деле идет опасность, кто реально угрожает миру и самой

жизни на земле и что надо делать, чтобы отвести угрозу от человечества.

Давать отпор политике поджигателей войны, выступать за сохранение и укрепление всеобщего мира — это сегодня означает встать на защиту самой жизни человечества, его настоящего и будущего. Разоблачение идеологии и психологии воинствующего, агрессивного милитаризма поэтому закономерно выдвигается как одна из самых важных и актуальных задач в современной борьбе идей.

Несмотря на все усилия воинствующих кругов империализма, сохраняются реальные возможности предотвращения ядерной катастрофы и перспективы прочного мира на земле. Все это и служит реальной основой оптимизма для всех тех, кто стремится не только сохранить условия мирной жизни человечества, но и возможности его прогрессивного развития.

5.

СТРАТЕГИЯ МИРА

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, по словам В. И. Ленина, стала первой победой «дела уничтожения войн»¹. Советское государство впервые в мировой истории открыто провозгласило свои цели и намерения в области международных отношений. Именно в этой области должно стать нормой, правилом мирное сосуществование государств с различным социально-политическим строем. Нельзя допускать экспорта ни революций, ни контрреволюций. Социалистическая революция есть результат развития и разрешения внутренних противоречий в каждой капиталистической стране, она не может «родиться в чужой стране по заказу, по соглашению»². Победившая в той или иной стране социалистическая революция оказывает воздействие на мировой революционный процесс прежде всего силой примера, идейного воздействия, успехами в строительстве новой жизни.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 149.

² Там же, т. 36, с. 457.

В. И. Ленин и руководимая им партия всегда были против вмешательства во внутреннюю политическую жизнь других государств. О людях, которые кричат о «красном милитаризме», В. И. Ленин говорил, что это просто политические мошенники, которые делают вид, что в эти глупости верят¹.

Политические мошенники не перевелись и в наше время, их стало даже больше, а кричат они, безусловно, гораздо громче. Они замалчивают, например, тот факт, что первым декретом Советской власти был Декрет о мире, что принципы миролюбивой внешней политики нашли законодательное выражение во всех наших конституциях — от первой советской Конституции 1918 г. до ныне действующей, где записано: «СССР неуклонно проводит ленинскую политику мира, выступает за упрочение безопасности народов и широкое международное сотрудничество. Внешняя политика СССР направлена на обеспечение благоприятных международных условий для построения коммунизма в СССР, защиту государственных интересов Советского Союза, укрепление позиций мирового социализма, поддержку борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс, на предотвращение агрессивных войн, достижение всеобщего и полного разоружения и последовательное осуществление принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем. В СССР пропаганда войны запрещается».

Может быть, слова у нас расходятся с делами, как это нередко случается в западных «демократических» государствах? Ничего подобного. Советский Союз ни на кого не нападал и не собирается нападать, никого не поработал и не стремится к этому.

Нельзя, однако, уходить от такого неприятного факта, что лживая пропаганда о «советской военной угрозе» в определенной мере достигает своей цели. Еще в конце 50-х годов Дж. Бернал отмечал, что и в Европе, и в Америке можно найти миллионы людей, которые верят в существование советской военной угрозы и видят в ней оправдание «холодной

---

¹ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 38, с. 50.

войне» и ядерному оружию. «Любим же скептикам обычно затыкают рот ссылками на выступления Ленина, где предсказывается неизбежность решительного столкновения между социалистическими и капиталистическими странами»¹. Среди этих выступлений, писал Бернал, чаще всего цитируется следующее место из отчетного доклада Ленина VIII съезду партии в марте 1919 г.: «Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен»².

Бернал замечал, что эта речь была произнесена в условиях гражданской войны и интервенции, и в контексте чисто оборонительный характер данного высказывания очевиден. Оно также было точно оправданным предвосхищением нацистского нападения 1941 г. Ни в одной речи советских деятелей «нельзя найти даже малейших доказательств наличия убеждения в желательности или возможности военного завоевания капиталистического мира со стороны «международного коммунизма»³, — замечает английский ученый. Далее он говорит о существовании по крайней мере трех веских доводов, которые делают саму мысль о советском завоевании мира при помощи оружия в высшей степени невероятной. Во-первых, русский народ больше, чем какой-либо другой народ на свете, пострадал от войн и вторжений. Во-вторых, советский народ занят выполнением гигантской задачи реконструкции, которая поглощает все его силы без остатка. В-третьих, при наличии ядерного оружия у обеих сторон такая политика означала бы, независимо от исхода борьбы, полное разрушение собственной страны. «Те, кто знает Советский Союз, в том числе и многие из его врагов, понимают, что сама мысль

¹ Бернал Дж. Мир без войны, с. 338—339.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 139.

³ Бернал Дж. Мир без войны, с. 339.

об агрессивном завоевании чужда как глубочайшим чувствам советского народа, так и всей теории социалистической революции, как она разработана Марксом и Лениным»¹.

Тем не менее до сих пор многие верят вымыслам антикоммунизма о том, будто причиной международной напряженности и источником военной опасности является существование Советского Союза и других социалистических государств. К сожалению, ложный тезис о соперничестве двух «сверхдержав», которые-де равно стремятся к гегемонии и мировому господству, разделяют многие неискушенные в политике люди.

История между тем уже поставила своего рода эксперимент в чистом виде: и первая и вторая мировые войны возникли без всякого влияния социализма, обе были детерминированы развитием внутренних противоречий системы капитализма, межимпериалистическими противоречиями.

В 1941 г. вероломное нападение на СССР совершила гитлеровская Германия и ее сателлиты — ударный отряд мирового империализма. «Западные демократии» долго и упорно науськивали Гитлера на нас, побуждали его поскорее начать «антибольшевистский поход» на Восток. Во имя этого были заключены позорные Мюнхенские соглашения, ради этого были отданы на растерзание фашистского зверя Чехословакия и Польша. И если вермахт обрушился вначале на Францию и другие западные страны, а затем, обеспечив себе тыл и захватив ресурсы почти всей Западной и Центральной Европы, устремился на Советский Союз, то на это у Гитлера, очевидно, были свои резоны.

Истина состоит в том, что упрочение и защита всеобщего мира являются важнейшей исторической миссией реального социализма.

Весь послевоенный период Советский Союз боролся за мир, за разоружение. Чем же отвечал нам на это Запад? Об этом достаточно красноречиво говорят сами названия военно-стратегических концепций США и НАТО: «массированного

---

¹ Бернал Дж. Мир без войны, с. 339.

возмездия» (50-е годы); «гибкого реагирования» (60-е годы); «реалистического устрашения или сдерживания» (70-е годы); «новая ядерная стратегия» (была провозглашена в печально знаменитой «директиве № 59» Картера) и, наконец, стратегия «прямого противоборства» Рейгана.

Уже в 1946 г. СССР внес на рассмотрение Комиссии ООН по атомной энергии проект Международной конвенции о запрещении производства оружия, основанного на использовании атомной энергии в целях массового уничтожения. Он предлагал, во-первых, принятие государствами-участниками обязательства не применять ни при каких обстоятельствах атомного оружия; во-вторых, запрет на производство и хранение атомного оружия; в-третьих, уничтожение в трехмесячный срок запасов атомного оружия. Эта советская инициатива открывала перед народами перспективу избавления от термоядерной опасности. США со своими союзниками подвергли советский проект обструкции в надежде обеспечить за собой возможности диктата с позиций ядерного превосходства.

На Западе пытаются предать забвению такие важнейшие инициативы Советского Союза, как представленная еще в 1959 г. на обсуждение ООН Декларация о всеобщем и полном разоружении, вынесенный в 1962 г. на обсуждение Комитета по разоружению проект Договора о всеобщем и полном разоружении под строгим международным контролем.

Пытаются предать забвению и выдвинутое государствами — участниками Варшавского Договора предложение о подписании Договора о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира.

Принципиальный подход СССР к решению международных проблем отвечает интересам всех народов. Он предусматривает не «военно-силовую» конфронтацию между государствами, а обеспечение их общей безопасности. Курс СССР на добрососедство и разрядку — это не дань конъюнктуре, а последовательная и непоколебимая воля Советского Союза к миру, опирающаяся на объективные тенденции современной исторической эпохи.

Хотя сущность империализма не изменилась и он по-прежнему является носителем милитаризма и источником военной опасности, в нашу эпоху возникла объективная возможность предотвращения, а в перспективе — и исключения мировых войн из жизни общества. Впервые в истории возникла возможность блокирования объективных законов империализма, которые прежде, в эпоху его безраздельного господства, с неизбежностью вели к мировым войнам. Империализм уже не в состоянии безраздельно, как это было прежде, определять ход развития общества. Понятно, что возможность возникновения мировой войны, и возможность, к сожалению, реальная, сохраняется. Но наряду с этим имеется и реальная возможность обуздания тех факторов, которые способны пододвинуть мир на край пропасти и при случае столкнуть человечество в пучину невиданной по своим последствиям войны.

Одновременное сосуществование, взаимопереплетение и борьба этих двух противоположных возможностей, двух тенденций — упрочения мирного сосуществования и тенденции, подрывающей это сосуществование, являются одним из главных противоречий переживаемой человечеством исторической эпохи. От неизбежности возникновения войн к возможности их предотвращения и, наконец, к невозможности их возникновения, т. е. полному их исключению из жизни общества, — такова объективная диалектика развития человечества при переходе от капитализма к коммунизму.

Заслугой КПСС и других марксистско-ленинских партий является сделанный на основе научного анализа современной исторической ситуации вывод об отсутствии в наше время фатальной неизбежности войн, о мирном сосуществовании как объективно необходимой форме взаимоотношений государств с различным общественным строем.

Трудно переоценить все значение этого вывода для судеб человечества, для жизни нынешнего и последующих поколений людей. Научно обоснованный, строго выверенный фактами оптимизм и жизнеутверждающий гуманизм — таковы характерные черты нашей стратегии мира, позволившей

мобилизовать энергию народных масс на борьбу с военной опасностью, вселившей в души людей надежду на будущее.

Усилия советского народа, успехи нашей экономики, науки и техники обеспечили примерно к концу 60-х годов такое соотношение сил, которое сами американцы называли паритетом, стратегическим равенством сил. Империализм был вынужден приспособливаться к изменившемуся соотношению сил.

И это следует расценить как историческое достижение советского народа и народов других стран социалистического содружества, как важнейший итог предшествующих десятилетий. Военно-стратегическое равновесие между социализмом и капитализмом стало объективным фактором, способствующим мирному сосуществованию государств с различным социально-политическим строем.

Многим капитанам буржуазного мира, его политикам и идеологам постепенно становилась все понятнее та простая мысль, что времена прямых военных угроз в адрес Советского Союза и его союзников, «отбрасывания» и тому подобного бряцания оружием отходят в прошлое. Становилось ясным и то, что ставка на мировую термоядерную войну может поставить под вопрос само существование капиталистического строя. В 1975 г. Р. Никсон сделал знаменательное признание: с Советским Союзом «мы обречены сосуществовать. Разрядка — это не просто смягчение тона. Разрядка — это проблема, с которой столкнется каждый американский президент, кто бы им ни был».

Миролюбивая внешняя политика первого в мире социалистического государства, по определению В. И. Ленина, способствовала тому, чтобы глубже расколоть два лагеря мировой буржуазии — лагерь, заинтересованный в мирном сосуществовании государств и налаживании нормальных торговых связей между ними, и лагерь агрессивный, склонный к военной конфронтации. Ленинское положение полностью сохраняет свое значение и для нашего времени.

Рост сил мира во всем мире, активная, целеустремленная и действенная внешняя политика нашего государства создали объективную возможность перехода руководящих кругов многих ведущих капиталистических стран на позиции реализма. А реализм в сложившихся условиях означает признание объективной необходимости мирного сосуществования государств, исключения войны как средства решения международных споров. Одновременно оказалась серьезно дискредитированной политика воинствующего антикоммунизма. Причем не только в глазах широких кругов общественности, но и в глазах той части буржуазных политиков и идеологов, которые проявляют элементы реализма, справедливо полагая, что воинствующие, агрессивные формы антикоммунизма, будучи положены в основу внешней политики буржуазных государств, могут в конце концов привести к термоядерной катастрофе. Они считают, что воинствующий антикоммунизм как основа внешней политики не только бесперспективен, но и опасен прежде всего для тех, кто такую политику проводит. Идеология антикоммунизма, отмечают они, вынуждает политического деятеля жертвовать здравым смыслом, лишает его способности правильно оценивать факты и использовать благоприятные тенденции развития международных отношений.

В начале 70-х годов начался поворот от «холодной войны» к разрядке. Наибольшим успехом политики разрядки следует считать Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. Собравшись в Хельсинки, главы 35 государств, в том числе 26 капиталистических во главе с США, приняли обязательство воздерживаться во взаимных отношениях и в международных отношениях вообще от угрозы применения силы. Таким образом, юридически было зафиксировано признание исторической необходимости мирного сосуществования государств с противоположным общественно-политическим строем.

Но признание это со стороны империализма не было безоговорочным и полным. Фактически разрядка рассматривалась как инструмент «разрыхления» социализма. Кроме того, и

тогда влиятельные круги в США и других странах НАТО выступали против разрядки. И тогда реакционные круги империализма не отказывались от намерения если не сокрушить, то хотя бы подорвать основы социалистического строя. Сама разрядка рассматривалась империализмом как политика, приспособленная для всяческого — и прежде всего идеологического — проникновения в страны социализма с вполне определенными целями. Деидеологизация общественного сознания в странах социализма мыслилась лишь как первый этап на пути реставрации в них буржуазных порядков.

Что касается Пентагона и всего военно-промышленного комплекса США, то соглашения об ограничении стратегических вооружений, контроль над вооружениями рассматривались ими как «контролируемая гонка вооружений».

Проявлением политического реализма было подписание договора между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2), а также других советско-американских документов в июне 1979 г. Документы представляют собой разумный компромисс, учитывающий интересы обеих стран. Его сутью является количественное ограничение вооружений и сдерживание их качественного совершенствования. Договор основывается на принципе равенства и одинаковой безопасности, а выполнение сторонами всех обязательств по договору поддается надежной проверке.

Полное претворение в жизнь подписанных в Вене документов открыло бы новые возможности для того, чтобы прекратить наращивание арсеналов ракетно-ядерного оружия, обеспечить их действенное количественное и качественное ограничение. Решение этой задачи явилось бы новым этапом сдерживания гонимых ядерных вооружений и открывало бы дорогу к существенному сокращению вооружений и к реализации высшей цели: полному прекращению производства и ликвидации запасов ядерного оружия. Ратификация договора и вступление его в силу открыли бы путь к ОСВ-3, послужили бы стимулом для прогресса на переговорах по другим вопросам ограничения соревнования в военной области.

Однако реакционным империалистическим кругам, которые возобладали в политической жизни США, удалось сорвать ратификацию указанного договора.

Произошли серьезные изменения в стратегическом мышлении правящих американских кругов. До конца 70-х годов господствовала стратегическая доктрина «взаимного гарантированного уничтожения» (ВГУ), исходившая из предпосылки о бессмысленности применения ядерного оружия, поскольку в ядерной войне не может быть победителей.

В 70-е годы произошли важные изменения в технологии и технике, связанные прежде всего с системами доставки ядерного оружия (возросшая точность доставки, совершенствование противолодочной защиты, использование лазеров в космосе, способных поражать спутники и ракеты и т. п.). В этих условиях возобладала «теория применения ядерного оружия» (ТПЯО), согласно которой в ядерной войне могут быть победители и побежденные.

Планы атомного блицкрига, временно отложенные в 70-х годах, были вновь вытащены на свет божий, причем вытащены с большим пропагандистским шумом. Советский Союз обильно обвинялся в намерении нанести первым ядерный удар, для чего он, дескать, и стремится превзойти Запад в ракетно-ядерной мощи. Игнорировались недвусмысленные и настойчивые заявления советского руководства о том, что наша военная доктрина носит сугубо оборонительный характер и исключает превентивные войны и концепцию «первого удара».

В начале октября 1981 г. Вашингтон обнародовал новую программу дальнейшего наращивания американских стратегических ядерных арсеналов, которая охватывает всю триаду стратегических сил — ракеты наземного базирования, ракеты морского базирования, стратегические бомбардировщики — и свидетельствует о явном стремлении Вашингтона к достижению военного превосходства над Советским Союзом.

США приступили к полномасштабному производству нейтронного оружия, они настойчиво стремятся нацеливать

Западную Европу новым поколением ракет среднего радиуса действия, а также крылатыми ракетами.

Решение Белого дома вскрывает лицемерие позиции администрации США, которая на словах делает упор на проблеме контроля за выполнением уже подписанных и будущих соглашений в области ограничения вооружений, а сама планирует производство таких систем стратегического оружия, которые практически сводят на нет возможность такого контроля.

В опубликованной Белым домом пояснительной записке указывается, что эта программа определит характер американских стратегических ядерных сил вплоть до XXI в. и является самой крупной программой их развертывания за несколько последних десятилетий.

Не скрывается, что новая сверхпрограмма гонки вооружений направлена против Советского Союза. Рассуждения о необходимости восстановления мифического «резерва безопасности» и ликвидации так называемого «окна уязвимости» не могли замаскировать того факта, что провозглашенная программа является открытой претензией США на военное превосходство над Советским Союзом, шагом, направленным на подрыв принципа равенства и одинаковой безопасности, существующего паритета в военно-стратегической области.

Утверждения Вашингтона о мнимом нарушении Советским Союзом баланса сил никак не вяжутся с официальным признанием четырьмя предыдущими американскими администрациями явного факта наличия равенства сил. Мысль о паритете, о стратегическом равенстве сил, видимо, просто невыносима для американских «ястребов». Они считают, что Советский Союз вообще не имеет права на такой паритет.

Ставшие достоянием гласности «Директивные указания по строительству вооруженных сил США» вплоть до 1990 г. предусматривают возможность боевых действий в различных районах мира с применением ядерного оружия, с целью «уничтожения социализма как мировой системы».

Раскручивая новую спираль гонки вооружений, военно-промышленные комплексы и выражающие их интересы политики пытаются добиться военного превосходства над СССР и его союзниками. Навязывая гонку вооружений, империализм ставит также цель экономического выматывания, истощения реального социализма, снижения жизненного уровня, урезывания и свертывания запланированных в странах капитала социальных программ.

Однако расчеты империализма на дестабилизацию и развал реального социализма обречены на провал. Наши противники явно недооценивают преимущества социалистического строя, которые, напомним, сыграли решающую роль в разгроме гитлеровской Германии и ее сателлитов, использовавших ресурсы почти всей Европы.

Спекулируя на низменных шовинистских и националистических эмоциях отсталых слоев населения своей страны, правящие круги США выражают в первую очередь интересы военно-промышленного комплекса, монополистического капитала. Всячески насаждая миф о «советской военной угрозе», подогревая шовинистические настроения, заправила военно-промышленного комплекса и американская администрация стремятся сорвать куш пожирнее, куют железо, пока горячо.

Между тем СССР ни на кого не собирается нападать и не ставит перед собой цель быть сильнее всех. Нет такого вида оружия, с которым он не мог бы расстаться без сожаления, если, конечно, это будет делаться на взаимной основе.

Осенью 1981 г. по предложению СССР Генеральная Ассамблея ООН приняла декларацию «Предотвратить ядерную катастрофу». В этом документе говорилось:

1. Государства и государственные деятели, которые первыми прибегнут к использованию ядерного оружия, совершат тягчайшее преступление против человечества.

2. Никогда не будет ни оправдания, ни прощения тем государственным деятелям, которые приняли бы решение применить первыми ядерное оружие.

3. С законами человеческой морали и высокими идеалами Объединенных Наций несовместимы любые доктрины, допускающие применение первыми ядерного оружия, и любые действия, подталкивающие мир к катастрофе.

4. Высший долг и прямая обязанность руководителей государств, обладающих ядерным оружием,— действовать так, чтобы свести на нет опасность возникновения ядерного конфликта.

82 государства проголосовали за эту декларацию, однако США и их союзники не захотели ее поддержать. И не случайно. Истина заключается в том, что Пентагон и НАТО в основу своих планов положили концепцию первого ядерного удара.

Руководствуясь стремлением сделать все от него зависящее, чтобы отвести от народов угрозу ядерного опустошения и в конечном счете исключить из жизни человечества его возможность, Советское государство торжественно приняло на себя обязательство не применять первым ядерное оружие. «Почему Советский Союз идет на такой шаг в условиях, когда входящие в группировку НАТО ядерные державы, в том числе США, не делают секрета из того, что их военная доктрина не только не исключает возможности применения ядерного оружия первыми, но и фактически строится на этой опасной посылке? Принимая это решение, Советский Союз исходит из того непреложного и определяющего в современной международной обстановке факта, что ядерная война, начнись она, могла бы означать разрушение человеческой цивилизации, а быть может, и гибель самой жизни на земле»¹.

Если бы другие ядерные державы взяли на себя аналогичное обязательство, это было бы равносильно запрещению вообще ядерного оружия, за что выступает подавляющее большинство стран мира.

---

¹ Сбереечь мир, предотвратить ядерную войну. Предложения Советского Союза на второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. М., 1982, с. 4.

В Меморандуме СССР и других предложениях, сделанных на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, сформулирована целая система мер, осуществление которых наверняка бы привело к сохранению мира. Выступая за военное равновесие, которое само по себе является важной предпосылкой прочного мира, Советский Союз считает, что это еще не гарантия освобождения человечества от угрозы войны, особенно если уровни военного противостояния высоки и продолжают расти. Поэтому необходимо вести дело к их понижению, т. е. к ограничению и сокращению вооружений. Переговоры о сокращении вооружений и разоружении представляют собой центральное направление взаимодействия государств в интересах мира, избавления человечества от угрозы ядерной катастрофы.

Советская внешняя политика исходит из той оптимистической предпосылки, что человеческий разум, создавший чудовищную ядерную машину уничтожения, в состоянии найти пути к тому, чтобы ее демонтировать, освободить человечество от ее кошмара.

Советский Союз, как и многие другие государства, считает необходимым действовать в этих целях одновременно и в нескольких плоскостях. Прежде всего необходимо разработать, принять и поэтапно осуществлять программу ядерного разоружения. Важной проблемой, ждущей своего разрешения, остается ограничение и сокращение стратегических вооружений. Советское государство выступает за ограничение и сокращение ядерных вооружений в Европе. Назревшей проблемой является полное и всеобщее запрещение испытаний ядерного оружия и предотвращение его дальнейшего распространения. Наше государство приветствует образование безъядерных зон и ограничение военно-морской деятельности, ратует за запрещение размещения в космическом пространстве оружия любого рода, предлагает перейти к ограничению и сокращению обычных вооружений и вооруженных сил и сокращению военных бюджетов. Особое значение Советский Союз придает запрещению и ликвидации химического

оружия, требует своего решения вопрос о заключении Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях.

Разоружение укрепляет международную безопасность, способствует экономическому и социальному развитию человечества. «Разумная концепция безопасности в конце XX века требует не построения стратегических графиков эскалации вооруженных, в том числе ядерных, конфликтов, а активных действий по предотвращению их возникновения. В военной области — это меры по прекращению гонки вооружений; в политико-правовой — это урегулирование международных конфликтов и кризисов путем переговоров, укрепление принципа неприменения силы; в морально-политической — это, прежде всего, отказ от всякой пропаганды ядерной войны, от бряцания оружием при любой вспышке обострения международной напряженности»¹.

Государства — участники Варшавского Договора, в начале 1983 г. подтвердив, что они не стремятся к военному превосходству и не имеют намерения нападать на кого-либо, предложили государствам — членам НАТО заключить Договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира. Сердцевиной договора могло бы стать взаимное обязательство государств — участников обоих союзов не применять первыми друг против друга ни ядерных, ни обычных вооружений и, следовательно, не применять первыми друг против друга военную силу вообще. Это обязательство распространялось бы на территории всех государств — участников договора, а также на их военный и гражданский персонал, морские, воздушные и космические корабли и другие принадлежащие им объекты, где бы они ни находились.

Предлагалось предусмотреть в договоре аналогичное обязательство о неприменении силы государствами — членами обоих союзов против третьих стран, будь то находящихся в двусторонних союзных отношениях с ними либо неприсое-

---

¹ Сбереечь мир, предотвратить ядерную войну, с. 33—34.

динившихся или нейтральных. Обязательство о неприменении военной силы, считают братские социалистические страны, следовало бы дополнить в договоре обязательством вести в духе доброй воли переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки вооружений, ограничению и сокращению вооружений и разоружению либо содействовать другими доступными средствами успеху таких переговоров с целью достижения на них практических результатов.

Договор с самого начала был бы открыт для присоединения к нему в качестве равноправных участников других государств мира, которые того пожелают. Заключение договора имело бы поистине ключевое значение не только для безопасности европейских государств, но и для всего мира.

Как подчеркивается в «Политической Декларации государств — участников Варшавского Договора», «силы мира более могущественны, чем силы войны. Все зависит от их сплоченности и целеустремленности их действий»¹.

Основываясь на объективном анализе международной обстановки, государства — участники Варшавского Договора выдвинули альтернативу ядерной катастрофе и призвали к широкому международному сотрудничеству во имя сохранения цивилизации и самой жизни на земле. «Необходимо действовать без промедления, пока сохраняется возможность обуздать гонку вооружений, перейти к разоружению... Все государства, если они дорожат судьбами своих народов, всего человечества, объективно должны быть заинтересованы в том, чтобы не допустить сползания к войне», — говорится в документе.

Государства — участники Варшавского Договора подчеркнули, что любые расчеты, развязав ядерную войну, одержать в ней победу безрассудны. В ядерной войне, если бы она разразилась, не может быть победителей. Она неизбежно приведет к гибели целых народов, к колоссальным разрушениям и катастрофическим последствиям для цивилизации и самой жизни на земле.

¹ Правда, 1983, 7 января.

Советский Союз выступает за соблюдение в международных отношениях общепринятых норм, призванных обеспечить мирное сосуществование государств и содействовать установлению прочного мира.

Наша страна выразила готовность договориться с другими ядерными державами о совместном признании системы обязательных норм, или своего рода кодекса поведения ядерных держав. Среди этих норм исключительно важное значение имеет обязательство не применять первыми ядерное оружие. Как известно, такое обязательство было уже принято в одностороннем порядке СССР. Предотвращение ядерной войны провозглашается главной целью внешней политики. В случае же ситуации, чреватой ядерным конфликтом, необходимо проводить срочные консультации, чтобы не дать такому конфликту возникнуть и перерасти в ядерное побоище. Далее выдвигается требование ни при каких обстоятельствах не применять ядерное оружие против неядерных стран, уважать статус уже созданных и поощрять образование новых безъядерных зон в различных районах земного шара.

Эта норма отвечает сокровенным чаяниям народов всего мира. Особую остроту данная проблема имеет для Европы, которая по вине империалистов нацелирована ракетно-ядерными средствами. За создание безъядерной зоны выступают государства Балканского полуострова и севера Европы.

Выдвинута идея о создании безъядерного пояса в центре Европы. Советский Союз, положительно оценивая эти предложения, предлагает освободить весь континент от ядерного оружия как средней дальности, так и тактического.

В советских предложениях сформулировано требование недопущения распространения ядерного оружия в любой форме, что означает обязательство не передавать кому бы то ни было этого оружия или контроля над ним. Вообще говоря, такое обязательство содержится в действующем Договоре о нераспространении ядерного оружия, но подписали его не все ядерные державы. Не подписан он и рядом неядерных государств (Израиль, ЮАР, Пакистан), которые, по

оценкам мировой общественности, выражают ядерные амбиции и способны сами произвести это оружие.

Чрезвычайно важная норма выражена в обязательстве не размещать ядерного оружия на территориях стран, где его нет, и не переносить гонку ядерных вооружений в новые сферы, включая космос.

Как сказал товарищ М. С. Горбачев, «никогда прежде над человечеством не нависала столь страшная угроза, как в наши дни. Единственный разумный выход из создавшегося положения — это договоренность противостоящих сил о немедленном прекращении гонки вооружений — прежде всего ядерных — на Земле и недопущении ее в космосе. Договоренность на честной и равноправной основе, без попыток «переиграть» другую сторону и диктовать ей свои условия. Договоренность, которая поможет всем продвинуться к желанной цели — полному уничтожению и запрещению навсегда ядерного оружия, к полному устранению угрозы ядерной войны. В этом мы твердо убеждены... Могут лишь еще раз подтвердить: мы не стремимся к достижению односторонних преимуществ перед Соединенными Штатами, перед странами НАТО, к военному превосходству над ними; мы хотим прекращения, а не продолжения гонки вооружений — и поэтому предлагаем заморозить ядерные арсеналы, прекратить дальнейшее развертывание ракет; мы хотим действительного и крупного сокращения накопленных вооружений, а не создания все новых систем оружия, будь то в космосе или на Земле». Вместе с тем «в сложной международной обстановке, как никогда, важно поддерживать обороноспособность нашей Родины на таком уровне, чтобы потенциальные агрессоры хорошо знали: посягательство на безопасность Советской страны и ее союзников, на мирную жизнь советских людей будет встречено сокрушающим ответным ударом. Наши славные Вооруженные Силы будут и впредь располагать для этого всем необходимым»¹.

---

¹ Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС 11 марта 1985 года, с. 12—13.

Еще в 1981 г. Советский Союз внес в ООН предложение заключить договор о запрещении размещения в космическом пространстве оружия любого рода. Однако из-за обструкции Вашингтона разработка его была заблокирована. Тем временем США приступили к реализации плана милитаризации космоса, что означает качественно новый этап гонки вооружений. Появление космического оружия может дестабилизировать всю стратегическую обстановку и еще более увеличить риск войны. С этим же связано стремление США, невзирая на подписанный и ратифицированный ими бессрочный Договор об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г., создать систему противоракетной обороны (ПРО) космического базирования. Расчет делается на то, чтобы лишить способности другую сторону нанести ответный удар и, таким образом, оставить Советский Союз безоружным перед лицом американской ядерной угрозы.

Следовательно, планы создания разветвленной системы обороны от баллистических ракет преследуют вовсе не оборонительные цели, а направлены на создание потенциала первого удара.

По предложению СССР 39-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН (1984 г.) включила в повестку дня в качестве важного и срочного вопрос «Об использовании космического пространства исключительно в мирных целях, на благо человечества». В письме главы советской делегации А. А. Громыко генеральному секретарю ООН по этому поводу говорится: «Только гарантированное предотвращение милитаризации космоса обеспечит возможность его освоения в целях создания, а не разрушения. Тем самым открылся бы путь к объединению усилий государств в этой области, что в перспективе могло бы привести к созданию всемирной организации по использованию космоса на благо человечества»¹.

Выход гонки вооружений в космическое пространство грозит стать необратимым процессом и создать еще одну

---

¹ Правда, 1984, 29 сентября.

серьезную угрозу для самого существования человечества. «Спросите любого человека на улице любого города в Соединенных Штатах, в Советском Союзе или в любой другой стране, считает ли он, что там, за пределами земной атмосферы на высоте сотен километров, следует разместить ядерное вооружение и превратить космическое пространство в плацдарм подготовки к войне, или он сочувствует тому, чтобы этого не допустить. Ответ конечно же будет один: этого невозможно допустить»¹, — говорил на XXXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН А. А. Громыко.

Политика воинствующего антикоммунизма толкает человечество все ближе к ядерной катастрофе, она способна навлечь на все народы земли, в том числе и на народ США, неисчислимы бедствия. Эта политика, выражающая узкоклассовые эгоистические интересы военно-промышленного комплекса, и есть то «средоточие зла» в современном мире, поисками которого известные деятели в США занимаются повсюду, только не у себя дома.

Несмотря на серьезность международной обстановки и возрастание реальной угрозы всемирного военного конфликта, ход событий нельзя считать фатально предопределенным, необратимым. Сделанный в 50-х годах КПСС и братскими партиями вывод о возможности предотвращения войны полностью сохраняет свою силу. В течение четырех десятилетий миролюбивым силам удавалось блокировать агрессивную политику, детерминированную социально-экономической природой империализма. Есть веские основания утверждать, что этого можно успешно добиваться и в исторически обозримом будущем. Бесспорно, агрессивные круги империализма чрезвычайно активизировались. Но возросли и общественные силы планеты, выступающие за мирное сосуществование, за прекращение гонки вооружений, за мир не только для нынешнего, но и для других поколений. Неизмеримо выросла мощь Советского Союза и стран социалистического

---

¹ Правда, 1984, 28 сентября.

содружества. Империализму не удается нарушить в свою пользу военно-стратегическое равновесие, которое объективно содействует сохранению мира. Провалились потуги империалистов при помощи «силовых приемов» и языка угроз сделать позицию Советского Союза уступчивее, поступиться интересами своей и своих союзников безопасности.

В январе 1985 г. была достигнута важная договоренность относительно предмета и целей новых советско-американских переговоров по вопросам космических и ядерных вооружений. Принципиальная новизна этих переговоров заключается в том, что вопрос о немилитаризации космоса неразрывно связывается с вопросами об ограничении стратегических вооружений и ядерных средств средней дальности в Европе. Сама идея такого комплексного подхода принадлежит советской стороне. Советский Союз исходит из того, что вести переговоры и договариваться по стратегическим вооружениям невозможно без решения вопроса о ядерном оружии средней дальности. Ведь такое оружие, размещенное в Западной Европе и нацеленное на СССР, является для нас стратегическим.

В то же время гонка вооружений в космосе свела бы на нет результаты разоружения на Земле. Совершенно очевидно, что планируемый в США космический антиракетный щит имел бы вовсе не оборонный, а явно агрессивный характер.

Миролюбивый курс Советского Союза остается неизменным. Он направлен на предотвращение милитаризации космоса, прекращение гонки вооружений, ограничение, сокращение, а затем и полное исключение ядерного оружия из арсенала вооружений.

Стремясь сбить накал гонки вооружений и предотвратить новую мировую войну, Советский Союз, страны социалистического содружества выполняют трудную, но высокую и благородную миссию исторического значения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Веками и тысячелетиями длится борьба различных идеологий, происходит столкновение противоположных мировоззрений. Но никогда за всю историю эта борьба не достигала такого масштаба и напряжения, такой остроты, не затрагивала судьбы человечества, как в современную эпоху — эпоху перехода от капитализма к социализму и коммунизму.

Вопрос поставлен историей альтернативно: или социалистическая, или буржуазная идеология — примирения между ними быть не может.

Антикоммунизм — главная ударная сила буржуазной политики и идеологии. Известно, что в глазах многих прогрессивных людей на Западе антикоммунизм представляется чем-то иррациональным, феноменом социального безумия, «самой большой глупостью XX века». Хотя эти эмоциональные характеристики, безусловно, оправданы, они страдают односторонностью. Антикоммунизм — не просто «безумие», а присущая природе капитализма политическая и идеологическая функция, особенно в период его общего кризиса, концентрированное выражение буржуазной партийности, реакция на необратимые революционные изменения переходной эпохи.

И все же антикоммунизм в его наиболее агрессивном выражении — безусловное безумие, и не только с позиций рабочего класса и всего прогрессивного человечества, но и с точки зрения реалистически мыслящей части буржуазии,

которой вовсе не улыбается перспектива термоядерного конфликта с непредсказуемыми последствиями. Иррационализм, неразумие антикоммунизма являются верными признаками того, что капитализм как общественно-экономическая формация изжил себя и не имеет исторического будущего. Антикоммунизм есть выражение крайнего классового эгоизма, судорожная попытка продлить существование монополистического капитала любой ценой.

В 80-х годах XX в. стало особенно очевидным полное идейное бесплодие, духовная нищета антикоммунизма как идеологии монополистической буржуазии. Начиная с 50-х годов буржуазным идеологам-антикоммунистам удавалось создавать видимость исторической перспективы капитализма, связанной с научно-техническим прогрессом. Ими был сформирован футурологический идеал, модель «постиндустриального общества», «государства всеобщего благоденствия» как антитеза теории и практике реального социализма. Однако уже во второй половине 70-х годов эти декорации пришлось убрать с буржуазной идеологической сцены ввиду их явного несоответствия кризисной обстановке и мрачным перспективам будущего.

Что же ныне прокламируется взамен обанкротившихся теорий и обещаний кибернетического рая, на которых в течение четверти века спекулировал антикоммунизм?

На передний план выдвинулись неоконсерваторы и другие идейные прислужники воинствующего антикоммунизма.

Весь капиталистический мир не случайно захватила мутная волна неоконсерватизма и аналогичных ему течений, которые прогрессивные деятели на Западе сравнивают — и не без оснований — с предфашистскими и полуфашистскими идейно-политическими образованиями начала 30-х годов. Реакционные круги империализма вознамерились взять классовый реванш в глобальном масштабе.

Но империализм в наши дни не всемогущ. Силы мира и социального прогресса могущественнее сил, пытающихся повернуть историю вспять.

В глазах мировой общественности происходит саморазоблачение воинствующего антикоммунизма. Громогласно выступая защитником прав человека, империализм отрицает наиболее важные социальные права, и прежде всего право на труд. Лихорадочно вооружаясь, форсируя подготовку к войне, империализм угрожает самому фундаментальному человеческому праву — праву на жизнь. Прикрываясь демагогическим лозунгом борьбы против международного терроризма, империализм совершает против суверенных государств одну агрессию за другой, прибегает к наглому гангстеризму.

И эти факты вернее всего пробивают бреши в том пропагандистском антикоммунистическом колпаке, которым империалисты пытаются плотно прикрыть народы собственных стран и всего мира. Эти факты учат и воспитывают пародные массы лучше всяких слов.

Но нужны и слова — слова правды о социализме и об империализме. Слова страстные и убедительные, доходящие до умов и сердец миллионов жителей нашей планеты.

В борьбе с антикоммунизмом мы опираемся на реальные завоевания социализма, которые, как бы ни злобствовали наши недруги и ни чернили их, имеют эпохальное и непрерывно возрастающее значение.

Мы опираемся на прошедшее суровую проверку в горниле исторических битв марксистско-ленинское учение, постоянно развивающееся и потому вечно живое и непобедимое.

Используя мощный информационно-пропагандистский аппарат, огромный опыт идеологической работы, наша партия находится в историческом наступлении против буржуазной идеологии, дает активный отпор антикоммунизму и антисоветизму, усиливает свою контрпропагандистскую деятельность.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
<i>Глава первая.</i> СИСТЕМА АНТИКОММУНИЗМА	10
1. Сущность и разновидности антикоммунизма	—
2. Антикоммунизм как социальный институт	21
<i>Глава вторая.</i> АНТИМАРКСИЗМ — ВАЖНЕЙШАЯ ФУНКЦИЯ АНТИКОММУНИЗМА	27
1. Антимарксизм и псевдомарксизм	28
2. Буржуазный плюрализм или марксизм-ленинизм	45
<i>Глава третья.</i> АНТИКОММУНИЗМ И БУРЖУАЗНАЯ ИДЕОЛОГИЯ	64
1. Из истории «священной травли»	65
2. О парадигмах антикоммунизма	75
3. Проблемы будущего	83
<i>Глава четвертая.</i> ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНОГО РЕВАНША	101
1. «Феномен» неоконсерватизма	—
2. Куда течет «новая правая волна»	105
3. К вопросу о родословной	112
4. Вперед... в прошлое	117
5. Проповедь угнетения и международного разбоя	130

Глава пятая. АНТИСОВЕТИЗМ В СИСТЕМЕ АНТИКОММУНИЗМА	144
1. Квинтэссенция антикоммунизма	—
2. От антибольшевизма к антисоветизму	147
3. Фальсификаторы истории	156
4. Используя национализм	170
Глава шестая. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА — ОРУДИЕ АНТИКОММУНИЗМА	175
1. Психологическая война и буржуазная пропаганда	—
2. Содержание и цели психологической войны	182
3. О методах буржуазной пропаганды	188
4. Стереотипы и мифы в системе буржуазной пропаганды	202
5. Буржуазная «массовая культура» и антикоммунизм	209
Глава седьмая. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА — ПОДЛИННЫЕ И МНИМЫЕ	223
1. Реальный фундамент прав и свобод	224
2. Где и как обеспечиваются личные права и свободы человека	235
Глава восьмая. К ВОПРОСУ О ТЕРРОРИЗМЕ	251
1. Марксизм-ленинизм о роли насилия в истории	252
2. Кто же на деле практикует международный терроризм	259
Глава девятая. ПРОБЛЕМА МИРА И ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ	271
1. Апология войны	273
2. Антикоммунизм и милитаризм	282
3. «Летающие ящеры» антикоммунизма	292
4. С позиций реализма	301
5. Стратегия мира	310
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	331

Сергей Иванович Попов
Антикоммунизм —
идеология и политика империализма

Заведующий редакцией **Л. И. ГРЕКОВ**
Редактор **С. И. ПРУЖИНИН**
Младший редактор **О. П. ОСИПОВА**
Художник **В. Г. КУШЕР**
Художественный редактор **Е. А. ЯКУБОВИЧ**
Технический редактор **Ю. А. МУХИН**

ИБ № 4046

Сдано в набор 17.12.84. Подписано в печать 20.03.85. А00049. Формат 70×108¹/₂.
Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 14,70. Усл. кр.-отг. 14,70. Уч.-изд. л. 16,20. Тираж 50 тыс.
экз. Заказ 254. Цена 1 р. 20 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.